

Ганс Рот
Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя
танков. 1941–1943

За линией фронта. Мемуары –

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ганс Рот

АД
ВОСТОЧНОГО
ФРОНТА

ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО
ИСТРЕБИТЕЛЯ ТАНКОВ

1941—1943

Текст предоставлен издательством
 «Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941–1943»:
 Центрграф; Москва; 2019
 ISBN 978-5-227-08523-8

Аннотация

Ефрейтор, а позднее фельдфебель Ганс Рот начал вести свой дневник весной 1941 г., когда 299-я дивизия, в которой он воевал, в составе 6-й армии, готовилась к нападению на Советский Союз. В соответствии с планом операции «Барбаросса» дивизия в ходе упорных боев продвигалась южнее Припятских болот. В конце того же года подразделение Рота участвовало в замыкании кольца окружения вокруг Киева, а впоследствии в ожесточенных боях под Сталинградом, в боях за Харьков, Воронеж и Орел. Почти ежедневно автор без прикрас описывал все, что видел своими глазами: кровопролитные бои и жестокую расправу над населением на оккупированных территориях, суровый солдатский быт и мечты о возвращении к мирной жизни. В 1944 г. фельдфебель Ганс Рот пропал без вести в Витебском котле, но сохранились три дневника с описанием боевых действий, в которых он принимал участие. Лишь много лет спустя их обнаружили внуки Рота и осуществили издание записок своего деда.

Ганс Рот Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941–1943

© 2010 Christine Alexander and Mason Kunze
 © Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019
 © Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

* * *

Эта книга посвящается моему деду Гансу Роту – человеку, который в разгар войны счел необходимым оставить наследие для всех тех, кому не суждено будет знать его
Кристина Александер

Введение

Рассказы о войне всегда увлекали и очаровывали меня. Мальчишкой я часами просиживал у телевизора, забывая обо всем, вглядываясь в черно-белые кадры хроники Первой и Второй мировых войн. Наверняка я раз сто видел «Тора, Тора, Тора»¹ и «Пушки острова Наварон»², но готов был просмотреть их еще столько же.

Но я и вообразить себе не мог, что где-то в пыли под крышей родного дома скрывались записки того, кто воочию видел события войны, участвовал в них, и никакие исторические кадры не шли в сравнение с ними. Так продолжалось до тех пор, пока я, помогая однажды

¹ «Тора! Тора! Тора!» (англ. Tora! Tora! Tora!) – художественный фильм совместного производства США и Японии, вышедший на экраны 23 сентября 1970 г. Известен как наиболее достоверное киноизображение атаки японского флота на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. (Примеч. пер.)

² «Пушки острова Наварон» (англ. The Guns of Navarone) – военный кинофильм режиссера Джей Ли Томпсона, вышедший на экраны в 1961 г. Экранизация одноименного романа Алистера Маклина. (Примеч. пер.)

матери делать уборку в доме, не наткнулся на эти пролежавшие без дела целых три десятилетия сокровища.

Моя мать росла в 1930–1940-е годы и всегда без особой охоты рассказывала моему брату, сестре и мне о своем детстве в довоенной Германии.

С той же неохотой она передала мне эти три прекрасно сохранившихся рукописных дневника. И пояснила, что это фронтовые записки моего деда-немца. Написаны они были по-немецки, прочесть их я, естественно, не мог и первые пять страничек попросил перевести как можно скорее – мне не терпелось узнать, о чем в них говорится, а говорилось в них о вещах поразительных.

Даже переводивший их чистокровный немец был шокирован уже после нескольких страниц.

Это было сообщение из первых рук о жестокости, бесчеловечности и гибели, тесно переплетавшееся с надеждой, что однажды жизнь вернется в привычное нормальное довоенное русло.

Это были не просто слова солдата-фронтовика с передовой Восточного фронта, это были слова моего деда Ганса Рота. Деда, которого мне так и не посчастливилось узнать лично, а только судить о нем по страницам написанного им дневника.

В германскую армию Ганса Рота призвали в возрасте 30 с лишним лет. Любому позавидовал бы его жизни до войны. Он был владельцем процветающей фирмы, занимавшейся графическим оформлением и располагавшейся в самом центре Франкфурта-на-Майне, счастливым мужем прекрасной жены и отцом милой пятилетней дочурки по имени Эрика.

Его жена, моя бабушка, как и многие немки во время войны, была вынуждена пойти на работу на оружейный завод. На этой работе они дневали и ночевали, поэтому их дети были фактически предоставлены самим себе. Красный Крест направил мою мать, тогда еще ребенка, вместе с другими детьми на одну из ферм, где о них заботились чужие люди.

Миновало свыше пяти лет, пока дневник наконец не был переведен, – собственно, это было три дневника.

Одна из переводивших смогла осилить лишь очень небольшой отрывок, а потом отказалась от дальнейшей работы. Женщина мотивировала это тем, что, дескать, дневники настолько реалистичны и вызывают у нее столько эмоций, что она не в состоянии больше заниматься этим. К тому же я отметил, что и моя мама так и не прочла их до конца. Это было написано ее папой, тем самым папой, которого она толком и не помнила.

Единственное, что она запомнила о нем, так это склонившегося над ней мужчину, который хотел поцеловать ее на прощание, пока она лежала в своей кровати. После этого Ганс Рот отправился воевать.

И для моей матери прочесть эти дневники означало узнать о человеке, которого она не помнила, и вновь пережить всю горечь разлуки с ним.

Вплоть до нынешних дней она предпочитает ничего об этом не знать и не слышать.

Мэйсон Кунце, внук Ганса Рота

Предисловие

Вторжение немецких войск в Советский Союз в ходе Второй мировой войны стало крупнейшим и самым кровопролитным в истории столкновением двух государств. Огромная армия – по самым скромным подсчетам, 7 миллионов человек на начальном этапе – и тысячи танков и самолетов рассеялись по необозримым просторам. Подобно изображению на телеэкране, складывающемуся из миллионов точек, непостижимая свирепость этой кампании явилась результатом бесчисленного множества актов жестокости миллионов отдельных солдат. И все же значительные по объему детальные воспоминания об этой кампании

относительно редки: мало кто из ее участников отважился правдиво, без прикрас отобразить их на бумаге, а немногим отважившимся было не суждено дожить до ее завершения.

Ганс Рот находил время для ведения дневника, будучи участником самых ожесточенных сражений, отличавших ход войны на Восточном фронте. Его способность проникать в суть явлений рисует нам волнующую картину повседневной жизни немецкого солдата, сражающегося не на жизнь, а на смерть.

Ганс Рот любил жену и дочь. Дочь свою он видел очень недолго, поскольку был призван в вермахт и направлен на службу противотанковый батальон 299-й пехотной дивизии. Часто и едва ли не постоянно он в своем дневнике пишет о любви к семье, пишет, как тоскует по ней. В письмах домой, а писал он их при любой возможности (об этом постоянно упоминается в его дневниках), мне все же думается, что он не описывал ужасы войны с той характерной для дневника откровенностью.

Повествование Ганса начинается в конце весны 1941 года, когда 299-я пехотная дивизия, входившая в состав 6-й германской армии, готовилась к нападению на Советский Союз. Согласно операции «Барбаросса», 299-я дивизия в ходе упорных боев продвигалась южнее Припятских болот. Ганс Рот своими глазами видел гибель людей, причем солдат и офицеров обеих армий, как русской, так и немецкой. В конце лета того же года подразделение Рота участвовало в замыкании кольца окружения вокруг столицы Украины (Украинской ССР в составе СССР), создании Киевского котла и одним из первых вошло в Киев. По прошествии совершенно ужасной, холодной зимы Рот вместе со своими однополчанами из 299-й дивизии осуществлял поддержку северного крыла 6-й армии, наступавшей тогда на Сталинград, и принял участие не в одном из ожесточенных сражений. В ходе широкомасштабного контрнаступления Красной армии, в результате которого 6-я немецкая армия была прижата к Волге и оказалась в кольце окружения, 299-й дивизии и вместе с ней Гансу Роту посчастливилось не угодить в клещи советских войск. Русские продолжали наносить сокрушительные удары, и Ганс Рот стал свидетелем разгрома 8-й итальянской, 2-й венгерской и 3-й румынской армий севернее Сталинградского котла, когда личный состав перечисленных армий просто рассеялся по местности. Его подразделение потом включили сначала в состав 2-й армии, потом 2-й танковой армии – все это стало результатом попыток удержать фронт на южном фланге группы армий «Центр» после гибели 6-й армии под Сталинградом. Впоследствии Ганс Рот участвовал в кровопролитных боях за Харьков, Воронеж и Орел, также по своему характеру крупных и ожесточенных сражениях, что в целом соответствовало специфике ведения боевых действий на Восточном фронте.

В своих описаниях германских кампаний ефрейтор, а позднее фельдфебель Рот со всей отчетливостью описывает происходящее, в частности, жизнь русских и украинцев, нужду, которую они испытывали, подчеркивая вопиющую разницу с той явно приукрашенной картиной жизни, о которой он был слышан в довоенные годы. Их жизненный уклад оказался для Ганса Рота шокирующе чужеродным, незнакомым, но, проведя бок о бок с ними без малого два года, он сумел привыкнуть к нему. Он был свидетелем массовых расправ с взятыми в плен партизанами, открыто и резко выражая недовольство обращением с ними и в то же время прекрасно понимая, что именно от этих людей он сам в любой момент мог получить пулю в спину, – таковы непреложные и жестокие законы войны. Начисто лишённые какого бы то ни было сглаживания углов и затушевывания зверств, столь характерных для более поздних публикаций военной мемуаристики, воспоминания Рота имеют одно явное преимущество: они, в отличие от подавляющего большинства литературы подобного жанра, писались не в послевоенные, а в военные годы. В этом и состоит сила дневников Рота – его мысли и впечатления лишены какой-либо растушевки, не замазаны ничем, бесчеловечность не прикрывается фиговыми листками иносказаний, вероятно куда более удобоваримых для послевоенного восприятия.

Ганс Рот пропал без вести в Витебском котле, одном из нескольких во время разгрома группы армий «Центр» в июне – августе 1944 года. Нет никакого сомнения, что он писал свой четвертый по счету дневник как раз тогда, когда летом 1944 года все его контакты с

семьей оборвались окончательно. Три дневника, описывавшие предыдущий период войны, благополучно добрались до дома, последний дневник завершается описанием событий июля 1943 года. О дальнейшей службе Ганса Рота известно мало, разве что из его писем домой, но в письмах, в отличие от дневников, как уже говорилось, ужасам места не нашлось. Место захоронения Ганса Рота до сих пор неизвестно.

Но написанные им дневники – своеобразный памятник ему и миллионам солдат, не вернувшихся домой и после страшного конца той войны.

Джеффри У. Роджерс

Дневник первый. Операция «Барбаросса» и битва за Киев

Примечание издателя

Записи в первом дневнике Ганса Рота начинаются с того, как 299-я пехотная дивизия, в которой он служил под командованием генерала Вилли Мозеля, развернулась у реки Буг в Польше, дожидаясь сигнала к началу операции «Барбаросса» – массированного наступления немцев на Советский Союз. Упомянутая дивизия входила в состав 6-й армии под командованием Вальтера Рейхенау, составлявшей левый фланг группы армий «Юг» под командованием фельдмаршала Герда фон Рундштедта.

Немецкие войска действовали тремя группами армий – «Север», наступавшей на Ленинград, «Центр», целью которой являлась Москва, и «Юг», главный удар которой был направлен на Киев и промышленные районы юга страны. Группа армий «Север» действовала в более выгодных условиях, ибо ее левый фланг составляло Балтийское море, таким образом, удар советских войск с этого направления исключался. Группа армий «Центр» имела в распоряжении две расположенные по флангам танковые группы. Такое развертывание позволило немцам провести несколько сражений на окружение: в районе Бреста, Минска и Смоленска, в считанные недели выйдя на подступы к Москве.

Верховное командование вермахта недоценило серьезности задач, стоявших перед группой армий «Юг», хотя группа и располагала, правда, всего одной танковой группой, театр военных действий был достаточно обширным и не имел естественных преград, которые могли бы способствовать противнику в концентрации сил. Далее, силы Советов на южном направлении под командованием маршала Семена Буденного^[3] были самыми многочисленными – 1 миллион солдат и офицеров, не считая резервных сил. На всех участках фронта наступления немцы были шокированы количеством артиллерии, танков и самолетов, в значительной степени превышавшим их предвоенные расчеты, а также ожесточенным сопротивлением Красной армии, в особенности именно на южном направлении.

В результате, если обе действовавшие севернее армейские группы – «Север» и «Центр» – сумели добиться впечатляющих успехов, то группа армий «Юг» увязла в кровопролитных, тяжелых боях с силами Буденного. 1-я танковая группа Клейста оказалась не в состоянии обеспечить своими силами окружение крупных сил неприятеля даже в условиях степной местности. Начальная стадия операции «Барбаросса» на южном направлении осуществлялась в основном за счет пехотных дивизий, продвигавшихся вглубь территории противника, сокрушавших силы русских и в конце концов вышедших к Киеву, где разыгрывались события, повторявшие Первую мировую войну.

6-я армия Рейхенау служила главным орудием наступления до июля 1941 года, когда главное командование сухопутных сил решило включить в состав 17-й армии и танковые силы, что позволило провести в районе Умани сражение на окружение, в ходе которого было захвачено 100 тысяч пленных. Поредевшие и отброшенные силы Буденного не смогли сдержать немцев на пути к низовьям Днепра и Черному морю, включая Крым.

Тем временем 6-я армия сражалась в районе Коростеня, Житомира и других городов на подступах к Киеву, где в нее мертвой хваткой вцепились силы советского Юго-Западного фронта. Хотя большинство сводок относительно хода осуществления операции «Барбаросса» и пестрит описаниями убедительных побед немецких танковых дивизий, Рот описывает сражения пехотных дивизий 6-й армии как ад в чистом виде, как ожидание от командования исправления вопиющих ошибок.

В последующих дневниках, переведившихся с рукописных версий, в отдельных местах добавлены отсутствующие знаки препинания и концы абзацев. Где возможно, часть идиоматических выражений и чисто технических терминов снабжены помещенными в квадратные скобки пояснениями. Названия, присвоенные самим дневникам, принадлежат издателю и не являются частью оригинала.

12 июня 1941 г.

Снова нас вот-вот развернут для выполнения очередной сложной задачи. Надеюсь, что все, что произойдет, займет место в моем дневнике. В нем я буду отображать ежедневные события в их истинном виде, ничего не приукрашивая. В письмах жене о таких вещах мне сообщать воспрещается, но ничего, придет время, и я расскажу ей обо всем.

После изнурительной переброски, занявшей несколько дней, мы прибыли в Лащув (Польша), расположенный в 8 километрах от русской границы. Мы маршем прошли через Опатув, Люблин, Красныстав, Замосць, Хрубешув к нашему пункту назначения. Жара и пыль ужасны.

Жители Лащува, крохотного городишки в характерном украинском стиле, дружелюбно настроены и опрятно одеты. Дома [мазанки] небольшие, одноэтажные, покрытые гонтом. Здесь основные стройматериалы – дерево и солома. Амбары и дома из плетеного ивняка.

Комнаты, хотя и небольшие, но чисто прибранные, всегда с белеными стенами, увешанными цветными плетеными соломенными ковриками. Печи, стены и потолки расписаны красивыми цветами. Яркие вышитые подушки, занавески и половики создают простую и в то же время приятную, радостную атмосферу. Мы разбили палатки в амбарах, где, наконец, можем рассчитывать на вполне заслуженные отдых и тишину.

13 июня

Переброска в Замосць для занятия позиций. Потрясающе живописный городской рынок. Богато украшенные барочные фасады здания бургомистра я хоть и вижу впервые, но мне они нравятся. Изумительный стиль! Здесь повсюду русские церкви с луковками на крышах. Названия улиц и лавочек, как правило, на двух языках – на немецком и на украинском.

14 июня

Получен приказ следовать к реке Буг (Западный Буг). В составе небольшой разведгруппы мне сразу же по прибытии на место велено нанести на карту позиции противника. По пути к месту вижу множество саперов, занятых засыпанием ямок на дорогах и прокладыванием гатей через заболоченные места.

К полудню я в Пясечно. Местный лес уже занят русскими. Буквально в нескольких десятках метров развеивается советский флаг с серпом и молотом. Думать не хочется о том, что было бы, если бы русские решили выслать разведчиков в этот район. Мы очень хорошо понимаем, что подобное вполне возможно.

И что нам тогда делать? Русские доты в каких-нибудь сотне метров, и оттуда очень хорошо видны наши – 10 солдат и горстка саперов. Река служит государственной границей – за ней бездна, пропасть. Если русские надумают наступать, уйти мы не успеем, транспорта у нас никакого. Может, мы козлы отпущения, специально отданные на заклятие русским на случай нашего вторжения? Подобные вещи случались в Польше. А что, вполне почетный смертный приговор! Но пока мы мирно отсыпаемся. Даже боевое охранение не выставили. К чему? Все равно – чему быть, того не миновать.

Моя дорогая Розель, если бы я написал обо всем этом, ты бы навек лишилась покоя. Счастье, что ты об этом ничего не знаешь.

15 июня

Обстановка с каждым днем все серьезнее. Прошлой ночью на нашем берегу были замечены русские разведчики, буквально в двух шагах от того места, где мы расположились. Судя по следам на песке, это была группа человек как минимум двадцать. В какую же заваруху мы ввязываемся! Неужели придется в них стрелять?

Теперь нам уже никак не остаться незамеченными. Они днями напролет отслеживают каждый наш шаг через стереотрубы. Вот и приходится пробираться по берегу скрытно, как индейцам, чтобы выполнить поставленную задачу. Именно так и придется действовать завтра, чтобы отметить на карте все неприятельские позиции и определить сектора огня для артиллерии. Хочется верить, что все получится!

16 июня

Вот уж повезло нам! Я сумел выполнить приказ безо всяких осложнений с красными. Мне уже известен участок реки, которую нам вместе с саперами предстоит преодолеть. И снова мы в первой волне наступающих! Поскольку операция базируется на полной внезапности для русских, атака, вероятнее всего, должна начаться через несколько дней. В лесу позади нас кипит бурная деятельность. Занимает позиции тяжелая артиллерия. Прибыли и танки. А прошлой ночью установили зенитные орудия.

Но и на стороне противника не сидят сложа руки. Красные укрепляют свои позиции, из занятого ими леса доносится шум – похоже, и они выводят танки на исходные позиции. Я сегодня измотался, даже вечером жара нестерпимая.

17 июня

Идет дождь, это самое настоящее благословение для местных крестьян. Все тропинки разом превратились в жижу по колено.

В полдень прибыл наш командующий [генерал Вилли Мозер]. Он привез неважные новости – нам предстоит торчать здесь еще несколько дней. К вечеру прояснилось, и небольшая прогулка по берегу Буга расслабила мои натянутые в последние дни, как струны, нервы.

Мне уже известен день нападения. Все произойдет 21 июня одновременно по всему огромному фронту. Что готовят нам следующие недели... С тоской вспоминаю дорогую семью. Как я себя неоднократно спрашивал, уж не тоскую ли я просто по комфорту штатской жизни. Я об этом раздумывал по пути к фортификационным сооружениям у Буга: нет, дело не в комфорте. Мои мысли постоянно вертятся вокруг Розель и моей дочурки Эрики. Меня до слез трогает ее любовь в каждой строчке писем. Эти двое – самые дорогие для меня создания на свете, и вот жизнь разлучила меня с ними.

Мыслями возвращаюсь к родителям – к отцу и матери, они тоже бесконечно дороги мне, мы очень любим друг друга. С благодарностью вспоминаю обо всем том добром, что сделали они для нас с Розель. С Божьей помощью я миную все трудности предстоящих недель. Ради них.

18 июня

Все очень и очень серьезно. Под покровом темноты наша дивизия перестраивается для атаки. Сегодня около полудня прибыло подкрепление – части 528-го пехотного полка – молодые ребята с незагорелыми лицами. Солнце едва коснулось их только в последние дни. Да уж, солдатская участь! Я думаю, что атака по всему фронту начнется в воскресенье.

Этот только что наступивший день доставил мне радость – целых два письма от любимой Розель и еще одно из Ханау.

19 июня

Мои последние наблюдения привели меня к мысли о том, что наш участок [фронта] ждет ожесточенное сопротивление противника. Интересно, удастся ли нам наш основанный на внезапности маневр?

В тылу местных жителей заставляют уходить – бросать имущество и хозяйство. Нашим войскам, вероятно, тоже предстоит наступать завтра. Какая бесчеловечность – сгонять людей с насиженных мест! Женщины рыдают, рвут на себе волосы. Кругом плач и только плач! И мы ничем не можем им помочь!

Ура! Величайшая битва всех времен начинается послезавтра!

20 июня

Покидаем землянку. Прибыла дивизия – идут последние приготовления к атаке через Буг.

21 июня

Начало атаки сегодня ночью в 3.00. Мы приданы группе Клейста [1-я танковая группа под командованием фельдмаршала Пауля Людвиг фон Клейста]. Наша задача: быстрый прорыв боевым порядком углом вперед, невзирая на потери...

На момент все затихает, наступает чудесное предзакатное спокойствие. Несколько часов спустя все эти домики запылают, а в воздухе засвистят осколки снарядов. Воронки избородят поля и дороги.

То, что мы снова часть сил наступления под командованием Клейста, впечатляет. Прощай, моя жена Розель. Прощайте, мои дорогие родители. Завтра я буду думать о вас. Не тревожьтесь – солдатское везение не покинет меня.

22 июня

Внезапно, примерно в 3.15, гремит первый залп – огонь ведут сотни орудий всех калибров. В ответ раздается вой снарядов сталинского арсенала. Армагеддон начался. В этом грохочущем аду не обмолвишься и словом.

Наши тылы пока что мирно дремлют, но смерть уже пожинает урожай. С каменными лицами мы ползем по траншеям, считая минуты до приказа атаковать фортификации Буга... невольно касаемся солдатских жетонов, разбираем ручные гранаты, проверяем наши автоматы.

На часах 3.30. Раздаются свистки – мы проворно выскакиваем из укрытий и со всех ног преодолеваем 20 метров, отделяющие нас от лодок. Не замечаем, как оказываемся на том берегу, где нас встречают пулеметные очереди. Первые потери.

С помощью саперов мы медленно – слишком медленно – продираемся через заграждения из колючей проволоки. Еще несколько шагов – и мы подбираемся к первому доту, держась в мертвой зоне стрельбы. Русские палят как оголтелые, но достать нас никак не могут. Близится решающая минута. Сапер-взрывник подкрадывается к бункеру сзади и швыряет в амбразуру дота связку гранат. Бетон сотрясается, из амбразур валит черный дым – сигнал начала конца. Мы продолжаем наступать, и к 10 утра Мовники в наших руках. Красные под натиском наших пехотинцев беспорядочно отступают. Поскольку наши танки довольно медленно форсируют реку, нам дан приказ очистить деревню от оставшихся там русских. Прочесываем все село хату за хатой. Видим ужасные последствия нашего артобстрела. Но и русские тоже в долгу не остались.

Постепенно успокаиваемся и привыкаем к царящей вокруг разрухе. Неподалеку от здания русской таможни грудой свалены мертвые тела русских, большинство изуродовано осколками снарядов. Тут же несколько погибших при артобстреле штатских. Искалеченные до неузнаваемости тела женщины и двух ее маленьких детей лежат среди разбросанного домашнего скарба их аккуратного домика.

Нами захвачены первые пленные – снайперы и дезертиры получают заслуженное.

Как только прибывают наши танки, мы продолжаем атаку, но уже поддерживая ее огнем из ручного оружия, продвигаясь на Мышев, расположенный примерно в 40 километрах от

линии фронта. В районе Бискупице наталкиваемся на ожесточенное сопротивление противника.

Гельмут Пфафф со своей 14-й ротой с трудом отбивает атаку русских танков. С большими потерями он вынужден отступить к Бискупице. По его расчетам, ожидается атака примерно 50 тяжелых танков русских. К закату мы занимаем круговую оборону. Хотя все вымотались за этот первый день боев, никто и не думает спать. Ночь проходит беспокойно, почти без сна.

23 июня

Утро начинается с обстрела легкой артиллерии. Русские танки так и не покинули зоны развертывания. Нам к 8.00 обещано подкрепление – танки и пикирующие бомбардировщики. Это здорово поднимает наш боевой дух.

А пока наши друзья из люфтваффе приготовили для нас развлечение. На бреющем они один за другим проносятся у нас над головой. Один за другим сбито 9 русских бомбардировщиков. Охваченные огнем, они падают на землю и взрываются. Это результат мастерской работы летчиков-истребителей под командованием Вернера Мельдеса и Адольфа Галланда^[4].

В полдень русские начинают танковую атаку. Полчаса спустя следует контратака немцев. Ничего подобного нам видеть еще не приходилось: против нас брошено 100 танков. Но самое главное – не дрейфить и сохранять спокойствие. За очень короткое время нам удалось подбить 4 русских танка. Примерно два десятка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» с воем обрушиваются на русские танки. Во второй половине дня исход битвы решился в нашу пользу. Свыше 60 подожженных и застывших в неподвижности танков рассеяны по полю. Большая часть подразделений противника отступила к Бобичам. Мы идем за ними по пятам всю ночь, что позволяет нам затем окружить их.

24 июня

К концу дня удалось окружить силы врага и, невзирая на отчаянное сопротивление русских, сузить кольцо окружения. К 9.00 битва достигла кульминации. Ожесточенный отпор окруженной дивизии тревожит нас. Русские, словно обезумев, рвутся к нашим позициям. К 10.00 положение становится весьма критическим – русским удастся прорвать кольцо окружения на южном участке низины.

Был открыт артиллерийский огонь, и уже несколько минут спустя у нас над головой засвистели осколки. Прямо перед нами в небо вздымаются клубы черного дыма. Иногда мелькают белые клубки разрывов шрапнели. Вся низина нещадно поливается осколками снарядов. Мы пробираемся к первым домам Бабичей под огнем прочно засевших на позициях русских. Проклятые минометные мины взрываются одна за другой справа от нас и над нами. Повсюду этот вой, свист – отвратительный, мерзкий звук осколков мин. С перекошенными от страха лицами мы прыгаем в траншеи русских. Их укрепления молотят противотанковыми снарядами. Вокруг безумный хаос. Русские палят по нам шрапнелью... И сверху на нас обрушивается град осколков, они сыплются и в расположенный неподалеку впереди пруд.

Появляются советские истребители. Атака с воздуха. Хвала Богу – потерь нет. К полудню добираемся до центра села. Сопротивление русских сломлено – разгромлена целая советская дивизия. Улица усеяна телами убитых и раненых солдат. Но и наши потери внушительны. И устали мы так, что еле волочем ноги. Но, забыв об усталости, перестраиваемся и продолжаем наступать, не встречая сопротивления врага, на село Локачи. Нас там явно не ждут в гости – мы встречены яростным пулеметным огнем. Проклятые снайперы! С помощью ручных гранат мы очищаем дом за домом от засевших в них красноармейцев. Эти фанатики нещадно поливают нас огнем из-под рухнувших крыш, которые становятся для них могилами. Другие в последнюю минуту пытаются бежать, превращаясь для нас в движущиеся мишени, они замертво падают тут же на улицах от пуль или же от штыков немецких солдат. Час спустя село уже пылает, как спичка.

Невольно спрашиваешь себя, видя все это: а сколько же пострадало ни в чем не повинных людей из местных жителей? Страшная мысль. Видимо, не один я думаю об этом, потому что наши солдаты вовсю одурманивают себя шнапсом.

Как только огонь охватывает первую хату, замечаем лежащие на дороге трупы. Солдаты не щадят никого и ничего, уничтожают все, что видят. Вскоре горизонт застилает черная пелена дыма. По-видимому, в актах этой бессмысленной жестокости вымещается вся чудовищная усталость от бесконечных маршей и схваток с противником. Единственный выстрел снайпера возвращает тебя к жизни, забываешь и о дьявольской жаре, и вообще обо всем. Один пехотинец как-то сказал мне: «Пойми, я просто дико устал, а теперь я как огурчик. Я снова чувствую себя человеком!» У меня живот сводит от этих слов.

25 июня

Чего бы я только не отдал за несколько часов сна! Пару часов все же удалось выкроить, но потом нас подняли и приказали прорываться через позиции врага южнее Луцка. Сумеет ли мы без осложнений форсировать Стыр (Стырь)?

Наше бешеное наступление оборачивается чуть ли не против нас: только несколько метров вдоль дороги можно считать полностью очищенными от врага. Прочесывать близлежащие леса нет времени, а именно там скрывается неприятель, перестраиваясь, чтобы атаковать нас изподтишка. Массу времени отнимают эти стычки с разрозненными группами русских в нашем тылу.

Русские атакуют и полностью уничтожают у нас в глубоком тылу наши транспортные колонны войскового подвоза. Русские самолеты донимают нас, словно одуревшие мухи. Это просто чудо, что все их фанатичные атаки оборачиваются минимальными потерями.

Около полудня мы у реки Стыр. Русские взорвали плотину, большую территорию залило водой, наводит понтоны бессмысленно. Враг постоянно и беспрепятственно ведет беглый огонь по нашему плацдарму.

Тяжкий день для меня! Погибло четверо моих хороших друзей: Вальтер Вольф, Хорас, вечный весельчак Мюгге и Шильке. Многие другие получили тяжелые ранения. Я сам на пределе сил физических и моральных! Если бы ты только видела сейчас меня, моя дорогая Розель, – грязного, оборванного, издыхающего от жажды... Взглянув на меня, ты тут же разрыдалась бы. Нашей любимой родине никогда не понять, что за кампания выпала здесь на нашу долю. Невозможно себе вообразить и эту территорию, и то, как нам по ней приходится передвигаться, не говоря уже о боях, в которых мы участвуем.

Только что завершилась очередная атака русского штурмовика. Грубер погиб. А он ведь всего 8 дней назад обвенчался. Ночью глаз сомкнуть не удалось. На востоке в тылу настоящий ад. Небо кроваво-красное, в воздухе постоянный гул разрывов – вокруг идут сильные бои.

Прибыло подкрепление – танки. Нам сообщили о начале сражения за Луцк. На закате в стороне деревни видим темные облака дыма над берегами реки.

26 июня

Утром никаких изменений в обстановке. До сих пор перебраться на другой берег реки невозможно – просто не на чем. Из штаба дивизии поступил приказ – форсировать Стыр в районе Луцка, несмотря на наличие там крупных танковых сил русских. Ладно, направляемся туда, куда приказано, – идем сами, ни пехоты, ни тяжелой артиллерии. Реку предстоит преодолеть на надувных плотках.

От постоянных атак врага можно с ума сойти. Такое впечатление, что русские самолеты, большей частью штурмовики и бомбардировщики, появляются как снег на голову прямо из зарослей. И все происходит в считанные секунды: сначала оглушительные разрывы, потом глухие выстрелы их бортовых пушек и пулеметов, а под конец черный, вонючий дым разрывов. После этого стоны и крики раненых и умирающих, и все. Конец фильма. И так было раз пять по пути к Луцку. Наши потери значительны. Мы медленно входим в деревню,

не забывая о прикрытии флангов. В центре села есть возможность передохнуть, собрать раненых и перекусить.

Наши артиллерия и пикирующие бомбардировщики здорово поработали в этом городке. Жуткое зрелище представляет собой городская тюрьма. Перед тем как оставить город, большевистские тюремщики устроили здесь жуткую кровавую баню. Свыше сотни людей – мужчин, женщин – забили, как скот. До конца жизни мне не забыть эти леденящие душу мертвые лица.

А пока что наши вытащили нескольких красноармейцев и евреев оттуда, где те пытались отсидеться. Краткое соло из пистолета – и этот сброд уже на небесах.

Продвигаемся дальше. При поддержке танков мы медленно приближаемся к восточной части города. И тут внезапно видим русские танки. И даже противотанковые пушки не развернешь – времени нет. Наши танки следуют в боевом порядке, мы на броне, обвешаны ручными гранатами, готовы подавить русских пехотинцев. Час спустя после сражения с этими бронированными бегемотами и сопровождавшими их пехотинцами все кончено – танки подбиты, пехотинцы врага разбежались. Но и у нас потери в несколько танков. Я был как раз на одном из них, и мне невероятно повезло, что меня не зацепило. Подобный эпизод дьявольски типичен для этой проклятой Восточной кампании. Наши танки уже далеко впереди, они в 40 километрах отсюда и наступают на Луцк.

Луцк был взят нашими войсками накануне утром, и вся территория вокруг города зачищена немецкими войсками. И все же откуда у противника вдруг возникло столько танков и пехотинцев? Эти азиатские сволочи хитры и коварны – что ни час, то новый сюрприз. Кусок дерьма под нос. Но здесь нигде не чувствуешь себя в безопасности. Ни часа, ни минуты, ни секунды беззаботности. Нет, я не трус, это точно. Чувство страха мне неведомо. Но все равно мчаться на мотоцикле вместе с кем-нибудь из связанных вдоль длинющих лесных массивов, которые еще предстоит зачистить, – удовольствие более чем сомнительное.

За последние несколько дней красные застрелили нескольких вестовых на мотоциклах, раненых они стаскивали с машин и подвергали ужасающим издевательствам, только потом уже добивали. Необдуманность, безрассудство поведения русских видна на следующем примере.

Сегодня во второй половине дня, когда появились русские танки, экипаж одной из наших машин, выбравшись на башню, попытался перенацелить пушку. Когда мы вернулись, танк пылал, как спичка. Какой-то тип из штатских, прятавшийся неподалеку, поджег наш танк. Его, разумеется, схватили и бросили на горевший танк.

Вечером резко возросла активность русских как на земле, так и в воздухе. Ходят слухи, что мы в окружении вражеских танков. Дело дрянь! Но не впадать в панику и ждать!

27 июня

Всю ночь русские орудия (от 76,2-мм до 122-мм) колошматили наши позиции. Еще одна ночь без сна и покоя. К рассвету налетела целая стая русских истребителей, однако пользы от их стрельбы было мало – мы успели укрыться в траншеях. Машины виляли в воздухе, словно пьяные, – их кидало то вправо, то влево. А мы падали по ним, как сумасшедшие. Мы-то отлично понимали, что означают эти их выкрутасы – вынюхивают сверху, где наши позиции. Потом они либо подвергнут нас интенсивному прицельному обстрелу, либо явятся машины потяжелее и скинут на наши траншеи с десятков бомбочек. Поэтому нам было велено сменить позиции, что само по себе не так уж и просто – мы под обстрелом с воздуха.

Как и ожидалось, и нескольких минут не прошло, как появилась группа бомбардировщиков. В воздух метров на 40–50 взметнулись комья земли и дерна. Прямо к ногам шлепались раскаленные осколки. Но как внезапно все началось, так и закончилось. Наступила призрачная, нереальная тишина. Пожирющее наши нервы безмолвие, если не считать стонов раненых.

Чего ждать теперь? Третьей и четвертой волн, которые превратят наши позиции в месиво? Тянется минута за минутой тревожного ожидания, но ничего не происходит. Даже огонь

противника и тот вроде затих. Какое-то время еще гулко тарыхтит тяжелый пулемет, потом тишина. Что происходит? Почему бы русским не атаковать нашу компашку? Но вскоре последовал ответ: наши пехотинцы ускоренным маршем следуют к нам на подмогу (еле тащатся, ибо трудно передвигаться быстро, если ты уже успел набегаться до кровавых мозолей). Русские настолько учтивы, что решили уступить кусок территории нашим солдатам. Судя по всему, вот-вот будет перевернута еще одна страница!

28 июня

Утром прибывают остатки наших моторизованных подразделений и – что куда важнее – артиллеристы. Но самое важное из всего, разумеется, провиант. Прибывают и машины войскового подвоза. Значит, будет и горючее. Туго пришлось бы нам, если бы на момент атаки русских в баках наших танков оставались бы лишь капли бензина.

Наступаем, но никакого боевого соприкосновения с противником. Вражеские истребители постоянно донимают колонны нашего войскового подвоза, но вот сегодня на серьезные атаки отчего-то не решаются – видимо, потому, что с нами сегодня наши ребята из пулеметной роты. Любо посмотреть, как они своими спаренными пулеметами прочерчивают синее небо. Наши войсковые зенитчики утратили бы дар речи, если бы получили такие. Господа пилоты русских истребителей, уже очень скоро поняв, что к чему, разворачиваются и, злобно рыча двигателями, убираются восвояси. Но прощальный их залп из бортовых пушек обходится нам двоими ранеными солдатами.

29 июня

Утром выясняется, почему русские так поспешно убралась. Мы призвали на помощь группу украинских военнопленных, скрывавшихся в кустах. Они уже не имеют никакого желания продолжать с нами сражаться и куда лучше нас осведомлены об обстановке. И то, что они нам рассказали с характерными ухмылками, обрадовало нас. Русские окружены, и, поскольку кольцо окружения в районе Дубно довольно слабое, они приступили к сосредоточению сил для предстоящего прорыва.

В Дубно мы прибываем вечером ускоренным маршем. В городе ни одного неприятельского солдата. Раньше во второй половине дня русские после тщетных попыток удержать город оставили его. Перед тем как уйти, русские разрушили его. Сплошные руины. В городской тюрьме мы обнаружили груды изуродованных трупов.

Так называемая «проверка на дорогах» на мотоцикле с коляской едва не стоила нам жизни. Красные явно неплохо поднатаскали своих новобранцев по части огневой подготовки. Один из них попал в наш мотоцикл с тремя солдатами с дистанции в 150 метров. Выжившие имели все основания кувыркаться от радости. Нас спасли каски на голове, не надень мы их, нам точно бы несдобровать – шансы выжить были 3 к 100!

Уже в сумерках наша артиллерия обстреляла отступавших русских. Вместе с 9-й танковой дивизией мы продолжили преследование отступавших сил противника. Танки и в темноте занимают территорию. Мы следуем за ними, прикрывая фланги. Те, кому пришлось прикрывать фланги в войне с большевиками, поймут, что мы провели еще одну ночь без сна.

30 июня

Вопреки ожиданиям, ночь прошла спокойно, даже тихо, судя по нашим стандартам. Мы за минувшие дни успели привыкнуть к шуму и грохоту. Осколки кое-где иногда и посвистывают, да и малый калибр поднимает фонтанчики земли прямо у наших ног.

Адская сцена разыгрывается в 3 часа утра. Видимо, наши танки наткнулись на силы противника, хотя русских нигде не видно.

Солнце нещадно палит. Голова гудит от жары, еле шевелишь ногами и руками. «Старик» (фельдфебель), кажется, обладает способностью прочитывать наши мысли: «Кто больше не может сидеть у пушек, может прилечь и вздремнуть». Люди не обращают внимания, где находятся. Просто валяются на землю там, где стояли. Кое-кто в состоянии даже добрести до ближайшего сарая или амбара, там упасть на земляной пол и тут же отключиться.

Когда мы просыпаемся, дело идет к вечеру. В животе урчит. Воздаю хвалу нашему повару – Рудольф не покидает нас даже на передовой, и, хотя устал ничуть не меньше нас, все же, пока мы дрыхли, приготовил для нас знатную жратву – из свинины. Это встречено радостными возгласами, но вышестоящее начальство тут же обрывает их. Но видно, что повар весьма польщен нашей реакцией. Тут же принявшись за еду, мы даже позабыли о том, что вокруг сотни трупов.

Едва успели поесть, как произошло нечто ужасное. Снаряд из окаянного 122-мм орудия, которое систематически вело огонь по нам, угодил в отделение Франке. Когда облако дыма рассеялось, нашим взорам предстал кошмар. В этом хаосе среди разбросанных снарядных ящиков, искореженных обломков металла и луж крови лежали восемь трупов наших товарищей. Сам Франке сидел в траншее, наполовину заваленный землей, тупо взирая на ад кругом. Когда мы попытались отрыть его, он рывкнул на нас: «Что вам от меня нужно? Я останусь со своими ребятами!» Бедняга был явно не в себе. Вскоре он скончался. От кровопотери. Осколком ему отхватило руку. Жизнь комична – один-единственный русский снаряд разнес в пух и прах наш привал. И при этом – ни единого выстрела в ту ночь не прогремело!

1 июля

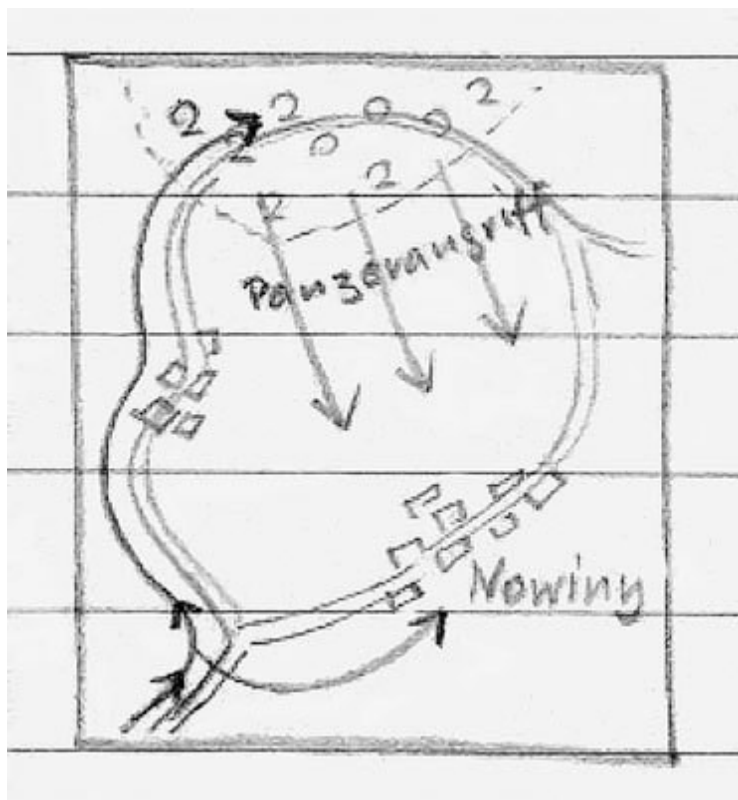
И это утро выдалось спокойным. Лежу на траве, гляжу в синее летнее небо. Крохотные белые облачка медленно тянутся на запад. К родным местам. От травы исходит резкий запах. Пчелы и шмели перелетают с цветка на цветок. Спокойствие ну совсем как дома. Розель, а помнишь, как мы с тобой любили летом выбираться на природу? Как ты тогда радостно и взволнованно рассуждала о жизни муравьев. Интересно, чем ты занята именно сейчас? В данный момент? Как я по тебе скучаю!

Возвращается группа разведчиков. С ними пленные. Большинство пленных раненые. Разведчики обнаружили несколько позиций противника. Большую часть пленных захватили на местной свиноферме, где они попытались укрыться.

Очень странное создание русский солдат. Нам, немцам, никогда его не понять до конца. С одной стороны, он невероятно добродушен, отзывчив, всегда готов прийти на помощь, гостеприимен. С другой – жестокий, не ведающий пощады.

Это – Россия! Кто в состоянии разобраться, что здесь происходит? Русский солдат – сильный противник, до последнего защищающий свою землю. Его бесстрашие не следует сравнивать с немецким солдатом, готовым с улыбкой на лице биться ради великой победы.

«Товарищ генерал поставил меня сюда стрелять. Вот поэтому я и стреляю». Хладнокровная и ни в коей мере не убедительная марксистская философия – мол, они сидят в своих траншеях и стреляют. Как снайперы, они подкарауливают наши войска, входящие в города. Ох, как же не везет тем немцам, которые попадают к ним! Мы уже не раз сталкивались с подобными вещами, и хвала Богу, что я до сих пор не оказался у них в плену.

Будучи картографом разведгруппы, Ганс Рот постоянно наносил на карту самые различные планы атак 299-й пехотной дивизии. Здесь в его первом дневнике помещена схема окружения города Новины с одновременной танковой атакой

2 июля

И сегодня тоже спокойно. Ни одного выстрела. Что происходит? Не нравится мне это затишье, оно гложет мне нервы. Красные сбежали, но наверняка задумали какой-нибудь дьявольский план. От разведки никаких сведений.

Жара действует на нас страшно, превращает в раздраженных и агрессивных. Даже в тени чувствуешь себя как поросенок на вертеле. Ветер доносит сладковатый дух разложения. Будь проклят запах тлена!

Сегодня все буквально сводит меня с ума! Полдень, и мы сидим в какой-то полудреме. Мы насквозь пропотели, нас мучит жуткая жажда, но воды не осталось ни капли. Колодцы наверняка отравлены, а воду мы всю давно выпили. Копать колодцы в дневное время небезопасно.

Вечер приносит прохладу, настрой улучшается. Предвкушаем ночной сон в удобном сарае.

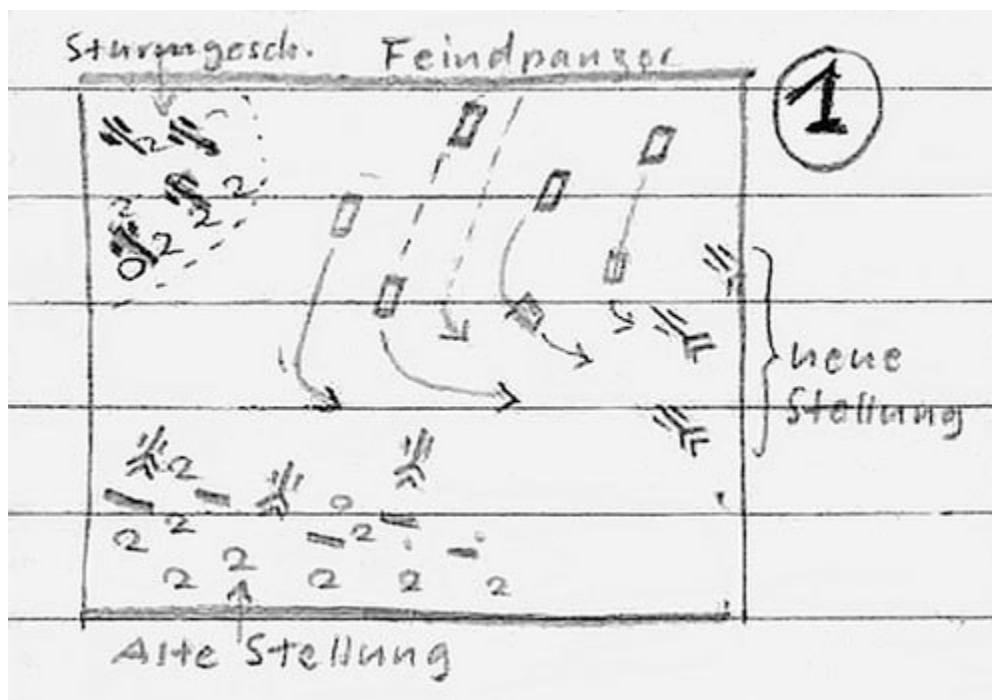
Меня не покидает тревога по поводу этого затишья. С запада доносится артиллерийская канонада. Запад – направление, с которого мы идем. Что-то происходит! И это не удивляет. К нам примчался мотоциклист-вестовой из штаба дивизии: «Тревога! Быстро собраться и по машинам!» Пять минут спустя мы покидаем наш привал. На часах 21.00. Уезжаем по той же дороге, по которой прибыли из Дубно. Становится совсем темно, ни зги не видеть. Жуткая дорога, вся изрытая воронками снарядов, недурной экзамен по технике вождения для нашего Зеппа и для моего зрения! Внезапно сильный рывок – мы влетели в глубокую воронку. Чертова темень! Я так ударился ногами, что искры из глаз. Пока мы вытаскивали мотоцикл из воронки, наша колонна успела уйти далеко вперед. Вокруг ни души – сплошная непроглядная чернота. Где-то вдаль тарахтит пулемет. Проезжаем развилки – никого и ничего, и мы просто едем вперед. Слава богу, известен хоть пункт назначения – Новины. Тут замечаем группу офицеров, сидящих в траншее справа у дороги.

– Как проехать в Новины?

– Поворачивайте налево!

И мы едем и едем вот уже несколько часов. В 1.30 доезжаем до какой-то деревушки. Стоящий у последнего дома офицер останавливает нас. Он страшно взвинчен и осведомляется, все ли у нас дома. Я воспринимаю это как должное и спокойно спрашиваю его, отчего он так взволнован. То, что он мне сообщает, отнюдь не радует: село и окружающую местность пришлось зачищать пехотинцам из-за ожидаемой через час атаки 200 человек русских. Дело дрянь. Наш ангел-хранитель настоятельно рекомендует нам повернуть назад, ибо ехать дальше – чистейшее самоубийство.

– Мы из противотанкового батальона, разведчики, а не пехотинцы, герр лейтенант.

Рот нанес на карту танковую атаку врага, ожидаемую 3 июля, прежние и новые позиции пехоты и контратаку силами немецких штурмовых орудий

И продолжаем путь. Мы едем и едем, по-прежнему ни одной живой души. Небо на востоке начинает светлеть.

У меня странное предчувствие. Мы уже должны давным-давно быть в Новинах! Перед нами был большой лесной массив, и я приказал заглушить двигатель. Мы напряженно вслушивались в ночную тишину. Где-то совсем недалеко были слышны бормотание и отрывистые фразы команд по-русски. У меня похолодела спина.

Мы оказались на участке, где русские сосредоточивали свои танки для предстоящей атаки! В мгновение ока мы спрыгиваем с мотоцикла, запускаем двигатель и ходу отсюда. Час спустя мы на этом чертовом перекрестке дорог. Офицеры куда-то убрались, а саперы заняты закладкой противотанковых мин. Когда мы подъехали, они выпучились на нас, как на привидения. Нужно было повернуть направо, а не налево! Пять минут спустя мы уже в нашей дивизии в Новинах.

3 июля

Сейчас 3.00 утра, и мы размещаем противотанковые орудия для отражения атаки. Лежим в траншеях и ждем первой волны, которая должна накатиться на нас в ближайшие минуты. Сердце колотится как бешеное, на лбу пот. До боли в глазах вглядываемся в мерно колыхающиеся колосья на поле, откуда ожидаем врага. Скоро там появятся русские танки. Много танков. И мы прекрасно понимаем, что сегодняшний день может стать последним для любого из нас.

На удивление наших командиров, русские разместили в близлежащих лесах пехотинцев целую танковую дивизию. Они попытаются прорваться на нашем участке, поскольку линия обороны здесь чрезвычайно слабая. Буквально на бегу мы наскребли пехотный батальон и противотанковый взвод – всего с десятков противотанковых орудий. Этими силами мы рассчитываем встретить русских.

3.30 утра. Внезапно на холме прямо перед нами появляются русские. Медленно, зигзагами, следует первая волна. Времени у них больше чем достаточно, чтобы разделаться с нами.

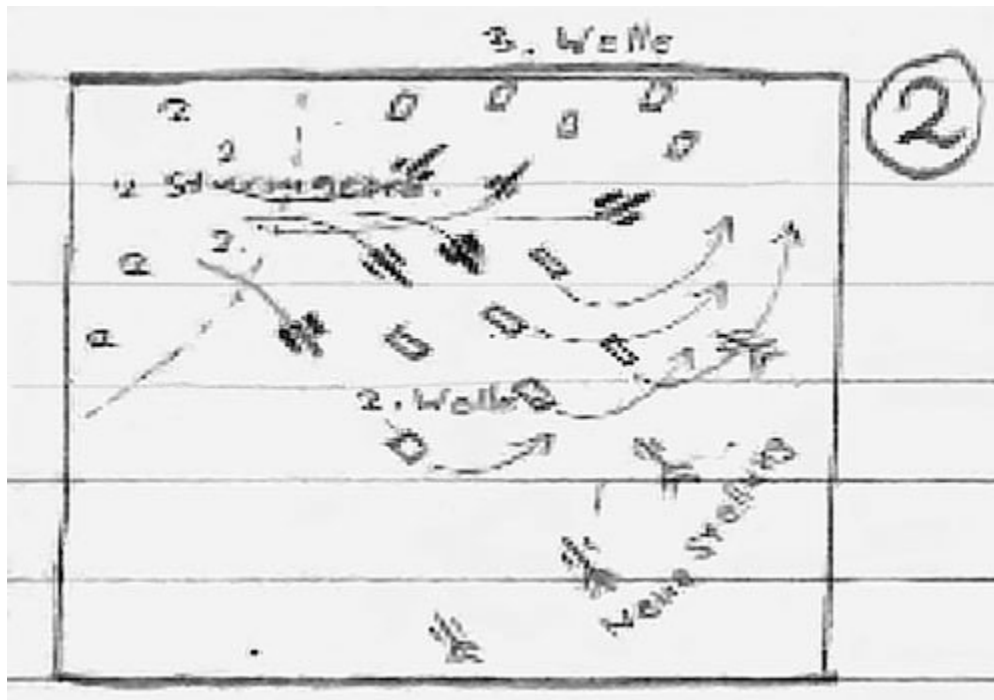
– Цель 70!

Главное сейчас – сохранять холодную голову! Терпение! Надо подпустить их как можно ближе. 1000 метров... 900 метров... 700 метров... И почти одновременно 10 наших противотанковых орудий выплевывают снаряды по надвигающимся на нас стальным чудовищам. Даже не верится – четыре машины подбиты с первого выстрела, огонь и клубы черного дыма! Еще 5 танков застывают на месте. Вот теперь все и начинается. Вперед!

Под прикрытием орудий подбираемся к остановившимся танкам. Танкисты ведут интенсивный огонь. Тут же появляется вторая волна, а на гребне холма можно различить и машины третьей. Надо отходить, мы под интенсивным огнем противника. И мы постепенно, один за другим отходим к траншеям. Тут мой товарищ конвульсивно вскидывает руки вверх – ранен. Прикрывающее нас орудие внезапно разлетается на куски – прямое попадание. Наш солдат неподвижно лежит на земле прямо передо мной – убит. Другой солдат, тот, что справа от меня, тоже вопит не своим голосом, зовет санитаря.

Всего 20 метров до траншеи! Боже! Помогите нам добраться! Будет этому конец?!

По нам стреляют почти в упор. Я падаю и вжимаюсь в землю. Передо мной мелькают фонтанчики земли. Снова вскакиваю, бегу, чуть не споткнувшись о тела двух моих товарищей, которых разодрало осколками. Проклятые танковые пушки русских! Еще один разрыв, прямо передо мной! Визг осколков у самых ушей. Один из них, размером с кулак, попадает мне в противогаз, другие корежат автомат.

Следующая стадия боя 3 июля. Отражение третьей волны русских танков и атака немецких штурмовых орудий

Но я все же добежал до траншеи! И вдруг мне становится наплевать на все, что бы ни происходило. Лежу на дне траншеи, гляжу в небо и жду, когда пожалуют танки и раздавят меня.

Несчастливая Розель, милая Эрика! Ваш муж и отец героически погиб на поле брани 3 июля... ну и так далее и тому подобное... Не думать об этом! Не думать!

Тем временем на нашем участке происходит следующее: прицельный огонь наших орудий помог нам отбить первую атаку, и мы все же сумели в этом хаосе сменить огневую позицию. В ходе второй атаки русские остервенело палат по прежним позициям. Но вдруг получают удар с восточной стороны. Фланговый огонь! Несколько тяжелых танков выведено из строя. Они, тут же повернув на восток, открывают огонь по нашей нынешней позиции.

Примечание. *Это и спасло мне жизнь. Кроме меня, никого на нашей прежней позиции не оставалось. Двоим нашим удалось скрыться в расположенном западнее лесу. А остальные лежали на поле убитые или раненые.*

Вскоре с холма стали спускаться танки третьей волны, а наши штурмовые орудия в этот момент контратаковали их – расстреляли русские танки второй и третьей волн.

Возможно, такая ситуация была единственной в своем роде за всю Восточную кампанию. Любой командир согласится, что только подобные действия спасли нас от неминуемой гибели. Хладнокровие и выдержка – вот ключ к успеху в подобных обстоятельствах. Единственный точный выстрел противника в состоянии вывести из строя наше штурмовое орудие, а собственная невнимательность при стрельбе из противотанковых орудий способна вывести из строя свои же штурмовые орудия.

Обстрел с двух сторон, резкий поворот на север создали хаос для второй волны русских танков. Было подбито еще 16 советских машин, и последняя попытка укрыться за холмом провалилась.

А потом случилось невероятное: с тыла после долгого ожидания прибыли эсэсовские пехотинцы в камуфляже. Это были бойцы «Лейбштандарта» [«Адольф Гитлер»]. Их

задержали где-то под Дубно, потом дали приказ без промедления следовать к нам на помощь. Они пробыли на позициях всего 10 минут, и тут волнами стали надвигаться русские танки. Бой продолжался 3 часа. Жуткая была бойня: рукопашные схватки – что может быть страшнее.

Получил штыковое ранение в предплечье. Наскоро перевязав рану, снова вперед! Солнце раскалило наши каски. Я даже снял мундир. На удивление русских, мы атакуем их танки и пехотинцев, одетых в нательные рубахи и галифе. На подмогу наземной атаке прибыла авиация, и летчики действительно нас здорово выручили. Вся низина буквально кипит.

В полдень можно праздновать победу. Последняя атака русских произошла в 15.00. Масса солдат рвется вперед, вопя из сотен глоток «ура!». Танков на сей раз нет. Прицельным огнем мы косим их ряд за рядом. Атака отбита. Русские отходят на север.

Но какой бы ценой ни досталась победа, неизбежны и потери. Из 12 орудий 3-го батальона 7 выбыли из строя в результате прямых попаданий. У меня ноги словно ватные. Только бы не свалиться! Хотя силы наши на исходе, отдыхать некогда. В ту же ночь мы маршем двинулись на Ровно.

4 июля

Где-то около полуночи останавливаемся в деревне. Луна безмятежно освещает домишки. За все это время стычек с противником не было. План таков: остановиться здесь на отдых, разместиться по хатам и хорошенько выспаться. Но нас предупреждают – вполне возможно, что эта деревня в руках русских. И снова приходится «отдыхать» в придорожных канавах. Окольными путями прибываем в пункт назначения к 7.00 утра. Несколько часов сна взбодрили нас.

Русские отступили довольно далеко. В полдень зачитывают приказ по дивизии. Сплошные похвалы и благодарности нашему бесстрашию в ходе вчерашнего отражения танковых атак. Но есть и дурные новости: 36 человек убитых и очень много раненых. Приказ завершается ошеломляющим сообщением: моторизованные подразделения русских из засады внезапно атаковали колонну войскового подвоза и уничтожили ее – погибло 53 наших бойца. К сожалению, наши посланные им на выручку танки запоздали. Вчера от ран скончались Михен, Хуфман, Брозиг, Зудбак и Шмидт.

5 июля

Утром маршем следуем дальше. Наши танки овладели Ровно вчера вечером^[5], и мы спешим туда для зачистки занятой территории. Совсем как пехотинцы. Жара невообразимая! Наш 150-километровый марш растянулся на 2 дня. У всех подразделений работы по горло.

6 июля

После полуночи марш продолжился. Шагаем как на параде, нет времени даже кусок проглотить, не говоря уже о сне. Без труда преодолеваем линию обороны, где малочисленные силы врага пытаются дать нам отпор. Проходим дальше, оставив все заботы по их уничтожению частям, следующим за нами.

– Вперед! Все или ничего!

Дьявол, а что вообще означает пресловутое «все»? Что вообще происходит?

Во время кратких привалов расхаживаем на одеревенелых ногах. Солнце немилосердно палит. Того и гляди голову напечет. Негромко урчат двигатели проезжающих машин, оставляя в воздухе за собой вонь дизтоплива. Пыль густа настолько, что и не разглядишь

того, кто идет впереди тебя. Глаза слезятся, в горле першит. Вся морда покрылась черной коркой. Воздух, кажется, пропитан этим известняком.

К вечеру доходим до городка Корец (66 километров от Ровно). После непродолжительной схватки минуем этот городок. Несемся сломя голову. Наконец час спустя поступает приказ остановиться. Такое впечатление, что тебя пропустили через мясорубку. Едва ли не падаю на землю в двух шагах от мотоцикла. Даже запах вкусной жратвы от полевой кухни не заставляет меня снова подняться. Спать! Только спать!

7 июля

Наша артиллерия гремела всю ночь. Кажется, на передовой все очень и очень серьезно. Воздух густой, в нем будто повисла угроза. Продолжают ходить слухи, что мы вблизи пресловутой «линии Сталина».

Ранним утром в небе появляются эскадрильи русских истребителей. Все машины идут на бреющем. Обстреливают нас из пулеметов и сбрасывают бомбы на наши позиции. Слава богу, обошлось без потерь.

К полудню все вроде бы успокоилось и – о, радость! – нам доставили почту! Две недели спустя письмо от Розель. Как я счастлив, что в моей жизни есть эта женщина! В каждой строке чувствуется, что она унывать не собирается. Ее доброе сердце придает мне мужества, успокаивает меня на фоне грядущих беспокойных дней.

У меня лишь одно желание: вернуться домой здоровым и поблагодарить ее.

8 июля

Вот же дрянь! Глаз не сомкнул за всю ночь. Примерно в 23.00 наша старая и опытная разведгруппа через болота у реки Случь пробралась вперед. Дико мы выглядели с перемазанными физиономиями. Так сказать, в боевой раскраске. На голове каски с маскировкой из ила и камыша. На груди – по подсумку ручных гранат и автомат на плечах. И вдобавок вымазались глиной с головы до ног.

Вот в таком виде мы и покинули наш временный лагерь.

Мы подобрались к первой линии вражеских дотов. Ни противника, ни траншей. Вернулись мы к 2.00, так и не встретив ни одного русского. Попытался заснуть, но не получилось из-за целых мириад злобных комаров. Хуже любой пытки. С ума можно от них сойти! А если прибавить к этому духоту и постоянную жажду, то...

Неожиданно в 11.00 стремительная атака русских со стороны «линии Сталина». И тут же явились русские бомбардировщики. На бреющем, разумеется. Первое попадание было пугающе точным. Завопили раненые. Над деревьями повис зловонный дым. Десять минут спустя – взрыв. Земля взметнулась к небу! Даже в окопе нет спасения от осколков. Огненная стена надвигалась на так называемую «замаскированную позицию». Бомбы и осколки наделали дел – 41 человек погиб, 82 ранены. Их уложили там, где обычно располагались наши стрелки-мотоциклисты. До позднего вечера мы приводили в порядок позицию, переносили убитых, оказывали помощь нашим раненым товарищам. У меня сердце начинает ныть, стоит вспомнить об их близких – матерях, женах, детях.

Вследствие огромных потерь пришлось в ту же ночь перегруппироваться и сменить место стоянки. Мощная атака передовых позиций противника и фортификационных сооружений западнее Звягеля [с 1793 года – Новоград-Волынский] начнется завтра утром. Обстановка такова: несколько дней назад наши разведчики установили, что 5-я армия ускоренным маршем следует для обеспечения обороны важных переправ через реку Случь. Переправы охраняют крупные силы противника. Но благодаря ускоренному маршу мы успели прибыть туда раньше врага. Теперь мне стало ясно, почему нас так гнали вперед все эти дни. Передовые части Красной армии на данный момент находятся в сутках пешего хода

восточнее Звягеля [Новоград-Волынского]. Нам завтра предстоит приложить все силы для овладения городом и переходами через реку. Каждый из нас понимает, что поставлено на кон. Мы готовы.

9 июля

Большой удар удался. Сегодня, примерно в полдень, город Звягель [Новоград-Волынский] и переправы через Случь после ожесточенного сопротивления оказались в наших руках. И как раз вовремя. Передовые части русской 5-й армии прибыли туда почти одновременно с нами. Грех просить большего у фортуны, чем уничтожение фортификационных сооружений. Воздействие наших тяжелых 305-мм орудий (так у автора. – *Ред.*) и пикирующих бомбардировщиков было страшным. Вместе со штурмовыми группами и саперами мы также внесли вклад в уничтожение долговременных огневых сооружений.

Русские отступили на укрепленные позиции через леса, где происходит массовое сосредоточение и перегруппировка сил противника для предстоящей контратаки. Хотя мы вполне удовлетворены своей попыткой разгрома сил русских – численное превосходство на нашей стороне. Силами единственной дивизии мы намерены удержать город и плацдарм до завтрашнего полудня. Ждем прибытия дополнительных дивизий завтра к утру.

Лица солдат и офицеров сосредоточены. Сколько еще продлится подготовка противника к контрудару? Успеют ли прибыть силы для обороны флангов? Вопросы, сплошные вопросы, на которые нет ответов. Ситуация довольно мрачная, если не отчаянная. Если русские ударят сейчас или же ночью, их масса втопчет нас в землю. Внезапно вспомнилась история периода Первой мировой о русском бронепоезде. Да, они сотрут нас в порошок, уничтожат нас, смешают с пылью. И снова поступают четко сформулированные приказы: «Город и плацдарм удерживать до последнего бойца!» Вечереет. Час за часом мы ждем атаки, однако ничего не происходит. За исключением всплеск от орудийных выстрелов на стороне противника изменений нет.

Что происходит? Неужели русские опять упустят верный шанс? Неужели они не в курсе, что их противник малочислен? И снова мы начинаем ломать голову, снова эта нер вотрепка, снова пытка неизвестностью. И поступивший в полночь приказ отправить для выяснения обстановки разведгруппу воспринимается почти как благословение. Вскоре после этого старая команда уходит за передовую. Русские тоже отправили разведчиков. Мы встретили одну их группу и после непродолжительной стычки захватили в плен одного русского.

Темень непроглядная. Время от времени слышен свист трассирующих пуль. А так спокойно. Только между передовыми линиями пробираются группы разведчиков обеих сторон, пытающиеся выяснить обстановку и отыскать лазейку в линиях обороны противника. И во время наблюдения застучал пулемет. Но ненадолго. Потом снова тишина. Эта чертова тишина сводит меня с ума.

10 июля

На рассвете возвращаемся на свои позиции. Допрос захваченного нами пленного подтвердил наши подозрения: на той стороне сосредоточилась целая армия^[6]. Но, похоже, противник еще не успел даже как следует окопаться.

Кто-то доставил ночью почту. Письмо одному из наших товарищей ходит по рукам. В нем жалобы на сверхурочные работы, на трудности в тылу с пивом и сигаретами и другие сетования подобного рода. Этот идиот, автор письма, судя по всему, ни капли не понимает, что творится здесь! И это глас нашего тыла? Он слышал наши «байки о подвигах» дома, и потом какой-нибудь «важный господин» с гордостью заявит: «Мы неплохо поработали, разве нет?» Вот что я вам скажу, дорогие мои тыловики: если кто-то из нас чего-то и добился, так это ОН САМ добился! Спору нет, мы благодарны вам за изготовленное вами отличное

оружие и за боеприпасы к нему, но и у русских есть что показать нам, а иногда и получше, чем наше! Ключевые факторы – боевой дух и бесстрашие тех, кто носит это оружие. Но никто из вас, ребята, понятия не имеет, что это такое и с чем его едят. Постыдились бы того, что пытаетесь примазаться к нашим сражениям и победам с помощью ваших сверхурочных! Подумали бы лучше о наших сверхурочных здесь. И о том, что наградой за них вполне может быть кусочек раскаленного металла в спину вместо медали.

Этот идиот продолжает строчить в своем послании на фронт о том, что, мол, нам здесь легче. Причем легче не от того, что здесь приходится иногда проявлять храбрость, а «от того, что у вас на фронте в достатке сигарет, пива и шнапса и что вся эта стрельба – не такая уж и страшная штука!». Я просто немею от этой фразы! Любезный мой господин, добро пожаловать к нам! Примем тебя с распростертыми объятиями! Но ты сразу же наделаешь в штаны от тех «сигар», что посвистывают в воздухе. Впрочем, хватит об этом – у нас более чем достаточно других проблем, нежели обсуждать нытье наших «бойцов тыла». Раздражение мое как рукой снимает, стоит мне вспомнить о чистом идеализме своих родителей.

530-й пехотный полк в 10.00 получает приказ продвинуться вперед к Чижовке. После четырех часов боев за каждый метр и огромных потерь они были вынуждены отступить на прежние позиции. Будь у нас тяжелая артиллерия, оборонявшая бы фланги, завесившая бы их стальным занавесом, русские откатились бы за горизонт от наших флангов.

Увы, но русским удалось взять в окружение часть отходившего полка. Невозможно использовать нашу артиллерию – легко можно накрыть и своих. Поэтому – «Требуются добровольцы!» Среди нас никаких дискуссий – товарищи в беде, и все это понимают.

В составе роты мы пытаемся атаковать русских одновременно с двух сторон. И в нужный момент бросаем сразу две дымовые гранаты. Похоже, белый дым подействовал на противника. Они подумали, что мы с запада контратаковали их крупными силами, поэтому отошли на укрепленные позиции. Мы потеряли двоих товарищей, слишком близко подобравшихся к стальной завесе тяжелой артиллерии русских у наших позиций. Так что возвращаемся с небольшими потерями.

Но, прибыв к себе, слышим хорошие вести: на фланги прибыли дивизии подкрепления. Слава тебе, Господи! Будто камень с души свалился! Завтра будем атаковать. Великолепно!

11 июля

Всю ночь продолжалось адское представление. Земля ходуном ходила от разрывов снарядов. Осколки визжали над головой. Вспышки освещали небо и клубы дыма. Потом противник перенес огонь вплотную к нашим батареям тяжелой артиллерии. Что делается, а? Неужели они собрались атаковать нас? Небо непрерывно полыхает.

Вокруг побелевшие окаменелые лица. С нашей стороны ни одного выстрела. Но корректировщики огня и специалисты по оптической и звуковой разведке трудятся в поте лица. Интенсивность огня снижается. Видимо, готовятся атаковать. Мы вглядываемся в темноту. Где же красные? Никого вроде. Все как было – огонь постепенно слабеет. И вдруг эта тишина. Рвущая нервы в клочья тишина.

3.30. Внезапно 36 батарей открывают огонь. 150 орудий всех калибров обрушивают на врага снаряды. Вой, свист на исполосованном следами снарядов небе. Пушка леса полыхает от вспышек артогня – разрывы наших снарядов.

Наступаем вдоль железнодорожных путей под прикрытием нашей артиллерии. Потом берем на себя прикрытия наших наступающих пехотных полков. Русские, поняв важность этого шага, пытаются наступать на железнодорожные пути. В результате нашего обстрела они несут ужасные потери, но, невзирая на это, силы врага постоянно множатся. Мой пулемет в лихорадочной тряске нещадно косит атакующих русских. Вот и прекрасно! Насыпь железнодорожного пути – великолепное прикрытия.

Ни одного разрыва снаряда, ни одного осколка. Здорово! Здесь как в тире, и так продолжается довольно долго. Настрой у нас самый что ни на есть боевой. Кое-кто даже отпускает шуточки. Когда же эта молодежь успела так очерстветь? Но в бою нельзя забывать о серьезности момента – это может обернуться печально. Что и произошло с нами.

Пока мы палили как на занятиях по огневой подготовке, напрочь забыли о том, что происходит справа от железнодорожной линии. Несмотря на наш остервенелый обстрел, русские каким-то образом подтащили туда тяжелый пулемет, а еще некоторое время спустя – второй. Сколько же нам стоило пота и крови изгнать их оттуда! Мы не могли взгромоздить свое противотанковое орудие на рельсы. Все, что у нас было, так это автоматы и ручные гранаты – полным-полно ручных гранат. В результате пришлось оттащить за кусты одного убитого и одного раненого нашего товарища. А день так здорово начался!

К 2 часам дня небо стало ослепительно-синим. Жара такая, что видим марево над железнодорожными путями. Шпалы скользкие от нагретого креозота, и в воздухе стоит его характерный резкий запах. Говорят, что запах нагретой смолы полезен для легких! Чушь собачья! Вон там лежит труп – рана прямо в грудь. Из-за этого дурацкого эпизода на другой стороне железнодорожных путей у русских было в достатке времени окопаться. И это в каких-нибудь 300 метрах от нас! Если бы у нас было силенок побольше, мы враз выкурили бы их оттуда гранатами. Если бы...

Мы и так вдоволь их набросались. Двое наших отправились в тыл за боеприпасами, но что-то никак не возвращаются. Слава богу, русские утратили боевой пыл атаки. Заняты тем, что окапываются поглубже. В этом они большие мастера. Я осторожно выглядываю и смотрю налево. Вид лучше некуда. Куда ни кинь взор, повсюду дымок над воронками от наших снарядов. Артиллерия, и наша и русская, создают огневую завесу. Если приглядеться к артиллерийским позициям русских, мы сумели продвинуться всего-то на километр.

Ночью прибывает подкрепление, поскольку с рассветом мы ожидаем масштабного наступления русских. Если у нас не будет артиллерии, тогда одна железная воля останется у нас для удержания железнодорожной линии. Ждем себе и ждем, но без единого выстрела. Темнеет. Лежу между рельсов и наблюдаю. А это что? Лязг металла о металл. И тут же кто-то из наших выстреливает из ракетницы. Пулеметная очередь, и пули свистят у нас над головой.

Русские, под покровом темноты подобравшись к нам на сотню метров, решили устроить концерт. Пули их пулеметов ложатся сверху полотна. Очередями они молотят по рельсам. Мириады пуль рикошетят вверх. Среди монотонного ритмичного гула тяжелого пулемета отчетливо слышны одиночные выстрелы пехотных карабинов и винтовок.

Эти чертовы русские пулеметы с водяным охлаждением стрекочут словно дьявольские часы. Мы осторожно подкатываем противотанковое орудие и устанавливаем его у канавы рядом с путевой призмой. Большая группа солдат прикрывает орудие (лишь пятеро из них вернулись утром с этого самоубийственного задания). Мы не можем вести огонь – видимость не позволяет, поэтому в точности запоминаем места вспышек. Лежим и выжидаем с карабинами и автоматами в руках, в любую минуту готовые вскочить и открыть огонь. Пальцы вцепились в рукоятки гранат и подсумки с патронами. Наш расчет легкого пулемета тоже наготове. Когда огонь стихает, до меня доходит, что это мой сосед, совсем салажонок, получил то самое взбесившее меня письмо. И тут он скатился с насыпи – ранение в голову, убит. Бедный парень! Еще утром показывал всем фотографии своей молодой жены.

А стрельба тем временем возобновилась. Новый град осколков, в воздухе снова вой. С визгом рикошетят пули. И вдруг огонь снова стихает. Несколько пехотинцев выпускают из карабинов последние патроны, и наступает тишина. Лежим вплотную к насыпи, вглядываясь и вслушиваясь в ночь. Даже складываем ладони ковшиком вокруг ушей – так лучше слышно. В небо с шипением устремляется ракета, потом медленно падает на землю. За ней следующая, потом еще одна. А мы все слушаем и смотрим во все глаза. Тишина невыносима. Слышно, как сердце в груди колотится, как кровь пульсирует в висках. Пальцы по-прежнему сжимают рукоятки гранат. Небо сверкает от выпускаемых ракет – ни дать ни взять фейерверк.

Ночные атаки – дежурное блюдо красных. В воздухе мелькают ракеты. С дистанции 150 метров открываем огонь. Наши снаряды падают прямо в атакующих, оставляя после себя воронки и пустые места. Сейчас ночь, и на территории полным полно естественных преград. Атакующие надвигаются волнами. По правую сторону от железнодорожного пути завязывается остервенелая рукопашная схватка. Занимавшее там позицию орудие осталось без боеприпасов, и русские приканчивают расчет. Хоть наши пулеметы и сдерживают их, не дают подобраться к нам вплотную, но сколько мы еще выдержим? На КП возвращаются вестовые. Проклятье! Единственное, что нас здесь выручит, – артобстрел. Мы все время выстреливаем сигнальные ракеты, а в перерыве между нашими ракетами ракеты противника освещают местность. Над соседним участком протянулись красные следы трассирующих пуль. Что же это за фейерверк, что за грандиозная иллюминация ужаса и гибели!

Нам приказано отступить на прежние позиции. Вообще вся линия обороны сдвигается туда, где была. Что за чертовщина? Мы вынуждены отступить?! Мы – 299-я пехотная дивизия? Немецкого солдата вынуждают с боем отдать завоеванное у русских?!

И разыгрывается драма отступления, которая обходится нам массой убитых и раненых, к 2 часам ночи мы добираемся до своих прежних позиций^[7]. Наша артиллерия обеспечивает прикрытие.

12 июля

Группа штурмовых орудий берет на себя один из участков фронта. Мы отошли на 3 километра. Здесь, на этом участке в тылу наших артиллерийских позиций, ожидается русский десант, и нам одним предстоит встретить его.

В спешке роют траншеи. Приходится откапывать их поглубже, потому что нигде поблизости нет стволов деревьев, за которыми можно было бы укрыться. Пейзаж здесь тоскливый. Судя по всему, несколько лет назад красные вырубали здесь все деревья. Кустарник высотой в рост покрывает заболоченные места, но нам за ним не укрыться.

Русские – мастера маскировки и возведения тактических препятствий – расположили свой КП возле большого леса у северного входа в эту котловину. Лес здесь запущен, отчего растет он дико, и поэтому повсюду кусты и трясина. Под полосами кустарника они прорыли ходы сообщения глубиной в 2 метра, которые в случае нужды можно затопить водой. Пулеметные гнезда расположены в гуще кустарника. Даже в самый лучший бинокль их не различишь. Один русский перебежчик рассказал нам, что сотни солдат и рабочих годами доводили эту местность до нынешнего состояния. Деревни, до сих пор обозначенные у нас на картах, в действительности исчезли.

Дороги, как временные, так и постоянные, месяц назад заминировали. Потом засадили заминированные дороги и тропинки травой. Между ветвей растяжки из ручных гранат – двоих наших сегодня утром разорвало на куски.

Траншеи закончены, транспортные средства замаскированы, а орудия врыты в землю в виде полукруга. Мы ждем всего, чего угодно. Артиллеристы готовят представление. Артподготовка началась в 5.00 утра. Гаубицы дали залп шрапнелью. Вся остальная тяжелая артиллерия грохочет позади нас. Ее тяжелые снаряды с визгом проносятся над нами к мостам, важным участкам дорог и передвижным складам боеприпасов, расположенных в 20–25 километрах от передовой русских.

Тем временем наступил полдень. Снова ужасная жара. Это солнце доводит до безумия – приходится все время смотреть на него. Голова болит, будто в мозг вонзили сотни игл. «Вот же дьявол! Смотри не пропусти!» – мысленно командуешь себе.

Форма прилипает к телу – отвратительное ощущение. От нас воняет. Еще бы – 8 дней в грязи и поту. Пот струится из-под каски за шиворот. Будь проклята эта траншея, будь проклято это окаянное болото, из которого даже воды не напьешься.

В полдень или около того на малой высоте начинает кружить русский самолет-разведчик. Вскоре после этого начинается наша ожидаемая атака и проходит без потерь для нас. Время от времени русские обстреливают наши позиции в надежде пронюхать расположение нашей артиллерии, но безрезультатно.

К заходу солнца огонь противника заметно ослабевает. Вестовые сообщили последние новости: линия фронта выдвинулась вперед на километр. Нам весьма по душе эта новость. Хотя бы на километр. Все эти окаянные дни нам не давали развернуться.

13 июля

За исключением дежурств в боевом охранении, нам ночью все же дали немного вздремнуть. И мы выспались! Да, да, такое тоже бывает! Впрочем, не скажешь, чтобы эти несколько часов сна так уж взбодрили нас. Напротив, я чувствую себя заторможенно. И кости болят от неудобной позы – спал скрючившись в траншее. Так что надо вылезать из нее и размяться как следует. Но большинство из нас подобной возможности не имеют – русские с утра пораньше вздумали дать по нашей позиции парочку залпов. Все кусты перед нами срезаны – самый лучший садовник не смог бы лучше.

Как ни трудно в это поверить, все, оказывается, было не так. Кто-то убеждал, что видел ложные, фиктивные войска, другие клянутся, что русские заняли позиции где-то у нас в тылу. Третьи рассуждают о каком-то там новом оружии, которое якобы только что доставили на позиции и впервые хотят опробовать, попытаться сломить ожесточенное сопротивление русских.

Внезапный грохот орудийных залпов прерывает наши разглагольствования. Единственный разрыв – и желтовато-белый дым вздымается в небо на полкилометра, ненадолго затмив солнце. Сотни ракет – именно ракет – вылетают из этого дымового хвоста и с воем несутся на врага. Вскоре следуют еще выстрелы – второй, третий, четвертый. Редкостное зрелище! Выскочив из траншей, мы стоим и с изумлением смотрим на происходящее. Русские не отвечают – видимо, из них весь дух повышибали.

К полудню я разузнаю об этом подробнее: оружие со странным буквенным индексом «ДО» способно выпускать одновременно несколько ракетных снарядов^[8]. Сами снаряды, боеголовки, заполнены горючей смесью. После разрыва горящая нефть разбрызгивается и сжигает все вокруг.

Эффект, судя по всему, опустошающий. Но, невзирая на это, русские продолжают удерживать позиции.

Когда мы предпринимаем попытку прорвать оборону русских, еще на подходах к ней вновь наталкиваемся на бешеное сопротивление. Красные контратакуют. Мы останавливаем их ценой гораздо больших потерь, чем у них. Мы на исходе боеспособности. Нестерпимая жара и ожесточенность схватки измотали нас вконец. Еще немного – и атаки русских просто сомнут нас! Нам необходимы свежие силы! За последние два дня 529-й и 528-й пехотные полки 299-й дивизии потеряли 308 и 304 человека соответственно. Замена личного состава происходит слишком медленно. Тяжелые снаряды падают и падают на наши позиции, оставляя огромные воронки. Какая честь для нас, горстки измученных солдат, что противник не жалеет для нас даже крупнокалиберных снарядов!

Обстановка складывается на самом деле серьезно. Красные задействовали железнодорожные орудийные установки [бронепоезда] в направлении Житомира [Украина], и они для нас недосягаемы. Вечером русские снова атакуют нас под прикрытием плотного огня. И оттесняют нас на пару километров к городским предместьям.

Я готов по-детски разреветься от отчаяния, беспомощности и злости. Ничего у нас не выходит. И мое тело уже не желает подчиняться мне. Нервы натянуты так, что, кажется, загудят, как телеграфные провода на ветру. Доведется ли мне вновь увидеть дом и семью?

Сегодняшний результат: 20 убитых, 11 пропавших без вести и 163 раненых. Любимая Розель! Помни обо мне!

14 июля

Приказано начать атаку в 8.00. Но вчерашняя гроза затопила дороги, превратив их в непроезжие и непроходимые. И что теперь? В 9.00 поступает радиограмма: «Атака перенесена. Перестроиться для обороны!» Значит, русские снова намерены атаковать. Намерены. И как они атакуют! Крупнокалиберные снаряды со свистом пролетают над нашими позициями. Кроме того, они не забывают вести огонь из орудий и меньших калибров, причем осколочными снарядами.

Потом русские бомбардировщики сыплют бомбы с бреющего полета. Истребители нещадно поливают огнем из бортовых пушек и пулеметов наши траншеи. В общем, дикий, невообразимый спектакль, способный кого хочешь лишит рассудка. Одуревшие от взрывов и страха, мы скрючиваемся в своих траншеях. Все вокруг вздымается к небесам – прямо у нас на глазах! И справа, и слева, и в тылу... Пылает все, что может пылать. Мне здорово опалило волосы. Здоровый кусок земли бьет меня в каску, на мгновение лишив сознания. А эти красные лезут и лезут на нас, вопя свое ненавистное «ура!».

Кое-кто из них подобрался к нам на 50 метров. Мы выскакиваем из траншей. Все, кроме пулеметных расчетов, – пулеметчики прикрывают нас. Ненависть заглушает все остальные чувства. Полчаса спустя мы все же каким-то образом сумели подавить эту атаку. Деталей мне уж не вспомнить, но это была настоящая бойня. Мясокомбинат. Как ни трудно в это поверить, приходится. Мы неслись на них, словно маньяки-убийцы. Стреляли, орудовали кинжалами, били кулаками. Падали, снова поднимались, чтобы снова устремиться вперед. Нет, я сейчас просто не могу вспомнить обо всем в деталях. И взгляните на нас! Мой мундир разодран в клочья, руки в крови, на коленях ссадины, обмундирование перемазано кровью – своей и чужой. Отворот сапога забрызган мозгом. Меня вырвало, когда я это заметил. Все! Хватит! Видимо, последовала реакция организма на весь этот пережитый кошмар. У меня головокружение и страшный озноб. Нервы.

15 июля

Я проспал целых 20 часов кряду и чувствую себя намного лучше. Крупнокалиберные снаряды и бомбы здорово преобразили наши позиции.

Могу лишь удивляться: я не воспринимал этого кошмарного обстрела, пока лежал надежно укрытый в палатке медсанбата. Видимо, спал мертвым сном.

Жара на позициях спала. Огромные лужи грязной воды в траншеях. Запах тлена, разложения. В воздухе и на земле мириады насекомых. Мухи черной массой мгновенно покрывают все мало-мальски съедобное. Если не считать отдельных выстрелов легких артиллерийских орудий, сегодня все относительно спокойно. Отдых исцелил меня. Нас подбодрило и обращение командующего 6-й армией [фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау] – в своем послании он высоко оценил нашу стойкость и мужество.

16 июля

Линия фронта остается на том же месте. Боев, достойных упоминания, не случилось. Время от времени палят из карабинов, иногда прогремит вдали пулеметная очередь или, может, раздастся пара выстрелов из легкого орудия. Около полудня наша позиция подверглась атаке с воздуха. Одна из бомб угодила прямо в наш склад боеприпасов – в результате взрыва не стало восьмерых наших товарищей, многие другие получили ранения.

Со стороны обоих флангов – справа и слева – доносится шум боя. Судя по всему, атакуют вновь прибывшие наши свежие дивизии. И успешно атакуют. Интересно, побегут ли русские?

17 июля

Противник с утра обрадовал нас обстрелом. С час, наверное, его осколочные снаряды рвались у нас на позиции. К нашему удивлению, появились и русские истребители. Носились метрах в двадцати над нами и обстреливали наши колонны. Потом внезапно все кончилось. Со стороны русских ни единого выстрела. Вскоре нам сообщили об отступлении русских. Нам даже не верилось, потому что за последнее время было множество ложных сообщений. Но, как оказалось, все так и есть. Наша артиллерия бьет вдогонку отходящим русским.

В полдень поступает приказ об атаке. К вечеру мы овладеваем полосой 4 километра в ширину в районе Леса Мертвых северо-западнее Звягеля [Новоград-Волынского]. Десять дней окопной войны, со всеми ее ужасами, артобстрелами и кровавыми рукопашными схватками, наконец закончились.

Мы чуть не плачем от радости.

18 июля

Похоже, красные понесли чудовищные потери – наша артиллерия действовала прицельно. Вокруг разбросаны расщепленные стволы деревьев. Весь лес изрыт воронками от наших снарядов. И среди этого ада лежат тела погибших, искромсанные грузовики и все виды вооружений. У позиций русских груды тел ненавистного врага. На жаре трупы почернели и вздулись. Весь лес пропитан мерзким, отвратительным смрадом разложения. Очень многих наших товарищей еще предстоит похоронить.

Многое в этой битве последних дней напоминает мне лесные сражения во Франции год назад, но русские – не бельгийцы и не французы, они противник другого рода. Тогда мы сражались против тех, кто продемонстрировал истинно солдатские качества – ум, выдержку, боевой опыт. Здесь же враг уподобился бесчувственной, равнодушной ко всему машине разрушения и убийства. Французы попытались бы избежать ненужных потерь. А эти сражаются как безумцы. И никогда не сдаются!

Вечером как снег наголову артобстрел. Мы понимаем, что в этом лесу бродит еще достаточно много русских. Ночь непроглядно темная. Чуть что треснет в лесу, знай, что это русский пробирается. Я на пределе сил. Наконец наступает утро и приносит с собой так нужный нам огонь артиллерии.

19 июля

Я чувствую голод. Питание в последние дни было весьма скудное. Сигареты, «Кола Дальман» [популярные конфеты со взбадривающими добавками] – так вот, ничего этого для немецкого солдата здесь нет.

Идет дождь. Смрад трупов усиливается. Среди нас случаются приступы жестокой малярии. Единственная радость – читать и перечитывать письма от Розель. Молю Бога, чтобы вернуться к ней живым и здоровым.

20 июля

Красные переместились на новые оборонительные позиции и, похоже, просто так сдавать их не собираются. Это 3-я линия дотов Новоград-Волынского [Звягеля] – часть линии Сталина. Если броситься на их штурм, раскровянишь башку, а толку? Но противник не ждет от нас второго раунда атак.

Слава богу! Нас меняют. Прибывает замена свежими подразделениями. Но мы пока наготове в этом лесу. Отрываем траншеи поближе к батарее артиллерийских орудий, прибывших в качестве подкрепления.

Так как мы занимались первой оборонительной линией, мы не видели, как работает 210-мм пушка на малых дистанциях. Стоило нам взглянуть на это оружие, как мы рты пораскрывали – сначала от изумления, а чуть позже – из предосторожности: чтобы не лопнули барабанные перепонки. Расчет этого монстра, по-видимому, насчитывает человек сорок. И бьет почти на 40 километров. Вес снаряда – около 150 килограммов. Разлет осколков – примерно на километр. Одним словом, достаточно, чтобы отбить охоту у русских атаковать. Один-единственный выстрел обходится в 2000 рейхсмарок. Две тысячи марок выбрасываются в воздух! Прикиньте, сколько денежек вылетело за один только сегодняшний день. И еще: эти пушечки доставлены сюда из Чехословакии, поскольку изготовлены на заводах «Шкода»^[9]. Они предназначались для турецкой армии, но попали в германскую. Да, все верно – Судетская кампания действительно пошла нам на пользу.

В полдень перед нами выступил наш командующий. Его речь переполняла нас гордостью.

В течение нескольких дней 299-я пехотная дивизия успешно противостояла 5-й армии русских. Русские бросили на оборону элитные части из Москвы^[10]. Их последней задачей было вбить клин между нами и группировкой фон Клейста. Это им не удалось.

Операции на южном направлении идут полным ходом и отличаются небывалым ожесточением. Мы прекрасно понимаем обстановку и будем сражаться до последнего бойца. Огромные потери подорвали нашу боеспособность. Вчера московское радио передало, что 298-я и 299-я пехотные дивизии разгромлены под Новоград-Волынским. Русские явно выдают желаемое за действительное! Никакого разгрома не было! Не мы ли дали вам прикурить у реки Случь? Пять часов молотили! Можете сколько угодно твякать в свои микрофоны! Лучше подумайте о том, как убежать от нас побыстрее. Мы научим вас бежать, только бежать на Восток.

Невероятно! Нашим измотанным в боях подразделениям предоставлена возможность передохнуть несколько дней в одной из соседних деревень! Эта добрая весть застала нас врасплох! Самое время отдохнуть! А не то потери все съедят.

22 июля

Сегодня утром группами отправляемся в деревню. Село сильно разрушено в результате нашего артобстрела. Все оставшиеся местные жители в основном сосредоточились в 4–5 крестьянских хозяйствах. Они стоят у своих хат, и на лицах у них написано скорее любопытство, чем ненависть. Может, просто очень хорошо владеют собой? Безусловно, им интересно, что же будет дальше.

Первым делом мы разбиваемся на маленькие группы и приступаем к поиску пропитания. «Бону» повезло больше остальных – он нашел пачку махорки. Какая-то добрая душа из местных решила одарить его. Все получили по шепотке.

Усаживаемся и начинаем разрывать старые газеты. Часть бумаги подкладываем в сапоги. Вскоре весь 1-й взвод дымит как паровоз. Эта махорка, разумеется, ужасная дрянь, но так как последние несколько дней мы курили одну только обгорелую траву, сухие листья и какие-то непонятные травы, она кажется нам лучшим итальянским табаком. В небольшой низине

сразу за деревней мы разбиваем наш лагерь. Ставим палатки и отрываем окопы и траншеи, чтобы в случае чего было где укрыться. Ребята, ответственные за котлы, сковороды и весь кухонный скарб, выгружают ценный груз. Вскоре приступают к приготовлению пищи. Поев, мы просто сидим, уставившись в небо и ни о чем не думая.

Вдруг кто-то решил запеть. Ни с того ни с сего зазвучал приятный тенорок. Другие стали подпевать, и вскоре пели уже все мы. Пели песню о девушке, которая ждет не дожидается своего мужа-солдата.

Потом затянули другую песню. И снова все вместе солдаты – в недавнем прошлом рабочие, крестьяне, учителя и торговцы – пели в один голос.

Защитная полевая форма сблизила и сдружила всех. Сидя в своих стальных касках, они изливали в этой грустноватой песне грусть и тоску по родине, по женам, детям, по своим родным и близким.

У них не хватало слов для описания переполнявших их эмоций. Непривычное это дело для них – словами выражать чувства, вот они решили прибегнуть к песне, как к средству рассказать о том, что занимало их мысли. Им захотелось спеть о доме, где они родились. Над нами усыпанное звездами небо. И ведь те же самые звезды сейчас на небе в Вестхаузене, где мой дом. Ты думаешь обо мне, милая моя Розель?

Проснувшись после почти десятичасового, ничем не прерываемого сна, я решил пройтись по селу и приглядеться, что к чему. Со всех сторон в село устремляются группы беженцев, в основном женщины и дети, переживавшие бои в окрестных лесах. Повсюду ужасные цены людского горя. Женщины ищут своих погибших мужей и братьев. Дети видят изуродованные тела своих отцов. Ужасающее зрелище. Женщина с грудным ребенком на руках пытается положить тело мужа на телегу, чтобы отвезти и похоронить его.

На углу дома вижу пожилую супружескую пару. Подойдя ближе, вижу, что старик сидит скрючившись – мертв. А бабушка, привалившись к мертвому мужу, в ужасе уставилась в пространство. Их сыновья и внуки лежат в доме в лужах крови. Говорить она не может – потеряла голос, душа омертвела.

Чуть дальше лежит группа в человек двадцать наших, скошенных пулеметом. Двое мертвых солдат так и сцепились навеки в рукопашной схватке в близлежащем саду. Русский продолжает сжимать в правой руке штык. Голова русского вспухла – пальцы немца сошлись в железной мертвой хватке на шее русского. Прекрасно понимаю этот кошмар рукопашных. Нам так и не удалось расцепить тела обоих, и противников так и пришлось хоронить вместе. Всего мы в 21 могиле похоронили 21 нашего лучшего товарища. 48 русских мы положили в одну большую могилу.

Жара невыносима. Трупная вонь повсюду. Мы вынуждены дышать через носовые платки. Приходится силой отгаскивать женщин от погибших родственников. Весьма высока опасность подцепить инфекцию.

На негнущихся ногах возвращаюсь в лагерь. Что со мной? Неужели все это от жары и жутких картин?

24 июля

То нестерпимая жара, то проливной дождь. На болотах словно в теплице, и мы регулярно принимаем хинин во избежание малярии. После недель страшного напряжения все болезни пробуждаются именно во время отдыха. У одного из наших солдат нервная лихорадка (*febris nervosa*). Во время приступов он вдруг вскакивает, поднимается в полный рост, беспорядочно стреляет и бросается атаковать несуществующих русских. Сегодня во второй половине дня беднягу должны отправить в тыл. Но подавляющее большинство мучается острейшим расстройством желудка. В том числе и я. Но все эти неприятности ничто в сравнении с адом последней недели. Мы от души благодарны командованию за предоставленную возможность перевести дух!

25 июля

Поневоле возгордишься после хвалебных спичей в нашу честь:

«Ваши поразительные успехи займут достойное место в истории. Ваше бесстрашие беспримерно!» И так далее, и тому подобное... Целый день только об этом и талдычат. Командующий дивизией, командующий корпусом и командующий 6-й армией фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау – у всех у них внезапно нашлись для нас слова и место в душе. Нам наобещали французские вина, в том числе шампанское, шоколад, сигареты и консервированные сардины. Ох, бедный же мой живот, и как ты только справишься со всеми этими деликатесами!

Но мы, по крайней мере, все же довольны – мы выполнили свой долг. И даже больше.

26 июля

Хорошие вести с фронта: русские, отчаянно обороняясь, отступают на Коростень^[11].

27 июля

Наши дни отдыха закончились. Наступаем на Киев.

28 июля

После ожесточенных уличных боев пал Житомир^[12]. Кое-где русские танки прикрывают отступающих большевиков. Русские бомбардировщики и истребители здорово усложняют нам жизнь. Их излюбленная цель – наш войсковой подвоз. Красные в массовом порядке отходят к Киеву, который, по-видимому, неплохо укреплен.

И снова сегодня предстоят тяжелые уличные бои.

29–30 июля

Наступаем километр за километром под огнем легкой артиллерии. Время от времени незначительные стычки с пешим противником.

31 июля

Останавливаемся ненадолго в 40 километрах за Житомиром. У всех на языке одно: когда завершится эта кампания? Кто-то распускает слухи о том, что по ее завершении нас сразу же демобилизуют. Что за детские бредни! Первое, по моему мнению, кампания в России продлится значительно дольше. (Я, в отличие от некоторых офицеров, утверждающих, что она займет не более двух месяцев, вслух заявляю, что кампания продлится дольше.)

Второе. Неужели кто-то всерьез считает, что воинов с нашим опытом просто отправят бороться с червями в садах? Подождем и увидим, прав ли я хотя бы в одном из этих пунктов.

1 августа

Останавливаемся в небольшом сосновом лесу с крохотным прудом. Мы стащили с себя пропотевшее, грязное обмундирование и бросились в теплую, тоже не очень чистую водицу. Но наша радость была недолгой – внезапно налетели русские истребители и сделали несколько кругов над нами. В самом начале атаки от разрыва снаряда погиб один наш товарищ. Вот тебе и искупались! Мы, не успев обсохнуть, мокрые, как псы, второпях натягиваем обмундирование и укрываемся за деревьями. И вовремя – вскоре после этого появляется с десятков бомбардировщиков.

И взрывы с фонтанами черного дыма. Проклятье!

Нам крупно везет. Когда дым рассеивается, убеждаемся, что место, где еще только что был наш импровизированный лагерь, сплошь изрыто воронками.

Вообще, надо сказать, что русская авиация в последние дни проявляет активность. Вчера во второй половине дня имел место неприятный сюрприз. Три тяжелых самолета пронеслись буквально в метрах над нами. Огня они не открывали, поэтому мы особенно не беспокоились по этому поводу. Но вскоре с тыла раздался пулеметный огонь. Группа разведчиков, включая меня, собралась проверить, в чем дело. Дойдя до опушки леса, мы увидели бегущую сломя голову в сторону моста группу гражданских лиц. И вдруг у нас над головой что-то просвистело. Мы бросились на землю, и в следующую секунду последовало пять или шесть разрывов ручных гранат. Разорвались они в считаных метрах от нас. Короткими перебежками мы хоть и с большим трудом, но все же сумели блокировать подступы к мосту. Группа продолжала интенсивный обстрел нас. У них имелись ящики с динамитом.

В ложбинке нас ждал еще один сюрприз – парашюты. Переодетые в штатскую одежду, русские солдаты были сброшены на парашютах с самолета, получив задание подорвать важный мост. Но по счастливой случайности мы помешали им, причем буквально в последнюю минуту. У них в ящиках было столько тротила, что его вполне хватило бы разнести не то что мост, а даже дома по соседству. Увы, но одному из парашютистов удалось бежать, а очередью из автомата один из его сообщников был убит, а другой получил серьезное ранение.

2 августа

До Киева уже не так далеко. Мы смотрим на город на карте и чувствуем, что за отпор нас там ждет. Передвигаемся мы медленными темпами. Перед нами первая линия укреплений. Скорее всего, за ней этих линий еще с десятков, если не больше. Доты, минные поля, трясина, огнеметные установки и кто знает какие еще сюрпризы.

Нам предстоит нелегкие дни и часы, но в нас развилось такое упрямство, что нас уже ничего не остановит и не напугает. Нам уже наплевать на разрывы снарядов, на вой падающих авиабомб и на стрекотание пулеметов.

Фронтальная действительность превратила меня в фаталиста. Теперь я считаю так: будь что будет. А как еще можно здесь выдержать? Снаряды перепахали наши позиции. Прямо передо мной в воздух вздымается фонтан земли. На нас обрушиваются груды раскаленных осколков. Несколько наших товарищей, действующих слева и справа, разорвало на куски, все мое обмундирование в их крови. Чувствую удар сзади, но это не ранение. Судьба! Если я сумел пройти ад Звягеля [Новоград-Волинского] с его 1000 человек убитых, считай, в будущем все со мной будет в порядке.

3 августа

Сегодня годовщина нашей свадьбы. Дорогая Розель! Ты помнишь тот день – вечер, мы с тобой сидим в саду в Хаузене. Это было тоже 3 августа, и твой глупенький муженек начисто позабыл о годовщине свадьбы. И я видел, как это тебя расстроило.

И вот снова день 3 августа – день непрерывных боев и потерь. Но, невзирая ни на что, помню, что сегодня годовщина нашей с тобой свадьбы. Я благодарен судьбе за то, что наши пути пересеклись и что ты стала моей женой и матерью нашей любимой Эрики.

Боже, молю тебя, пусть я вернусь домой живым и здоровым, пусть я доделаю все, что не успел, и сумею наверстать упущенное!

Несмотря на ожесточенное сопротивление, к вечеру мы все же прорвались через линию обороны врага. Это значительный успех.

4 августа

До Киева 15 километров. Перед нами линия обороны, снабженная колокольчиками и свистками. Три умело организованные атаки отбиты русскими. Нет, так дело не пойдет.

Похоже, есть сложности с КП, потому что все идет не по плану. Происходят изменения в командной структуре, нескольких генералов решили заменить. Наши потери никак не соответствуют достигнутому успеху. Не нравится мне все это.

5 августа

Вгрызаемся. Весь день бьет тяжелая артиллерия. Под покровом темноты мы сумели подобраться к линии дотов. Слава богу, все проходит нормально – враг нас не видит.

Без боев к полуночи занимаем позиции в лесу у Глевахи юго-западнее Киева. К утру необходимо как следует окопаться. Орудия дотов и снайперы срежут всех, кого только заметят при свете дня.

6 августа

Как и ожидалось, в 5.00 начинается интенсивный обстрел. Я сижу за корректировщика и лучше остальных понимаю нависшую над нами опасность. Небольшое ответвление от главной траншеи вырыто прямо на лесной опушке. Отсюда хорошо видна река Вита. Эта речка, похоже, готова принять сколько угодно нашей кровушки. В том числе и моей. За рекой огромные противотанковые заграждения с колючей проволокой.

Параллельно траншеям располагаются хорошо замаскированные доты. Из них ведется обстрел. Сама смерть надвигается на нас. Вниз с холма медленно (очень медленно) спускается огненная стена. Противник бьет настолько метко, что понятно – у гарнизонов дотов за плечами наверняка не один месяц огневой подготовки. Где-то посередине этого спуска окруженная деревьями крестьянская хата. К ней и подкатывается сейчас огненная стена.

Грохот и треск ломающихся стволов деревьев. В воздух взлетает черепица, земля, кирпич. Смердящая лавина огня приближается.

Только не терять головы, Ганс! Гибель вот-вот доберется до нас. В считанные минуты. Все предупреждены. Пальцы инстинктивно цепляются в землю. Холодный пот от страха струится по нашим лицам. Боже, ну если бы мы могли хоть как-то противостоять этому! И тут разверзся сам ад. Вой, неистовый грохот, треск и свист тысяч осколков.

В наши траншеи вползает едкий дым. Интересно, это наши последние секунды или все же минуты? Осторожно подняв голову, вижу, что огненная лавина уже ближе. На несколько минут я словно глохну. Чувствую на лице что-то мокрое – кровь! Слава богу, всего лишь царапина. На наших позициях хаос. Стволы деревьев, за которыми мы укрывались, разбиты в щепы. Целые отрезки траншей заполнены грязью. В одну из траншей прямым попаданием угодил снаряд. Двое убитых и трое раненых. Но сия чаша нас пока минует – все могло бы быть куда хуже.

Во второй половине дня нашу артиллерию перетащили на позиции в лесу у нас в тылу. К нашим крупнокалиберным мамонтам добавили много других орудий. Наверняка это гаубицы, их мы здесь видим впервые. Новые орудия спрятали даже от наших солдат. С наступлением темноты открыли редкий артогонь, по позициям противника били отдельными снарядами. Можно назвать это пристрелкой. Хорошо, что эти варвары дают нам знать о себе. Получен приказ начать атаку в 23.00 завтра. Боже, вот это будет бойня! Честно говоря, я уже слегка устал от этих атак и боев.

7 августа

Офицеры стоят около длинноствольных орудий, гаубиц, минометов. И подгоняют расчеты, нервно поглядывая на часы. Пошла последняя минута. Кажется, ей конца не будет! И вот... Сотни стволов изрыгают смертельный заряд в небо. Гибель с воем и визгом устремляется на траншеи, доты и блиндажи противника. Наша артиллерия обрабатывает укрепленные позиции у Виты в течение 30 минут.

Переходим к атаке ровно в 5.10. Как это уже не раз бывало, мы действуем бок о бок со штурмовыми группами и саперами, используя огнеметы. Вопреки нашим расчетам, все проходит без сучка и задоринки. Атака развертывается будто на учебном полигоне, где-нибудь в Ордруфе. Час спустя мы уже укрываемся в противотанковых рвах на берегах Виты ниже объятых пламенем дотов. В амбразуры летят наши гранаты, а остальное доделывают огнеметы.

Вот так сюрприз! Зачищены три дота, и два часа спустя появился отличный проход. И как все было на самом деле? Дело в том, что эта милая сцена в «Дойче вохеншау» выглядела чуточку по-другому. Мы едва не обделались от страха, когда нас снимали. А зритель видел, как солдаты с радостно поднятыми руками вдруг падают на берег Виты. И кстати сказать, мы атаковали эти доты в чем мать родила (то есть голенькими). Интересно, эти русские бабы-офицерши хоть отвернулись, приличия ради, заметив, в каком мы виде?! В любом случае мы вынуждены были раздеться из-за речной грязи. Что всегда говорили наши унтеры? «Характер солдата определяется по состоянию его формы». Все верно, так что подходи к нам и поучай себе, сколько влезет. Можешь захватить для нас «приличное обмундирование» с другого бережка реки. Понимаете, мы решили выполнить ваши пожелания, но при этом пришлось расстаться с одеждой. Нам так не хватает ваших похвальных речей.

Мы овладевали одной позицией русских за другой. Холм за рекой во второй половине дня был наш. Лишь село Почтовое, да еще мостик пока что находились в руках противника. Мы рассчитывали овладеть мостом в ходе дерзкой операции, ибо он играл важную роль для прохода наших моторизованных подразделений. На этот раз кое-кто другой взял на себя выполнение этого рискованного предприятия. А мы ограничились огневым прикрытием. Эти ребята действовали весьма решительно. К наступлению ночи и мост, и село были полностью зачищены от противника. Все было довольно рискованно – русские понатыкали повсюду мин и вдобавок вели прицельный огонь по мосту и селу. В конце концов несколько часов спустя нас сменили, и мы отправились охранять северные подходы.

Село Почтовое в огне. Дома пылают, с треском обрушивается кровля. Где-то вдали мычат коровы. Видимо, заперты в коровниках и сгорают заживо. Ветер несет клубы дыма.

Огромный дымный хвост навис над деревней. Пожар неистовствует – в нескольких десятках метров невозможно находиться, такое страшное пекло. Сквозь шум и треск пожара прорываются разрывы брошенных русскими боеприпасов. Кое-как пробираемся через обугленные остатки домов. Совсем рядом, взметая искры, оседает хата. Раненых несут позади. Отблески огня на флаге Красного Креста. Где-то над нами урчит двигатель самолета.

8 августа

Дождливо. Так быстро открытые нами траншеи полны воды. Лежишь себе мешком в этой грязной яме. Обмундирование насквозь пропитала желтая, глинистая вода. Вокруг гремят разрывы.

Что за ирония судьбы? Погибнуть на своих собственных позициях. И тем не менее мы недосчитываемся уже 12 наших товарищей – их не стало за какие-нибудь полчаса. Только бы этот дождь кончился! Нет сил смотреть на окровавленную после гибели наших товарищей воду. Терпеть не могу помидоры, зато обожаю томатный суп.

Отвратительно. Прямо наизнанку выворачивает. И наши бесстрашные бойцы, еще вчера атаковавшие доты у Виты, лежат теперь без движения в траншеях. Стоит тебе упасть с выпущенными наружу кишками, как на тебя все боятся даже взглянуть. И не важно, какой ты там герой. Это уже не в счет. Устал, боже, как я устал смотреть на все это!

Утром полк предпринял атаку севернее на булыжной дороге. Ребятам сопутствовал успех, хоть и ценой немалых потерь. Они овладели Гатным, что в 5 километрах от поселка Жуляны, – прямо у ворот Киева. Очень плохо, что нас решили оставить здесь. Русские прекрасно ведут прицельный огонь и по нашим позициям, и по дороге. Теперь они уже не размениваются на малые калибры. Может, снаряды кончились. Как бы то ни было, два крупнокалиберных снаряда разрываются раз в пять минут. Хоть часы проверяй. Судя по габаритам воронок, русские палят из установленных на железнодорожных платформах орудий.

Настроение все же намного лучше. Дождь перестал, и даже солнышко показалось, отчего все выглядит куда приятнее. Наконец можно выбраться из этих нор. Кто-то отпускает шутку, и нам смешно. Жизнь продолжается!

Предупредили о русских танках. Занимаю позицию корректировщика на выгоревшей крыше и припадаю к стереотрубе. На пять минут можно позабыть обо всем: и об артобстреле, и об опасности. Но что такое пять минут!

Битва за Киев достигла кульминации. До самых предместий города – сплошная равнина. Лишь редкие деревца и невысокие холмики. За лесом отчетливо видны башни радиостанции. Налево пригород под названием Жуляны и далее сам Киев, крупный город с 850 тысячами жителей, прекрасными соборами и цитаделью. Над горизонтом стелется дым.

Там идет бой. Вижу русскую артиллерию, обстреливающую небольшой лесной массив. В воздухе белые ватные шарики разрывов шрапнели. Немцы атакуют дот. Дrame наступает конец, когда вспыхивает пламя огнемета. Странное впечатление – сидишь вдалеке от кровопролитного боя и наблюдаешь за всем через оптику. Непривычно как-то видеть, как у тебя на глазах гибнут твои товарищи, а тебе самому при этом ничего не угрожает.

Великолепная штука стереотруба! Чуть шевельнешь регулятором, и вот твоему взору предстает уже совершенно другая сцена из битвы. Красные атакуют позиции гаубиц. Идет жуткая рукопашная схватка. У Гатного различаю позиции пехотинцев. Солдаты устанавливают пулемет на ведущей из села дороге. И потом поливают огнем эту вымощенную булыжником дорогу. Над лесом у Теремков юго-восточнее Жулян сгущаются серые тучи. В воздухе гудят истребители.

Если суммировать увиденное, то оно на самом деле заслуживает название «битва»... Скачущие кони, тархтящие двигатели, заляпанные грязью мотоциклы вестовых и сами вестовые, факелами пылающие дома, злобно твякающие пулеметы, закатывающие глаза к небу тяжелораненые, дымящиеся, обугленные стволы пушек, темные фонтаны земли, свист осколков, разрывы снарядов... Треск, грохот, стоны, крики, рокотание, свист – все это картина 8 августа 1941 года – дня второго битвы непосредственно за Киев.

9 августа

Утро начинается с массированного авианалета русских бомбардировщиков. Никогда прежде подобного видеть не приходилось. В небе одновременно по 40–50 машин. Мне это

сразу же напомнило футуристические картины из цикла «Война будущего», попадавшие мне несколько лет назад. Советский маршал Буденный^[13] решил бросить на киевский воздушный парад всех своих птичек. У-2, или «кукурузники», – верткие бипланы, бомбардировщики «Мартин»^[14]. Все они принялись забрасывать бомбами наши позиции и обстреливать их из бортовых пушек и пулеметов. Дело дрянь, друзья! Приходится на ходу пересматривать всю стратегию укрытия себя. Переучиваться.

Получен приказ приступить к атаке в 10.00. Дело пахнет керосином! Видимо, в штабе дивизии после вчерашнего стали считать нас волшебниками. Гул артиллерийской канонады оглушающий, трем отделениям приказано проложить проход в минных полях с тем, чтобы ликвидировать бреши в нашей излишне растянувшейся линии обороны. Моему отделению поставлена задача к 11.30 быть в Теремках. Прибывшие из Гатного командующий с адъютантом уже там с раннего утра. Нам не надо объяснять, с какими опасностями связано прокладывание проходов в минных полях. Артиллерия противника организовала три полосы артобстрела участка, который нам предстоит преодолеть, – я уже не говорю о шрапнели, минах и авиабомбах. Времени на дискуссии нет, мы без слов хватаем то, что нужно, оружие – и в путь.

Передвигаемся гуськом. Солнце, выйдя из облаков, печет неимоверно. Влажная духота сводит нас с ума. Мы взяли с собой две радиостанции, как было приказано – часть оборудования поста наблюдения у линии обороны. И бедным ребятам приходится тащить тяжеленные ящики на спине. Малыш Артур не выдерживает и падает, одолев всего-то пару сотен метров. Боже! Ну как нам выполнить порученную нам миссию? Мы добрались до первой полосы артобстрела, но пока не преодолели ее. Не вешать нос! Один из наших товарищей взваливает тяжелый ящик на спину, и мы бредем дальше, обходя зловонные трупы лошадей и солдат. Много трупов солдат видим мы по пути. Лица их почернели и вздулись.

Нужно сойти с булыжной дороги. Пока все шло нормально. Внезапно появляются четыре вражеских самолета. Они идут чуть ли не вплотную к земле – нас даже обдало потоком воздуха пропеллеров. Они измываются над нами минут, наверное, пять. Какой смысл бросаться в грязь? Они летят настолько низко, что могут пересчитать нас по головам. От их sporadической стрельбы толку как от козла молока. Маловата наша группа для приличной атаки. Самолеты поворачивают и сбрасывают бомбы дальше на булыжник дороги.

У амбара (спросите у любого принимавшего участие в битве за Киев об амбаре в Гатном, и он молча отойдет, тут же вспомнив перекореженные окровавленные кирпичные стены с прилипшими к ним фрагментами человеческих тел), у этого страшного места, мы делаем привал, ибо это единственное убежище от палящего солнца в поле. Торопливо выкуриваем по сигарете. Говорят, это успокаивает нервы, но на наши нервы это почему-то не действует. Мы ясно видим перед собой проход в нафаршированной минами земле, видим искромсанный лес, видим весь путь к пункту назначения – развалины Теремков. Три смертельных полосы артобстрела – самое страшное. Даже сигарета и та вдруг кажется мне противной. Вот же дрянь! Сплошная дрянь. Малыш Артур взвинчен до предела: он настолько взвинчен, что даже начинает отпускать шуточки. Общеизвестно, что тихие, спокойные ребята в подобных обстоятельствах мгновенно преображаются в балагуров. Видимо, по-другому вести себя не может. Но это уже особой роли не играет – нужно идти дальше. Приказ есть приказ: получил – выполни.

Наша группа добирается до Теремков к 11.20. Как мы туда добрались, рассказывать незачем. Это было просто чудом! По милости благосклонной к нам фортуны мы преодолели несколько сотен мин и полосу артобстрела. Кстати, артиллеристы пожаловали нам лишь скромную порцию шрапнели. Мы добрались до места целыми и невредимыми, если не считать парочки царапин. Моим беднягам-радистам досталось больше: стерли спины до кровавых пузырей. Сколько раз за эти несколько километров мы падали на землю, ища укрытия? Да, не скоро мы придем в себя от ужасов этого перехода.

Разразился самый настоящий стальной ливень – снаряд за снарядом с воем проносятся над нами и разрываются, добывая развалины в Теремках. В воздухе свистят обломки кирпичей.

Мои товарищи наскоро соорудили что-то вроде окопов, расположив их в шахматном порядке. Наша позиция лежит вплотную к последнему дому, стоящему посреди огорода и окруженному несколькими превращенными в щепы деревьями. Добираться до своих укрытий приходится ползком. Едва мы закончили их сооружать, как в небе зажужжали эти проклятые бипланы. Целая эскадрилья явилась откуда-то справа из-за лесного массива. Пулеметы стрекочут в такт двигателям. Стреляют они как полагается. Вижу, как один из летчиков, перегнувшись через борт, внимательно изучает землю и время от времени швыряет вниз ручные гранаты. У меня в животе начинается резь. Выпитый с утра кофе явно не идет впрок. Самолеты снижаются, проносятся над нашей позицией и поворачивают в сторону леса. Солнце освещает красные звезды на крыльях. Лежу не шевелясь. Моя стальная каска вдруг тяжелеет. Сколько же я не спал? Скрестив руки на затылке и прикрыв глаза, утыкаюсь носом в землю. От нее исходит приятная прохлада...

Черт побери! Я ведь и на самом деле умудрился задремать в этой суматохе. И даже видел сны. Мы с Розель пошли прогуляться. Стояли на самом верху скалы, похожей на ту, что на нашем с ней любимом месте в Фалькенштайне. И смотрели на пылающую и дымящуюся равнину внизу. Розель прильнула ко мне и тихо заплакала. Да, странные иногда видишь сны. Чушь это все! Моя Розель не такая, чтобы по каждому поводу сопли распускать. Подумаешь, дым, огонь...

Вот уже несколько часов вражеская артиллерия перепахивает нашу позицию. Ветер гонит у нас над головой облака отвратительного удушливого дыма. Русские бьют изо всего, из чего только можно – из крупного калибра, из малого и так далее. Снаряды ложатся очень удачно. Настолько удачно, что невольно обращаешь внимание на раскиданные обрывки нашего непромокаемого брезента. Иногда брезент сдвигается, и мы видим, как из-под него торчит чья-то рука со скрюченными пальцами или нога в сапоге. Дорогие фрау, это ваши мужья и сыновья навек застыли в неподвижности или разодраны в клочья. Вы сейчас, может, шуритесь там у себя на солнышке, лепечете со своими детишками. И представления не имеете, что уже скоро получите некое послание, от которого ваша жизнь станет невыносимой. Не думать ни о чем таком! Господи, помоги мне! Не позволяй мне думать ни о чем таком! Мы понимаем, что наши жены и матери страдают не меньше, чем мы здесь под градом шрапнели.

В полдень артобстрел внезапно прекращается. Оно и понятно – даже здоровякам необходимо иногда передохнуть. Представляю, как они там у себя сидят с ухмылкой на дьявольских лицах, почерневших от копоти. Слышу даже, как они чавкают во время еды. «Ладно, хватит, пора и делом заняться», – изрекает какой-нибудь комиссар, беря грязными лапищами осколочные снаряды и нежно поглаживая их стальную поверхность. Скоро, скоро они порвут в клочья ненавистных фашистов.

Ну ничего, погодите. Придет и ваша очередь!

Мы воспользовались этим перерывом себе во благо. Тащим все, что под руку попадает, – двери, рамы, ограды, доски, – и накрываем сверху наши окопчики. Укрепляем земляные стены. Вокруг окопов устанавливаем все, что способно хотя бы частично уловить осколки – ведра, бочки, кресла, скамейки...

Только мы успели доделать наши укрытия, как в воздухе загремели разрывы снарядов и засвистели осколки. Теремки превращаются в сплошную завесу черного дыма. В воздухе летают последние целые кирпичи. В остатки стен врезаются тяжелые снаряды русских орудий. За полчаса я насчитал 243 разрыва. 243 снаряда способны разлететься примерно на 121 500 раскаленных докрасна кусочков металла, устремляющихся во все стороны, разрывая все на своем пути. Может, кто-то и поспорит со мной, но я не сомневаюсь, что в радиусе километра остался хотя бы лоскуток территории размером не больше ладошки, куда бы не угодил несущий смерть осколок.

Нет слов описать ужас этих часов. И так продолжалось до вечера. Вжавшись в дно траншеи, я застыл, умирая от страха. Ну разве не посочувствуешь горстке бедняг, почти лишившихся рассудка, которые от отчаяния зубами грызут землю?

Боже, если уж этому суждено случиться, молю тебя – ниспошли мне мгновенную смерть! Сквозь грохот разрывов едва прорываются стоны и крики раненых. Вот кому не повезло, так этим ребятам! Бедняги! Ну кто, скажите мне, кто в состоянии помочь им? Стоит только вылезти из своего окопчика, как тебя самого изрешетят осколки.

Наконец темнеет и становится тихо после долгих и ужасных часов. На нашу позицию возвращается жизнь. Позвякивают лопатки, в небо взлетают ракеты, в окопах и траншеях стонут и кричат. С носилками снуют санитары. Бойцы в составе отделений в траншеях мастерят кресты для могил убитых товарищей. Пожары утихают, лишь изредка слышится треск догоревшего сарая или хлева.

10 августа

Утро начинается с внезапной артподготовки. Воздух снова вдруг наполняется воем и свистом. Прижимаюсь головой к земле. В землю будто гигантский молот вбивают. Земля сначала сотрясается, и тут же следует взрыв... Шесть крупнокалиберных снарядов ложатся всего в нескольких метрах перед нами. Воздух пропитан запахом земли и порохового дыма. Если Бог на Небесах все же существует, молю его прикончить нас одним махом. Поставить точку. Просто конец, и все... Больше я этого выносить не могу! Один из наших сходит с ума. Он выскакивает из траншеи, задирает руки вверх и дико хохочет. А потом бросается на колючую проволоку и падает, сраженный осколками снарядов. Вот же дьявольщина! И что только на него нашло? Я хорошо знаю его: женат, четверо детей, вот уже год, как он не был в отпуске... Впрочем, чего теперь рассуждать – все в прошлом!

Черт возьми, я не вынесу всего этого ужаса! И сотворю что-нибудь совершенно безумное. Беру бутылку, в ней еще осталось немного шнапса, усаживаюсь на край траншеи и делаю основательный глоток. Потом затыкаю бутылку и кидаю ее сидящим в траншее товарищам. Перед этим я вложил в нее записку: «Вы еще там, выродки? Передайте дальше!» Минут десять спустя бутылка возвращается ко мне с запиской: «Выродков здесь нет».

Внезапно появляется группа самолетов. И тут происходит нечто неожиданное. Мгновенно откуда-то возникает тройка «мессершмиттов». Наплевав на обстрел, я поднимаю голову и слежу за тем, что происходит в небе. А в небе разыгрывается воздушный бой. Что же это такое? Тройка наших уходит? Немецкие пилоты сбегают? Эти красные псы празднуют победу? Они снижаются до бреющего, тархтят их пулеметы, и вот уже крики раненых. Эта драма повторяется с десятков раз за сегодняшнее утро. Не приходится удивляться, что кое-кто из отчаянных ребят, выйдя из себя, хватается за оружие и палит по улетающим прочь «мессершмиттам».

Артобстрел чуть стихает около полудня, хотя русские продолжают беспорядочную стрельбу по нашим позициям. Кое-как к нам пробираются доставщики еды. Второй из них так и не дошел – убит прямым попаданием. Этот бедняга лежит в разноцветной мешанине – кровь, гороховый суп, мозги. Приятного аппетита! Нет уж, несите дальше, ребята, мне что-то расхотелось есть.

Что за сволочи! Ведь никуда не делись рассказчики. Приходят и делают нашу жизнь еще мерзопакостнее своими кровожадными историями. Нам и своих хватает. Вчера и сегодня мы уже пролили здесь достаточно крови, и нас мало волнует происходящее в тылу.

Во второй половине дня артиллеристы врага словно звереют – артобстрел нарастает. А потом происходит нечто и вовсе ужасное: желтое, сернистое пламя, оглушительный взрыв – и все жалкие прикрытие наших траншей сносит будто порывом ветра. Воздухом нас прижимает к стенкам траншей, нас почти засыпает комьями грязи. Полуживой, я еле выбрался из-под завала. И только тогда увидел всю картину. Прямое попадание в соседний

блиндаж, метрах в трех от нас. Вижу огромную, почти до нашей траншеи, воронку. Над позицией клубится вонючий желтый дым.

Бог ты мой! Неужели их всех поубивало? Неужели и нашего лейтенанта? Нашего всеми любимого командира? Я в полубезумном состоянии лезу в эту воронку. Обрывки обмундирования, оторванные руки, ноги, торчащие из грязи. Я голыми руками раскапываю грязь. И вот у меня в руках оторванная голова Хюбнера. Потом я постепенно откапываю и нашего Малыша. Его завалило по самую шею. В воронку поспешно прыгивает и Рюффер. В считанные секунды мы выволакиваем Малыша из земли и обломков. Только бы он не вопил так, наш лейтенантик, наш добрый, хороший лейтенантик! Мы никогда раньше не слышали, чтобы он кричал. Но жить ему от силы несколько минут – вся нижняя часть тела представляет собой кровавое месиво. Только мы собрались вытащить его из воронки, как буквально рядом падает снаряд. На нас обрушивается град комьев земли и грязи. Рюффер падает, а я, не удержав тело лейтенанта, выпускаю его. Он уже больше не кричит. Осколок размером с добрый кулак угодил ему прямо в лицо. Даже погибая, он спас меня от смерти – своего лучшего друга заслонил собою.

Я словно весь онемел внутри. Перед глазами пелена. Мне уже все безразлично. Пусть они разорвут на части всех нас, во всяком случае, все враз кончится. И наступит покой, вечный покой. И не будут меня больше изводить жуткие воспоминания минувших часов.

Приказ отступить пришел только ближе к вечеру: «Ночью дивизии отступить на линию Виты и перегруппироваться для обороны». Приказ, одна лишь лишённая эмоций фраза. А нас будто хлыстом огрели. Фронтной солдат поймет, что значит отдать врагу кусок территории, обильно политой кровью погибших и раненых товарищей, ценой огромных потерь метр за метром отбитой у врага земли.

Под покровом ночи наша группа – в группе у меня осталось пятеро – отправляется в путь по изрытой воронками территории. Все это, по-видимому, уже было в Вердене в 1916 году. Красные продолжают обстрел наших позиций, но мы к полуночи доходим до булыжной дороги. Все молчат, никто даже не курит – курить запрещено: в воздухе самолеты. Разговоры! Какие, к дьяволу, могут быть разговоры, у всех есть над чем подумать. Молча. Да и вооружение тащить приходится. Тут уж не до болтовни.

Наконец добираемся до Почтового. И здесь сплошные развалины. Некоторые из отделения ранены. Только я лег в какую-то траншею вздремнуть, как подошел один боец: «Вам приказано явиться к коменданту». Там я увидел командиров других отделений. Пожилой офицер поздоровался с нами и спросил: «Кто добровольно отправится на передовую с крестом для нашего лейтенанта Лебетрана?» Я сделал шаг вперед. Двое других ушли. Мне даже показалось, что чуть ли не бегом. Комендант отвел меня в сторону и рассказал о том, что я уже и так знал: мол, Теремки, вероятно, ничейная земля, правда, если русские не захватили этот участок. Я отказываюсь, когда он предложил взять еще кого-нибудь с собой в помощь.

11 августа

Я положил крест на плечо, сунул пистолет за ремень, ручную гранату в сапог и стал возвращаться к передовой. Решил идти кратчайшим путем – через минное поле. Самая прямая дорога – вдоль сарая на поле. Нет нужды упоминать, что мои сослуживцы сочли меня ненормальным, то же самое подумали и солдаты поста наблюдения. Но разум мой работал куда четче, чем в эти последние дни. Интуиция подсказывала, что русские еще не раскусили наш маневр с отводом сил. Они упорно молотили оставленные нами позиции. На сей раз полосы обстрела между деревней и мной не было. Вообще-то на деревню это мало походило – так, кучи угольев на месте хат.

Все пока что идет как надо. Чем ближе подходил я к деревне, тем слабее был огонь противника, а потом и вовсе утих. Вокруг ни одной живой души, куда ни посмотри. Тишина

очень плохо действует на меня. А что, если русская пехота бросится в наступление? Черт возьми, я испугался, впервые за все это время по-настоящему испугался! Но ничего, уж как-нибудь выдержу. Не наделаю в штаны.

Дрожащими руками я поставил крест в землю. Я отдал почести моему единственному настоящему другу, нашему лейтенанту, у места обретения им последнего покоя, а потом разревелся, как дитя. Что бы ты сейчас сказал на это, лейтенант? «Хныкать – дело бабское. Возьми себя в руки, Ганс!»

Эти несколько минут воспоминаний словно освежили меня. Нет, все, хватит, хныкающим меня больше никто не увидит. Я не из плаксивых. Просто в последние дни слишком уж много всего было. Я направился к своим.

Даже не верится: Теремки – и никакого артобстрела. И не думал, что такое вообще возможно! Светает, мне остается еще километра два до наших укрытий. Кто знает, может, русские следили за мной или это просто случайное совпадение, но неподалеку вдруг прогремели пять или шесть разрывов. Бросаюсь в грязь и прижимаюсь к земле. Слева и справа, спереди и позади меня подожженные взрывом деревья. Вой и грохот в воздухе, ну совсем как вчера, но вчера я хотя бы был не один! Совсем рядом разрывы бризантных снарядов русских полевых пушек. После взрыва они образуют мелкие воронки. При разрыве огромное количество осколков, уничтожающих все живое вокруг.

И потом страшный удар. Пытаюсь подняться, но чувствую, что не могу.

Левой ноги будто нет. Она не слушается меня. Черт! Да у меня в штанах дырища, из которой кровь хлещет! И руки в крови. С лицом что-то странное происходит, и по нему струится кровь. Наверняка царапины, не больше, но вот нога! Нога моя окаянная! Дружище, нельзя просто вот так оставаться лежать здесь и пасть жертвой красных! Должен же быть какой-то выход! И он есть. Я двигаюсь, преодолевая страшную боль, двигаюсь.

Кто это там около сарая (или там, что некогда было сараем)? Зепп, дружище! И вдобавок со своим мотоциклом. И тут все враз темнеет. Очнувшись, первое, что я от него слышу: «Скотина!» И страшно рад. Я понимаю, что он обозвал меня, чтобы скрыть радость! Ну и тип! Он усаживает меня в коляску, и мы уносимся прочь. И останавливаемся только в Почтовом. Тут и ругань, и смех, он говорит, что нашу часть отправляют на отдых на несколько дней в тыл, за Васильков. И советует мне прийти в себя за те дни, пока мы будем на отдыхе. Ну и дубина, можно подумать, что и без разговоров все понятно. Откуда-то снизу коляски он извлекает последнюю заветную бутылку водки. Так что с утра у нас небольшое торжество. И в качестве дополнительной премии мы видим, как «мессершмитт» сбивает один из 24 налетевших русских самолетов. Эх, когда Зепп обозвал меня скотиной, я сразу понял, что мы с ним отныне – неразлучные друзья. Я просто неопишимо счастлив. На пару часов я даже забыл ужасы последних дней.

12 августа

Мы прибыли в Барахты. Наши товарищи страшно рады. Сам командир молча пожал мне руку, пристально заглянул мне прямо в глаза. Долго так смотрел. И то, что он не произнес ни слова, – самая большая благодарность для меня. После этого меня перебинтовали, что довольно болезненная процедура.

Потом произошло то, чего я так ждал все эти дни: военврач распорядился направить меня в госпиталь. Один из наших, подмигнув, сказал: «Дружище, радуйся! Дома побудешь». Я заехал ему по физиономии. Командир, заметив это, подошел разобраться, что случилось. Я попросил у него разрешения остаться со своими товарищами. Он на пару секунд повернулся к военврачу, а потом сказал: «Не могу отказать. Так что оставайся!» Боже, ну какой чудесный день!

Носилки поставили в тени фруктовых деревьев. Вокруг цветы. Пчелы жужжат, бабочки летают. Я счастлив и благодарен командиру за то, что он разрешил мне остаться со своими.

Только гул орудий со стороны фронта и усиливавшаяся боль напоминали о минувших страшных днях.

Мое отделение и так сильно поредело. Каждый боец на счету в будущих сражениях. Ни на какую замену рассчитывать не приходится. И мой долг – оставаться в отделении со своими товарищами. Как я понимаю, наш командир в курсе дела.

13 августа

Чувствую себя ничего, если бы не постоянная боль. Погода прекрасная, и потом эти прекрасные письма дорогой Розель, отважной жены солдата. Командир присматривает за мной, как отец. Потчует меня яйцами, маслом, медом, сливками. Я по большей части отсыпаюсь, и это позволяет забыться, а забыться у нас есть от чего.

14 августа

Сегодня вечером к нам в гости пожаловали красные истребители и сбросили на нас с десяток бомб. После испытанного мною за последние дни это не особенно выбило меня из колеи. Гул канонады с линии фронта слышен сегодня так же отчетливо, как и вчера. Русские определенно сумели создать мощный плацдарм на Днестре. Линия фронта здесь очень тонкая, может, мы уже прорвали ее? Мне было бы очень неприятно, потому что означало бы перевод в полевой госпиталь. Кто-то из гражданских сообщил о группе в 8 человек большевиков, переодетых в немецкую форму, которые явились в деревню просить о подкреплении для войск в Барахтах. В связи с этим инцидентом решено было удвоить ночное боевое охранение. Вблизи фронта беспечность недопустима.

15 августа

Дивизия в полном составе отправилась сражаться. Полки маршем прошли мимо нас. Бравые, неустрашимые ребята, скажите мне, а где все те ваши товарищи, плечом к плечу сражавшиеся с вами? Один из солдат подходит к моим носилкам и пожимает мне руку. А что такого? Мы оба истекали кровью под ураганным огнем у Киева. Измучившись, он присаживается рядом, выпивает глоток у меня из бутылки, заедает моей порцией и с десяток раз затягивается от моей сигареты.

Число потерь мало-помалу затрагивает и нас. В 530-м пехотном полку почти никого не осталось, его дополняют остатками 528-го и 529-го.

16 августа

Боль начинает проходить. Слава богу, жизнь становится лучше!

17 августа

Три расчета противотанковых орудий выдвигаются на оборону села. Нам сообщили, что южнее Киева обнаружена группа военных и партизан. По-видимому, русские рассчитывают преодолеть истончившуюся линию фронта и атаковать нас с тыла. Где-то в нашем глубоком тылу высадились парашютисты. Теперь село пришлось взять в кольцо обороны.

18 августа

Впервые не чувствую боли и впервые поднимаюсь с носилок. Надо попробовать размяться. Оказываюсь на допросе взятых в плен партизан в ложбине. Разведчики арестовали целую их группу и теперь допрашивают. Это три молодые девушки 18–20 лет и мальчишка лет семнадцати. Все они раньше работали на текстильной фабрике, потом работы не стало. Их паспорта на вид слишком уж новенькие, да и денег у них при себе многовато для простых рабочих. После двухчасового допроса они признаются, что партизаны. Ими руководил некий майор Фридман. У них следующие задания: соединиться с еще одной группой партизан у Василькова в ночь на 19 августа. Вторая группа должна доставить высокочувствительные взрыватели. Девушкам предстояло выяснить, где находятся штабы здесь, в Барахтах и в Василькове, а 20 августа эти штабы должны быть взорваны.

Мы удивлены не на шутку. На нас собрались напасть. Мы узнаем кое-что и об организационном составе группы. Они работают смешанными группами – юноши и девушки, главным образом студенты. Численность каждой группы – не более пяти человек. В их задачи входит уничтожение складов ГСМ и боеприпасов, мостов и дорог. Кроме того, они подают условные знаки авиации. Они убивают (именно убивают, потому что и девушки обучены обращению с ножом) солдат боевого охранения, часовых и вестовых на мотоциклах.

Для закрепления успеха они располагают системой разветвленной связи. Когда в какой-нибудь населенный пункт вступают немецкие части, опытные военные, в основном переодетые в штатское комиссары, остаются там и выдают себя за местных крестьян, а на самом деле руководят работой партизанских групп. Партизаны постоянно взаимодействуют с этими группами террористов. То, что они замыслили в нашем тылу, доставило бы нам массу неприятностей, и надолго.

Всех четверых увели. Три молодые красивые девушки теперь погибли. Все это было очень непривычно для нас, выдавших виды фронтовиков. Эти три симпатичные девушки вызывали у меня сострадание. Но мое сострадание мало что могло изменить – их приговорили к расстрелу. Вот этого я уже видеть не мог. Решил отойти подальше. В конце концов какое-то время спустя (оно показалось мне вечностью) до меня донесся расстрельный залп.

Нет уж, воевать с гражданскими не по нашей части. Мы воюем на фронте. И все же остаток дня все наши ходили как в воду опущенные.

19 августа

Авианалет русских бомбардировщиков. Есть убитые и раненые. Арестована и после краткого допроса расстреляна еще одна группа партизан.

20 августа

Мне намного лучше. Раны почти полностью затянулись. Самое время – ходят слухи о том, что нас скоро пошлют на выполнение очередного задания.

21 августа

Поступили распоряжения. Вечером мы выдвигаемся на позицию. Что значит «мы»? Я-то остаюсь. Ничего не поделаешь – таков приказ. Но, может, попробовать упросить командира? После недолгих колебаний, понимая сложность фронтовой обстановки, командир все же позволяет мне отправиться вместе со своими.

– Доктор, он изнывает здесь от скуки! Ему надо идти с товарищами на выполнение задания!

Вот так удача! А собственно, к чему держать меня здесь? Позиции сейчас надежно укреплены, неделю назад атака русских сорвалась.

22 августа

Мы добрались до линии фронта без каких-либо достойных упоминания стычек с противником. Траншеи оборудованы первоклассно. Соорудили систему траншей и окопов. Линия огня тоже в порядке. Позиция охраняет мост и село Почтовая. Красным достанется на орехи, попытайтесь они прорваться на нашем участке.

Остаток дня уходит на углубление траншей и ремонт проволочных заграждений. С наступлением ночи небольшими группами ставим мины. Снаряды врага падают редко и с большими промежутками. Большой частью недолеты и разрывы в болоте у реки Виты.

23 августа

Ранним утром после артподготовки (тяжелая артиллерия) русские пытаются штурмом взять нашу позицию. Волнами их пехотинцы накатываются на нас и тут же откатываются, отраженные огнем. Бог ты мой, мы ведем огонь будто на занятиях по огневой подготовке! Невообразимо, что у них за людские резервы! Но ведь это чистое безумие – идти в лобовые атаки на нашу позицию. Но им, видимо, наплевать – атакуют все новые и новые массы солдат. Сейчас они залегли в ложбине в том же боевом порядке, что шли в атаку. Осколки наших снарядов разрывают их на части, а пулеметный огонь нещадно их косит. И тут я наблюдаю картину, которая производит на меня впечатление, как на солдата: вот уже несколько часов солдаты бесстрашно штурмуют мост. Русские установили тяжелые пулеметы в хатах у себя в тылу в нескольких сотнях метров и прикрывают своих атакующих. И вот снова 18–20 человек вскакивают и бегут к мосту, чтобы тут же свалиться под нашими пулями.

Мы с помощью двух противотанковых орудий и десятка пулеметов перекрываем огнем весь противоположный берег. Это же идиотизм – пытаться прорваться здесь! Около моста и так груда трупов солдат. Двое русских солдат – все, что осталось от первой волны атаки, – в ужасе бегут к хатам. Не успевают они добежать десятка метров, как вдруг строчит их собственный пулемет и укладывает их на месте. И подобное повторяется не раз и не два, потом русские все же отходят. Ну разве можно понять этих людей? Кто-нибудь вообще в состоянии понять подобное?

24 августа

Жара кошмарная. Солнце точно молотом бьет по голове. Сегодня выпала возможность познать другую сторону вчерашней «огневой подготовки». 700 человек убитых лежат внизу в ложбине, и от них несет так, что кое-кого из нас даже рвет. Приложишь мокрый носовой платок ко рту – и уже чуть легче. У меня зверски болит голова. Так что я сегодня не на высоте.

27 августа

Я мало помню последние несколько дней. У меня был жуткий жар. Я снова в Барахтах. Сегодня первый день без температуры. Все кончилось столь же внезапно, как и началось.

Единственное, что еще донимает меня, – это страшная слабость и вечно подгибающиеся ноги. Ничего особо страшного, кормят меня, по крайней мере, на убой – дают яйца, масло и молоко. Все будет хорошо уже сутки спустя.

Сегодня после довольно долгого перерыва получил письма от моей Розель и матери. И сразу настроение улучшилось – все будет хорошо. Так должно быть.

Люди на счету. Идут жестокие бои, и я должен быть вместе со своими товарищами.

Сегодня вечером московское радио устроило «Час для немцев». Мы, 299-я пехотная дивизия, снова главная тема. Забавно, когда этот парень начинает вещать: «299-я дивизия – дивизия убийц (ну прямо эксперт!). Все получили приказ пленных не брать». Какая честь для нас, если к нам обращаются по радио эти господа из Москвы. Их раздражение и злоба – похвала нам. Значит, хорошо воюем. Будь по-другому, о нас не разглагольствовали бы. Если верить другой передаче на той же волне, русские разбили нас в пух и прах еще под Звягелем [Новоград-Волынский]. А вот теперь каким-то чудесным образом мы, восстав из пепла, наносим им огромные потери. Ладно, будем теперь знать, что от них ждать!

28 августа

Мой день рождения. Когда я только смогу отпраздновать его в кругу моих дорогих родных и близких? Солнце снова показалось после вчерашнего дождя. Я невероятно тоскую по Розель и Эрике, по нашей тихой уютной квартирке. Когда я высплусь на нормальной кровати, а не на голой земле окопа? Когда я снова пройду по улицам, не вслушиваясь в канонаду, в свист осколков, в гул самолетов в небе? Мечты! Мечты! Когда вы станете реальностью?

Снаряд из длинноствольного орудия на платформе впервые долетает до села Барахты. Это уже сюрприз. Огромные снаряды рвутся здесь. Вот так салют в честь дня рождения! Два часа спустя треть села в руинах.

Сегодня прослушал сводку по радио: едва диктор приступил к первому сообщению, как я вдруг услышал антифашистские выкрики и оскорбления. Сказанное диктором поносилось и отрицалось. Судя по громкости, это русская станция, расположенная недалеко. Может, в Киеве? Ну и методы у этих ребят!

Вечером отправляюсь на позицию. Плевать, что скажет врач!

29 августа

Я снова вместе со своими товарищами. Кое-что изменилось за время моего отсутствия. Проволочные заграждения усилены, удвоены в глубину после того, как русские пробились до первой траншеи и закидали нас гранатами.

Между траншеями полно воронок. Вижу и четыре березовых креста с касками наверху. В одной каске здоровенная дыра. Значит, Шумахер погиб.

Нашу позицию уже не обстреливают беглым огнем. День за днем огонь противник ведет с постоянных артиллерийских позиций.

30 августа

Интенсивные ночные атаки русских. Впервые они решили применить ствольные минометы. Но толку от них не так много, лишь легкие ранения. С утра первый удар шрапнелью. Двое убитых, шестеро раненых. Наш боевой дух падает до минимума. Кто-то сообщил новость: с нашего тыла к нам на подмогу спешат около 1000 человек, целая колонна подкрепления. Мы не в особом восторге. Потому что надеялись, что после падения Киева нас

отправят в Германию на переформирование. Если верить слухам, прежде это было общепринятой практикой. А тут являются эти молокососы! Дерьмо!

Даже я поверил в слухи! Убить себя за это готов! Все надежды вырваться из этого ада рухнули. Мне уже не так легко бодриться и писать полные оптимизма письма домой моей Розель. Но приходится. Я понимаю, как важны они для нее и для ее настроения. Она будет рада и не узнает о том, что здесь с нами творится и в каком мы унынии.

31 августа

У реки Виты ничего нового! Артобстрелы, атаки и разрывы снарядов. Нудный гул бомбардировщиков, крики «ура!» красных дьяволов.

1 сентября

Ганс фон Обстфельдер [командующий 29-м армейским корпусом^[15]] получил Рыцарский крест. [Награда вручена 27 июля.]

2 сентября

Маневрирование на огромных территориях с целью окружения Киева очень напоминают обстановку у Седана на Западном фронте. И снова мы в роли клещей захвата. Нас опять призывают не жалеть своей крови в ходе многодневных окопных боев.

3 сентября

Ждешь! Ждешь! Атаковать приказа нет, зато есть приказ удерживать позиции под бешеным натиском русских.

4 сентября

Вот уже несколько часов русская артиллерия обстреливает наши позиции из орудий всех калибров. Надеюсь, выдержим. Вжавшись в землю в траншеях, ждем приказа атаковать или же конца этого кошмара – прямого попадания. Дрянь! Гадость!

5 сентября

Сегодня опять великий день для русской авиации, которую бросили на нас разнообразия ради. «Птички Буденного» слетаются сюда целыми стаями. Видимо, из вежливости сначала высыпают на нас сотни листовок. Ну а за ними следуют здоровые, длинные авиабомбы.

Сначала я принял их за зажигательные. Но если они сбрасывают бомбы непосредственно над нами, немедленной угрозы для нас нет. Мы с любопытством смотрим, как бомбочки хлопаются в лощину. Странно, но они вроде бы не взрываются. Тонкие их корпуса сразу раскрываются. И в воздухе разлетаются сотни крохотных предметов, блестящих, как консервные банки. Десять минут спустя вся ложбина в огне. Небольшие фиолетовые вспышки повсюду. Вскоре появляются специалисты химической службы. Они подбираются поближе к этим странным бомбам. Оказывается, 6–8-метровые корпуса заполнены небольшими емкостями. После раскрытия главного корпуса при соприкосновении с землей

эти емкости разлетаются во все стороны и раскрываются. Несколько минут спустя все кругом охвачено огнем. Это фосфорные бомбы – еще один злодейский трюк!

Несмотря на это, мы должны быть благодарны русским. Они решили использовать скопище трупов своих солдат в лощине в качестве крематория. Назавтра смрад разлагающихся трупов исчез. Что стало бы с нами, если бы не «птички Буденного»? Мы бы просто превратились в «ребрышки по-кассельски, хорошо прокопченные», как заметил кто-то из наших.

6 сентября

Смена боевого охранения на позиции «В» в 3.00. Шесть бойцов отправляются на незанятую позицию. Этого мы никак не ожидали. Ну там хоть, по крайней мере, тихое место: изредка упадет снарядик да застрекочет единственный пулемет. Над нашими позициями навис сырой туман. Противник не видит, как мы пробираемся через колючую проволоку и осторожно, ползком минуем минное поле. Полчаса спустя добираемся до передних траншей позиции «В». Туман в долине такой, что ни зги не видать. Враг может попытаться прорвать эту позицию как раз в тумане. Мы – глаза дивизии и различаем первую волну атакующих русских солдат.

Наша артиллерия прикрытия бьет достаточно метко и сметает первые две волны атакующих, но на наш участок устремляется масса все новых и новых атакующих. Если так продолжится и дальше, боюсь, мы будем вынуждены отступить к нашей первой позиции. Но никто ни о чем таком вслух не говорит – немецкий солдат так сразу не отступает. И наш наблюдательный пост превращается в оборонительную позицию. Снимаем камуфляжный чехол и ставим пулемет на изготовку к стрельбе. Ручные гранаты лежат рядом, готовые к употреблению. Штыки примкнуты к винтовкам на случай рукопашной.

Русские сумели пробраться справа от нашей позиции. Несколько их солдат буквально в полуметре от минного поля, но эти русские дьяволы не задумываются о таких мелочах, как потеря сотни-другой человек. Они вообще ни о чем не задумываются. Большевики раскусили важность нашей оборонительной позиции и гонят на ее штурм все новые и новые силы из резервов. Нас атакуют непрерывно. Артиллерия бьет без пауз и с дальних дистанций, попадая прямо в траншеи.

Туман давно рассеялся. Солнце светит и сводит нас с ума. На нескольких участках вокруг произошли рукопашные схватки. Тут уж к героизму призывать никого не приходится. Тут все герои. Тут каждый просто выполняет свой долг, делая все возможное.

В конце концов большевики отброшены и около полудня отступают. Но их артиллерия решает взять кровавый реванш. Один артобстрел, другой. К 17.00 град снарядов приходится на наш тыл примерно в сотне метров от нас, но постепенно приближается. Разрывы все ближе и ближе. Уже почти достают нас. Вой снарядов у нас над головой начинает напоминать орган... И мы бросаемся на дно траншей. И снова грохот, будто сам мир решил взорваться. Нас окатывает жидкой грязью, она везде – на ушах, лицах, на касках.

Осколок размером с кулак шлепается на землю в каком-то метре от меня. Везение! Без везения на войне никуда! Если сравнить число потерь с успехом, оно ничтожно. Прямо перед нашим сектором обстрела у первого ряда траншей горами громоздятся трупы русских солдат. Самое противное, что завтра всех нас будет рвать от трупной вони. И опять придется, словно медсестрам, бегать с прижатыми ко рту носовыми платками. Но тут обстановка круто меняется: мы получаем приказ о замене. Замена произойдет вечером. Никому не понять воздействия подобного приказа на эмоциональное состояние фронтового солдата, бойца с передовой. Не стану исключать, что кто-то из наших даже прослезился... Нервы ведь не железные.

Прибывшего вестового встречают как божество. Даем ему последние сигареты и остатки шнапса. Замена осуществляется в полночь без каких-либо осложнений. Ранним утром мы добираемся до наших снабженцев в Барахтах. И теперь спать, спать, спать.

7 сентября

Жара невыносимая. Влажная духота хуже любой пытки. Тысячи жирных мух – еще одна пытка. Они повсюду и всегда, днем и ночью. Целыми стаями садятся на все съедобное. У меня вмиг пропадает аппетит, стоит только подумать, на что они вообще садятся... На те самые трупы, что грудями свалены у нас на передовой и на дерьмо в наших временных сортирах. Поэтому, кроме ран, приходится опасаться и серьезных желудочно-кишечных заболеваний.

Об отдыхе или сне и думать не приходится. С тех пор как в тылу резко активизировалась деятельность партизан, о безопасности приходится забыть. Разумеется, мы высылаем в тыл посты, задача которых – хватать партизан и дезертиров. Но сей раз это уже не сопливые девчонки, а фанатики-большевики. Уставятся на нас пустым взором и лыбятся. В результате обысков обнаруживается масса любопытных вещей: карты местности, тысячи русских рублей, новенькие паспорта. Из-за этой проклятой жары нам и так тошно, а тут еще эти их дурацкие ухмылки. Они бесят нас так, что едва сдерживаемся.

Расследование обычно проходит быстро и «эффективно». Одному из партизан приставляют дуло пистолета к виску и с улыбкой произносят «карашо». Затем его оставляют переводчику, который избивает его до потери пульса. После этого мальчишка, корчась на земле, признается и в своих, и в чужих грехах. Сообщает, кто их послал, куда и зачем. Пофамильно. Мы убедились, что запугать русского не так уж и сложно. Накинешь ему на шею петлю, он еще ухмыляется, глядя на тебя. Но если дать ему как следует, в его глазах появляется страх, и он выложит тебе все, что ты хочешь от него узнать.

8 сентября

Ночью стал накрапывать дождь, а сейчас уже льет как из ведра. Земля за несколько часов превратилась в черное месиво. Вчерашние дороги стали потоками грязи. Жидкая грязь стекает по промоинам вниз в лощину, и за несколько часов та превращается в озеро. Нигде ни на чем и никуда и на километр не проедешь. Сапоги наши функционируют как фильтры, только с обратным эффектом – грязь проходит, оставаясь внутри, а вода выходит наружу.

Вспоминаются наши brave солдатики, кто сейчас сидит в окопах и траншеях. Бедняги, тяжело им приходится. Промокли до нитки. А траншеи и окопы наполовину залиты грязной жижей. Но, несмотря ни на что, артиллерия палит сегодня вовсю. Черт, и когда же только придет конец этой окопной войне!

9 сентября

Снова дождь, от души надеюсь, что за предстоящие две недели погода изменится – в противном случае ни о каком взятии Киева и мечтать нечего.

10 сентября

Все тот же серый супчик. Завтра нам предстоит снова на передовую. И в душе у меня сплошная серятина. За все эти дни отдохнуть по-настоящему так и не удалось, хотя отдых мы заслужили. Сейчас мы чувствуем даже большую усталость, чем до прибытия сюда. И вот нас

снова гонят на передовую, в эти мокрые и затопленные грязной водой дыры, да еще в эту скотскую погоду.

Окончательный приказ заслушиваем в полдень. Нам предстоит выполнить очень непростую задачу – обеспечить поддержку силами пехоты наступление на Запорожье. На всех участках объявили об этом^[16]. Запорожский участок считается еще опаснее, чем в Почтовой. Он самый сложный на всем западном направлении Киевского фронта. Вся территория покрыта густыми лесами, необъятными болотами и чрезвычайно сложна для контроля, что дает русским возможность делать нам кучу гадостей. Ладно, поглядим. Меня такое положение отнюдь не вдохновляет. Но у нас сегодня хоть одна радость – дождь прекратился. Слава богу!

11 сентября

Палящее солнце зависло в небе. Дороги просыхают здесь на удивление быстро. Но тяжелые транспортные средства все же увязают в оставшейся непросохшей каше. По самый дифференциал! Их, разумеется, вытаскивают, но сколько сил и пота это стоит.

Путь в Запорожье подсказывает нам, насколько серьезны задачи у границы фронта. В тылу сражающихся на передовой километров на двадцать нет ничего, вообще ничего. Трудно поверить, что линия фронта на Востоке протянулась на тысячи километров. Здесь не так, как во Франции. Там все войска были эшелонированы в глубину на 5 километров. Сначала боевые части, потом идут полки замены, потом резерв (маршевые батальоны) и, наконец, дивизии на крайний случай.

Да, господа тыловики в Германии, все пехотинцы здесь герои.

Любой солдатик, даже самый никчемный, если он на Восточном фронте, то вынужден стать настоящим солдатом, ибо, если он им не станет, его ждут большие неприятности. В случае прорыва русских помочь нам будет просто некому – в тылу пусто, и никто их не остановит.

Официальные сводки всегда интересно прослушать. Отец Краузе улыбается про себя (да, да, ну как было там под Шмен-де-Дамом) [автор ссылается на сражения на р. Эне в годы Первой мировой войны]. Дорогой отец Краузе, вот что я тебе скажу: мы уже здесь успели пройти через десяток, если не больше, этих «Шмен-де-Дамов», и кто знает, сколько нам еще предстоит «Дуомонов»^[17]. Отец Краузе, всегда были и есть ребята, кто начиная с 22 июня пролил кровь на передовых! И мама Краузе тоже счастлива безмерно, но по-другому. Где мой мальчик? Жив он еще? Здоров? Или... Даже если он и отдал жизнь ради победы, скорбящая материнская душа все же ощутит радость и счастье при виде германского флага. Она будет гордиться своим сыном, лежащим где-то на бескрайних просторах России с навечно раскрытыми глазами. Ох, жены и матери на родине, поверьте, мы понимаем и чувствуем ваше мужество. Мы больше не ваши мужья или сыновья, мы теперь ваши товарищи-бойцы. Каждый по-своему, но все мы отдаем вам все без остатка.

В Запорожье [Заборье?] мы прибыли во второй половине дня и вечером стали готовиться к замене. Нам предстояло заменить подразделение удостоенного Рыцарского креста майора Альбрехта Ланца [396-й пехотный полк]. Они сражались героически. Я завидую тем, кто служит под командованием майора Ланца. У него на обожженном солнцем лице крупными буквами написан ум, это человек с неиссякаемым чувством юмора. У него для каждого найдется и шутка, и ободряющая фраза.

Нам поставлена задача: сформировать разведывательные подразделения и завершить агрессивное изучение территории вокруг Киева. Для данной кампании типично, когда в случаях необходимости солдатам самых различных родов войск ставят задачи пехотинцев. Штабов как таковых не существует. Высшие чины не отдают распоряжений из безопасных и защищенных дотов. Здесь все, будь ты офицер или кто-нибудь рангом ниже, не расстаются с оружием, которое приходится использовать по десятку раз в день.

12 сентября

Русские вроде бы что-то заметили. И замена оборачивается довольно неудачным мероприятием, повлекшим за собой большие потери. Они обрушили на нас мины из минометов, ручные гранаты и артиллерийские снаряды довольно больших калибров.

Все стихает примерно в полдень. Русские не воспользовались возможностью атаковать – это обернулось бы хаосом с огромными потерями. Утром вернулась группа разведчиков, захватившая двух пленных. Нам противостоит фанатично настроенный и сильный враг – специально подобранные члены большевистской партии. Своего рода «красные СС».

Интенсивный артобстрел не утихает весь день. Знать бы русским, какова численность их противника. Очень хорошо, что чаще всего наша численность, вернее, малочисленность им неизвестна и что они далеко не всегда в курсе обстановки. Мы переигрываем их? Действуя их же методами, изготавливаем макеты сооружений с длиннющими печными трубами, глядящими в небо, и целый день занимаемся фортификационными работами.

13 сентября

Линию обороны патрулируют русские лазутчики. Брайтунг и Хорунг совершенно случайно получили тяжелейшие ранения от ручных гранат. Беру нескольких бойцов и продвигаюсь к пострадавшим. Русские швыряют «лимонки» прямо нам к ногам, когда мы возвращаемся, – очень неприятная ситуация, если ты тащишь серьезно раненных. Мы прыгаем в первую же воронку от бомбы, но тут с воем подлетает 200-килограммовый снарядище и шлепается прямо между нами. Я чувствую, как волосы у меня встали дыбом. Раскаленный снаряд засел в грязи буквально в метре от меня! Неразорвавшийся!!! Редчайший случай, потому что, как правило, русские делают очень неплохие боеприпасы. Думаю, нет необходимости пояснять, что нас тут же всех как ветром сдуло. Бог ты мой! Если бы эта штукавина сработала, хватило бы пустой консервной банки, чтобы запихать туда все, что от нас всех осталось бы! Вот такие были бы похороны десяти бойцов!

Выбираемся из траншей вечером, поскольку нам предстоит весьма рискованный разведывательный рейд. Согласно данным нашей разведки, вчера русские возвели проволочное заграждение с пропущенным через него током высокого напряжения. Наша задача – установить местонахождение заграждения и электростанции. Но на сей раз у нас нет возможности выполнить задание, потому что русские внезапно атаковали нас. Все произошло настолько быстро, что мы не успели даже отступить. Мы оказались в жутком положении. Не шевелясь, лежим в глубокой канаве, по которой протекал ручей, примерно в 80 метрах от вражеской передовой. Видим, как большевики снуют слева и справа от нас, чуть не вплотную к нам. Слышим, как комиссары раздают солдатам приказы. На наше счастье, все происходит ночью. Если они нас обнаружат, нам конец. Над нашей канавой перекрещиваются следы русских и наших трассирующих пуль. Минуты тянутся, как годы. Полчаса спустя русские схлынули. Мы тут же бросаемся на оборону флангов – наш пулемет строчит, пока не кончатся патроны. И тут прибывают наши, и все приходит в норму.

14 сентября

Из чуткого сна нас вырывает страшный грохот. Большевики сосредоточили на нашем участке огонь тяжелой артиллерии. За исключением бойцов на передовой, все остальные разбегаются по дотам – воздух гудит от разлетающихся осколков. Я в самой передней траншее прямо у деревьев. Взрывы один за другим в заболоченной равнине. Метрах в ста от меня впереди величественный бук. Мои товарищи прозвали его «кровоавым». Это единственное сухое место среди здешних болот. Красные не оставляют попыток прорыва

через этот участок. На следующий день дерево это снесли снарядом, и поэтому есть основания считать, что бук служил ориентиром для русской артиллерии. Жаль, такое роскошное дерево было.

Бред какой-то – некто лежит под огнем неприятеля и созерцает дерево, солнце и все, что оно так красиво освещает. Послушай, Ганс, а тебе этот бук, случаем, не напоминает ваш с Розель любимый лесок в родном Таунусе^[18] и ваши чудные с ней прогулки? Тебе бы не об этом сейчас думать, а о падающих перед тобой снарядах!

И как раз в этот момент подлетают два крупнокалиберных снаряда. Глупо палить такими громадинами на длинные дистанции, да еще по такой позиции! Дурь! Непонятно, а где же наше деревце? Его не видать из-за окутавшего его дыма. Когда дым рассеивается, дерево, покачнувшись, наклонилось сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и, наконец, свалилось на землю. Вот видишь, Ганс, твои милые воспоминания о Таунусе оказались совершенно нектати.

Обед не лезет в горло – не в том мы настроении сегодня. Понервничать пришлось по самую завязку. Какой-то дурачок спешит поделиться с нами новостью, которую сегодня только и обсуждают в траншеях. Первое: поступил приказ о замене, сегодня мы отсюда точно уберемся. Но если польет дождь, нас снова вернут на прежние позиции в Почтовую к Вите. Этот жуткий участок, стоивший нам самых лучших! Второе: генеральное наступление на Киев начнется через два дня. Ну наконец-то! Плакать от радости впору! Кончится эта проклятая окопная война. Даже не верится – наконец выяснится, почему нас неделями держали в этих окаянных траншеях [генерал-полковник Гейнц].

Гудериан с севера^[19], а [фельдмаршал Эвальд фон] Клейст с юга^[20] предприняли окружение огромной территории^[21]. Окружение такого большого участка территории – случай беспрецедентный за всю военную историю.

Предстоит сражение на окружение и уничтожение личного состава, причем в таких масштабах, что о нем будут говорить еще сотни лет. Ты только подумай, пройдет пару лет, и ты будешь своему сыну помогать выполнить задание по истории, а темой следующего урока будет «Битва за Киев». И ты скажешь ему: сынок, все, что описывается в ваших учебниках истории, я собственными глазами видел и в этом лично участвовал. Мы же – часть этого! Не важно, как там все сложится, но разве не здорово, что мы в этом участвуем? Кто сейчас задумывается о том, что, может, ему жить-то осталось от силы пару часов, что на войне не все предсказуемо, зато Киев!

...Завтра мы снимаемся с места, а послезавтра – кто его знает? – может, придется участвовать в атаке. Кто из нас, истинных фронтовиков, задумывается о смерти? Если бы задумывались, разве смогли бы так воевать?

15 сентября

На сей раз замена проходит без спешки и погода словно на заказ! Все в хорошем настроении. Ни одного хмурого лица. Просочилась новость: атака начнется завтра. Мы уже возненавидели город, в двух шагах от которого стоим и в который нам не позволяют войти. Но погоди, Киев, полный оружия гордый город! Все скоро переменится! Мы сгораем от нетерпения идти на штурм – слишком много было сделано для этого за последние три дня.

На позицию ставят тяжелые гаубицы и дальнобойные орудия. Их поспешно маскируют камуфляжными сетками. И складывают снаряды. Много снарядов. Я никогда еще не видел столько сложенных, как дрова, снарядов.

Во второй половине дня добираемся до Василькова. Потом первое, что мы делаем, – празднуем, выпиваем. После этого слегка прихорашиваемся. Бреемся, умываемся. А вообще ждем приказа атаковать.

16 сентября

Атака идет уже с 5.00 утра. Главное сейчас – найти подходящее место для генерального наступления. Посланный в Гатное патруль (в то самое Гатное, где мы понесли такие тяжелые потери полтора месяца назад) доставляет важные разведданные. Судя по всему, русские оставили передовые позиции. Может, решили отступить на более укрепленные?

Гатным овладеваем в результате дерзкой и быстрой операции. Во второй половине дня мы уже в Почтовой и на прежних позициях. И мы выполнили свою задачу по подготовке к генеральному наступлению. Окапываемся, что явно не помешает, потому что, едва мы закончили, как русские снова открыли огонь. Мы открыли ответный огонь. Сотня орудий ведет стрельбу, пока не стемнело и пока видны цели. С позиций убирают лишь немногие крупнокалиберные орудия.

17 сентября

Мы до сих пор остаемся на наших позициях перед предстоящим штурмом. Соседняя дивизия продвигается весьма умеренными темпами. Несмотря на артобстрел, мы, опытные фронтовые волки, даже умудряемся прикорнуть. Опыт и интуиция подсказывают нам, что русских сейчас больше волнует оборона, и в атаку они не полезут.

Внезапно примерно в полдень прилетают «птички Буденного». Но ситуация уже не та, что в последний раз в Теремках. 88-мм и 20-мм зенитки ураганным огнем отражают атаку с воздуха. То, что происходит дальше, просто потрясающе.

Большевики два раза здорово прокололись. Наши зенитки не сделали ни одного выстрела. Чудесно! Русские, которые так и не разглядели наши замаскированные зенитки, кружились, как у себя над аэродромом. Рассчитывая нагадить и вернуться в полном составе, как и в старые добрые времена в августе. А потом началось. Заработали наши 20-мм зенитные орудия. 18 «маринов» [СБ] запыхали, как свечки, и грохнулись на землю. Все продлилось 20 минут. Вот так-то, Буденный!

18 сентября

Наши 210-мм и 305-мм орудия за последние сутки подвергли интенсивному обстрелу линию обороны русских в предместьях Киева. Последовали и несколько атак наших пикирующих бомбардировщиков. Несколько часов спустя над Киевом повисли черные облака от пожаров. Точная работа. Согласно приказу, заселенные пригороды города атаке не подлежали. Подлежали атаке крепость, железнодорожные станции, склады боеприпасов и мосты через Днепр. Приказ на штурм поступил во второй половине дня. Начало операции завтра. Ребята, ройте братские могилы! Вы можете излить всю свою ненависть к городу, который был все это время у вас перед носом и все же оставался недосягаемым. Но завтра он будет досягаем! Наконец будет!

Дневник второй. Марш на восток и зима 1941/42 г.

Примечание издателя

То, что оставалось неизвестным для Ганса Рота, когда он в составе своей дивизии участвовал в кровопролитных боях за Киев, были ожесточенные дебаты в высшем командовании германской армии, которые возымели далеко идущие последствия и на ход осуществления плана «Барбаросса», да и, в конечном счете, на исход Второй мировой войны в целом.

К началу августа 1-я танковая группа фон Клейста группы армий «Юг» продвинулась на 150 километров вдоль низовьев Днепра, а 2-я танковая группа Гудериана группы армий

«Центр» продвинулась на восток примерно на столько же, но севернее – на восток от Днепра в его верхнем течении южнее Смоленска и далее. Миллионный Юго-Западный фронт Буденного превратился в выступ, который ничего не стоило окружить и разгромить, в случае если обе танковые группы предприняли бы маневр соединения по двум сходящимся направлениям. Но в таком случае отход Гудериана от группы армий «Центр» означал бы приостановление наступления на Москву.

Гитлер всецело поддерживал киевский вариант, поскольку был убежден, что, уничтожив огромную группировку Советов на юге, он тем самым откроет себе доступ к промышленному району Донбасса и далее – к нефтеносным районам Кавказа. Кроме того, он подсознательно опасался повторить в России путь Наполеона, который в свое время без долгих раздумий стал наступать на столицу России, но оказался под сильнейшими фланговыми ударами русской армии.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск [Гальдер], а также ряд командующих армиями и танковыми группами группы армий «Центр» считали, что направление главного удара должно быть на московском направлении. Москва была политическим, экономическим и коммуникационным центром России, и именно в 1941 году приобрела куда большую важность в этом смысле. Сталинская империя не выдержала бы потери Москвы и неизбежно развалилась бы.

Однако возобладала точка зрения Гитлера, и с 8 августа 2-я танковая группа, отделившись от группы армий «Центр», начала наступление на юг. 12 сентября 1-я танковая группа ударила с плацдарма у Кременчуга на север, и 15 сентября оба оперативных соединения встретились в районе города Ромны восточнее Киева. И когда танки Гудериана, помеченные буквой «G», соединились с танками фон Клейста с пометкой «K», это означало для Юго-Западного фронта Буденного [Кирпоноса] невозможность удержать столицу Украины. Овладение Киевом вылилось в крупнейшую к тому времени военную операцию за всю военную историю, обернулось окружением огромной войсковой группировки и пленением 450 тысяч солдат и офицеров Красной армии, что открыло немцам путь для продолжения наступления вглубь Советского Союза.

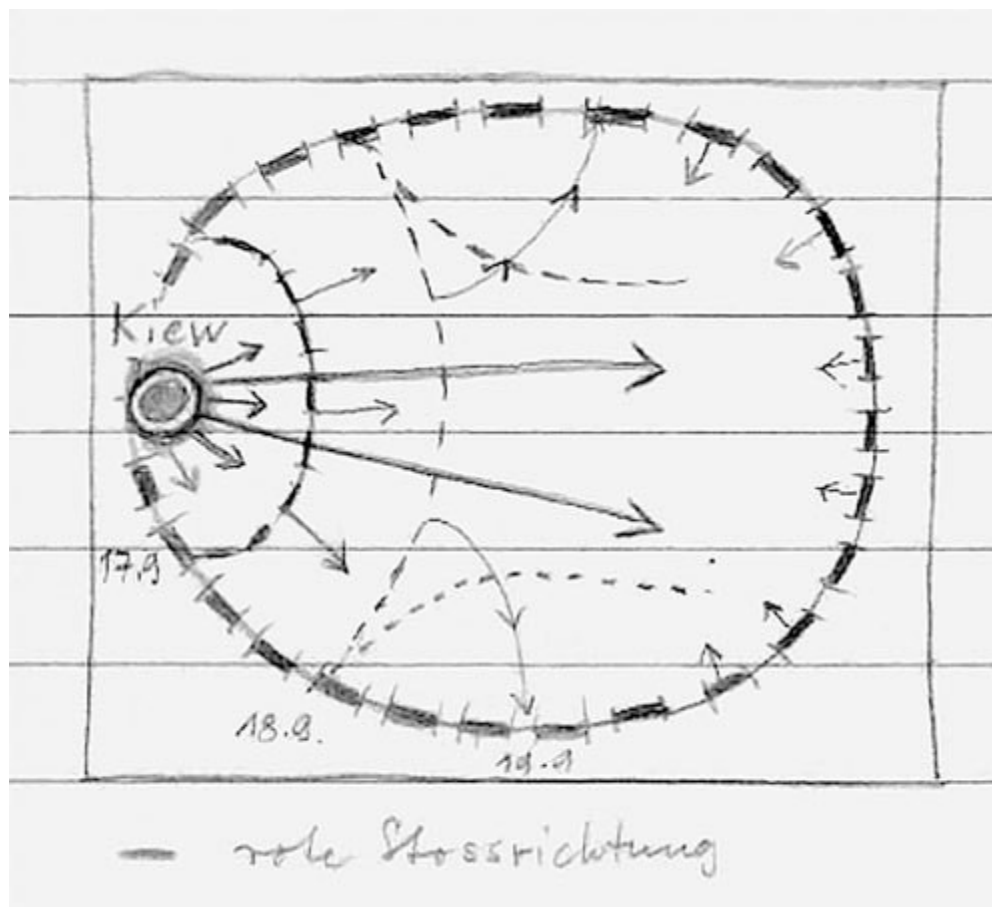
Ведя дневник, Ганс Рот и не подозревал о всех стратегических разногласиях, будучи свидетелем лишь ожесточенных боев и постепенного ослабления оказываемого немцам Советами отпора в ходе наступления на Киев (дивизия Рота одной из первой вступила в город). Вполне логично: Буденный начал отвод сил на восток, поняв намерения обеих танковых групп, однако Сталин аннулировал его распоряжения и требовал «держаться до последнего». В конце концов Буденный был освобожден от должности командующего Юго-Западным фронтом, а назначенный Сталиным новый командующий погиб в Киевском котле^[22].

6-я армия фон Рейхенау, блестящего командующего, однако самого убежденного нациста в германском генералитете из действующих в тот период на Восточном фронте, издавала весьма жесткие приказы об обращении с местным населением. Будучи уже в Киеве, Ганс Рот описывает в своем дневнике виденные собственными глазами ужасы, творимые айнзацкомандами СД. Речь, вероятно, идет о печально известной акции в Бабьем Яре.

После овладения Киевом группа армий «Центр» забрала назад 2-ю танковую группу (3-я была задействована на севере на ленинградском участке Восточного фронта) и в начале октября 1941 года продолжила наступление на Москву^[23]. Сначала ей сопутствовала удача: были выиграны сражения у Вязьмы и Брянска, но потом Советам пришел на помощь новый союзник – и Рот описывает это – «генерал Мороз».

И в России на всем фронте в две тысячи с лишним километров немцы столкнулись сначала с осенней распутицей, а позже – с сильнейшими морозами. Войсковой подвоз был практически парализован. Вскоре на смену осени пришла ранняя в тот год и невиданно суровая зима. Не имевший зимнего обмундирования германский солдат оказался беспомощным перед страшными морозами. Но самой большой неприятностью стало то, что Советские располагали, оказывается, едва ли не неисчерпаемыми резервами – переброшенными

из районов Сибири дивизиями, соответствующим образом экипированными для ведения боевых действий в условиях суровой зимы. В декабре Сталин начал контрнаступление по всему фронту.

Начерченная рукой Ганса Рота схема Киевского котла с обозначенными на ней попытками Красной армии прорыва окружения немцев. 17–19 сентября 1941 г.

В тот период, когда германские войска оказались на пределе своих возможностей, Гитлер отстранил от должности ряд генералов, требовавших отвода немецких войск на оборонительные позиции. В том числе Гудериана и фон Рунштедта, командующего группой армий «Юг», заменив его фон Рейхенау, самым фанатично настроенным из гитлеровских генералов, хотя Рейхенау довольно скоро убедился, что его предшественник действовал правильно (Рейхенау уже в середине января 1942 года скончался от сердечного приступа после утренней пробежки на сильном морозе).

Зимой 1941/42 г. противотанковое подразделение Ганса Рота служило своего рода «пожарной командой», участвуя в разрешении постоянно возникавших на участке кризисных ситуаций, участвуя в боях – таких, как за Обоянь вблизи участка железнодорожной линии между Курском и Харьковом, на острие клина наступления 6-й армии.

Пережив зиму, Ганс Рот был и поражен, и обрадован весенней переброской на их участок фронта свежих германских дивизий, но тем не менее дневник его завершается записью, которая говорит о его страстном желании увидеть своих жену и дочь.

23 сентября

В нашем тылу идут ожесточенные бои. С утра 19 сентября мы сумели преодолеть сильно укрепленное кольцо внешней обороны города. Враг, как оказалось, не столь многочисленный и сильный, как мы предполагали, потерпел сокрушительное поражение в кровопролитных боях, нередко переходивших в рукопашные схватки, и к 9.00 мы вышли в западную часть города. Русские больше не вели тяжелые уличные бои. Наши многочисленные наступающие части и подразделения атаковали цитадель в направлении от Лысой Горы, и к 11.00 уже везде развевались наши флаги со свастикой.

К полудню мы достигли центра города. Ни одного выстрела. Широкие улицы и площади совершенно безлюдны. Странное и жутковатое зрелище. Тишина тревожит нас – трудно поверить, что такой огромный город оказался в наших руках за столь короткое время. Или это военная хитрость русских? Попытка заманить нас в заминированную ловушку? Может, мы сейчас стоим на жерле готового вот-вот проснуться вулкана?

Именно эти вопросы не давали покоя всем. Сейчас на них уже имеются ответы. С целью выманить оккупационные войска из города, которые всеми средствами необходимо было избавить от участия в боях, 17 сентября германское командование сымитировало атаку восточнее Киева, проведя основательную артподготовку. Буденный тут же издал приказ о нанесении нам сокрушительного контрудара, при этом отведя войска от хорошо оборудованных оборонительных позиций и, соответственно, обнажил подступы к городу. Примерно в 120 километрах восточнее довольно тонкой линии обороны немцев, на участке ложной операции, расположилась намеревавшаяся обойти фланг противника армия. Опыленные столь легкой победой – они и не встретили никакого сопротивления вообще, – войска Буденного продолжали преследовать «отступавших» немцев. Те все дальше и дальше отходили на восток и к 19 сентября были уже очень далеко от Киева. В этот момент судьба нескольких сотен тысяч бойцов Буденного была решена – они оказались в окружении. Вот такая ирония судьбы! Буденный, который до последнего не сомневался в победе, был убежден, что преследует охваченного паникой отступающего врага, однако враг этот таинственным образом за одну ночь будто испарился. Незначительная схватка произошла лишь на одном из флангов корпуса. Но, невзирая на это, красный полководец решил, что разрезал вражескую группировку на части (вероятнее всего, фатальную роль сыграла отвратительная связь).

Что же представляла собой пресловутая западная линия обороны, на которую так рассчитывал Буденный, как в свое время французы на линию Мажино? Она не была обычной цепью дотов, нет, она была сборищем дьявольских ресурсов, результатом идеи, которая могла зародиться лишь у психически ненормального. Попытаюсь рассказать об этих жутких мертвых зонах, которые мы миновали в ходе боев 17, 18 и 19-го числа.

В тылу Гатного располагаются поля кооперативов, необозримые овощные поля. Лежат себе под солнышком. Ну кому придет в голову, что в этих безобидных овощных грядках проложены провода высокого напряжения? Поверх овощей частая сетчатая проволока длиной в несколько километров. Есть и высокие изолированные металлические шесты, выкрашенные в зеленый цвет, – одним словом, убивающая насмерть сеть высокого напряжения, подаваемого из дота. Она настолько умело замаскирована, что обнаружили мы ее только после потерь нескольких наших товарищей.

И еще там были дьявольские ямы, глубокие и расположенные в ряд длиной в несколько сот метров. Все они заминированы, причем особым способом – при подрыве одной мины срабатывают и все остальные, соединенные под землей специальными детонационными каналами. Одновременно с минами взрываются и водопроводные трубы, несколько минут спустя вся территория затоплена.

Сюда же можно отнести и незаметно натянутую проволоку, также приводящую в действие мины. Споткнешься о нее – и все! А мины высотой примерно в 75 сантиметров и при взрыве разбрызгивают горящую маслянистую жидкость. Следовало бы упомянуть и об острых колышках, концы которых обработаны сильнодействующим ядом. Оцарапался – и

десять минут спустя умираешь мучительной смертью. Все перечисленные устройства снабжены автоматическими огнеметами, приводимыми в действие давлением.

Вы только представьте себе – среди всех этих жутко хитроумных штук расположены и обычные виды вооружений – двухуровневые доты, стойки с укрепленными на них автоматическими пулеметами, противотанковые рвы, заминированные дорожки. Следует добавить противопехотные мины, мины-ловушки, шариковые мины и другие виды мин. И еще вообразите, как эта вся дьявольщина функционирует в боевых условиях. Вот так русские решили защититься от наших атак.

Первая стадия – огонь из обычных видов вооружений – танков, артиллерии, пулеметов и так далее. Потом артиллерия дотов – 76,2-мм пушки, полевые орудия, 122-мм дальнобойные орудия, тяжелая артиллерия (152-мм, 203-мм) и, наконец, орудия, смонтированные на железнодорожных платформах, и тяжелые гаубицы Киевской крепости.

Что касается пехотных боев, здесь мы рассчитывали на пулеметный, ружейный и автоматный огонь, на всевозможные гранаты, на бутылки с зажигательной смесью, на заминированных собак и на многое другое. Можно было бы долго перечислять все эти хитроумные изобретения большевиков, впрочем, частично мы с ними были знакомы еще по Западному фронту. Что же касается зажигательных гранат, они не имеют ничего общего с обычными. Снаружи она ничем не отличается от обычной, только снизу имеет фосфорную емкость. При воспламенении фосфора взрывается, рассеивая множество осколков. Того, кому довелось видеть раны от этих осколков, нет смысла упрекать в бесчеловечности по отношению к врагу. Всю эту гадость давным-давно следовало бы запретить Женевской конвенцией, но разве эти красные русские свиньи пойдут на это!

Бутылки с зажигательной смесью, или, как их еще называют, «коктейль Молотова», используются аналогично ручным гранатам в схватках в траншеях. Эффект воздействия: при ударе бутылка разбивается, находящаяся в ней жидкость при соприкосновении с воздухом воспламеняется, температура от 800 до 1000 градусов Цельсия, белый дым в огромных количествах. Представьте, что такая штучка попала к тебе на мундир! Есть возможность при наличии определенных дополнительных приспособлений и стрелять этими бутылками, как снарядами. Примерная дальность – до 200 метров. Кстати, русские освоили и стрельбу «лимонками» из орудий.

Заминированные собаки: мы пристрелили с десятков таких собак, в основном немецких овчарок, в Жулянах. На спине животного укреплен рюкзак с зарядом весом около 3 килограммов. По рассказам одного пленного, занимавшегося тренировкой этих собак, они предназначены для борьбы с танками противника. При помощи вертикально расположенной под небольшим углом тонкой деревянной рейки приводится в действие детонатор. Тренируют их обычно, давая им корм только под танками, так животные привыкают к танкам и лезут под них, задевая рейкой приводной механизм взрывателя. Из других источников я слышал, что собак учат также набрасываться на пехотинцев на марше.

На многих участках Почтовой русские использовали воздушные мины. Эти мины снабжены крылышками и пропеллером. Мина закрепляется на красном воздушном шаре в поперечнике 1 метр. При приземлении шар сразу же отделяется. После взрыва такой мины остается весьма глубокая воронка.

То, что я здесь описываю, лишь ничтожная толика всего. В конце концов, что это в сравнении с другими деяниями этой Киевской группировки, о которых известно крайне мало? Предполагалось, что все общественные здания города сильно заминированы. Уже два дня спустя после овладения нами городом внезапно взорвались три барака, один из которых был занят немецкими солдатами. И с того дня почти ежечасно в городе раздавался взрыв, что-нибудь непременно взлетало на воздух – заводы и фабрики, склады, больницы, школы, – все сначала взрывалось, а позже уничтожалось пожарами.

Местное население стало выходить на улицу и проявлять первые признаки доверия к нам. Среди украинцев мне приходилось встречать очень многих приятных людей. На улицах разыгрывались трогательные сцены. Бывало, стоило группе наших солдат появиться где-

нибудь в городе, как нас сразу же окружали местные жители, улыбались нам, а нередко даже плакали от радости и обнимали нас. Некоторые пытались что-то сказать на плохом немецком, и так мы узнали о множестве изломанных судеб. Они были благодарны нам за каждый кусок хлеба. Многие не ели несколько дней. К полудню народу на улицах уже было столько, как в обычный мирный день. По дорогам на восток катили автомобили. Колонны войскового подвоза – грузовики, бензозаправщики: Киев не видел подобной оживленности транспорта. Все тротуары были заполнены зеваками.

Внезапно случилась неопишуемая вещь: страшный взрыв сразу в трех местах главной улицы. Пламя взметнулось выше домов. Каменные глыбы и металлоконструкции перекрытий взлетели в воздух, улицы заполнил едкий дым и запах гари. Люди с криками ужаса разбегались. Некоторых толпа в панике растоптала, люди старались прижаться к стенам домов. С оружием в руках мы пытались каким-то образом утихомирить охваченную паникой толпу. Что же произошло?

Когда дым рассеялся, мы увидели страшные последствия: широкая улица метров на сто была изуродована. Там, где только что возвышался памятник Ленину, зияла огромная, как кратер вулкана, воронка, стены четырехэтажных домов по обе стороны проезжей части рухнули. Под развалинами оказались десятки людей.

Вот тебе и мирная безмятежность! Несколько часов спустя не успевшим прийти в себя после боев двум дивизиям был дан приказ срочно сформировать спецподразделения. Одни получили распоряжение осмотреть город, согласно имеющемуся плану, второпях забытому отступающими частями Красной армии. Была поставлена задача очистить город от опасных элементов и террористических групп. Приказ передавался из части в часть, из одного подразделения в другое. Штурмовые саперы срочно приступили к поиску заложенных в здания мин. В особенности оперативно действовали специальные подразделения тайной полевой полиции и СС. Во второй половине того же дня приступили к выявлению евреев. Подробнее об этом будет рассказано ниже.

В ходе проведенного следствия выяснилось: 1) взрыватель дистанционного управления был вмонтирован в памятник Ленину; 2) в центре города было обнаружено еще несколько взрывных устройств подобного действия. Несмотря на принятые меры, узнать удалось не так много. Скорее всего, было заминировано и здание Музея Украины. Мы весь вечер проверяли это монументальное сооружение. Несмотря на то что в помещениях царил приятная прохлада, мы от усталости обливались потом. Ничего удивительного – попробуйте-ка обежать огромное здание, где тебя на каждом шагу подстерегает гибель!

В конце концов в одном из крохотных подвальных помещений мы услышали тиканье часов. Звук доносился из-за стены. Никаких проводов или дополнительных устройств, ничего вообще. Мы потратили еще полчаса на поиски – нам они показались вечностью, – чтобы найти адскую машину. И потом велели немедленно эвакуировать всех из здания. Все здания поблизости были освобождены от людей и соответствующим образом укреплены.

Точно в 22.30 это огромное здание взорвалось. Пять или шесть кварталов за ночь полностью выгорели. И подобное произошло не только в этом месте – в нескольких местах Киева бушующее пламя поднималось до неба. Гремели взрывы, бушевали пожары, небо над городом окрасило багровое зарево.

24 сентября

Рано утром полевые части получили приказ приступить к зачистке города. Слава богу, управление и охранников решили освободить от этого. Мы всю ночь не смыкали глаз – взрыв за взрывом. В нашем районе в домах не осталось ни одного целого стекла.

Нас перевели в пригород Никольская Борщаговка^[24]. Устроились мы в удобных домах достаточно комфортабельно. Бог тому свидетель, что чем-чем, но комфортом мы не избалованы. Там были даже куры. И примусы. И вскоре повсюду над нашими

импровизированными казармами аппетитно запахло жареным мясом. На несколько часов мы решили позабыть о проклятой войне. Однако бдительность необходима – нельзя позволять врагу застать тебя врасплох.

Почти в полночь последовал еще один страшный взрыв. С потолка и стен посыпалась штукатурка, кое-где взрывной волной повышибало двери. У нас кусок застрял в горле. Бросив все, мы как безумные выскочили на улицу. Над городом гигантским грибовидным облаком повис дым. Видимо, произошло что-то очень серьезное. Нам даже есть расхотелось – к аппетитно зажаренным курочкам так никто и не притронулся. Все были подавлены.

Мы с нетерпением ждали известий о ночном инциденте. Только к вечеру удалось кое-что узнать. Разместившиеся в крупнейшей киевской гостинице органы командования и управления взлетели на воздух вместе с еще несколькими административными зданиями. Пламя объяло целый городской квартал, под обломками оказалось несколько тысяч жителей города. Погибло много и наших – от простых солдат до высокопоставленных офицеров. Кто-то рассказал, что взорвали и переполненное солдатское казино.

Это было ужасно. Впервые за долгое время достаточно насмотревшиеся на кошмар фронта солдаты сидят в зале, смотрят кино, смеются как ни в чем не бывало – и вдруг взрыв! Их рвет на куски внезапно приведенный в действие адский механизм. Хуже не придумаешь...

25 сентября

С утра мы с тремя бойцами отправились в Теремки. Это мероприятие требовало особой бдительности. Вся территория буквально нафарширована минами. Даже теперь, когда бои остались в прошлом, наши позиции далеко не безопасны. Над «полем смерти» повисла зловещая тишина. И обманчивая – в земле заложены тонны динамита, ожидающие одного лишь неверного шага или движения, чтобы выплеснуть наружу огонь, дым и гибель.

Ответственность – тяжкий груз. Мне следовало бы идти одному на свой страх и риск. Но товарищи уговорили меня, и я решил взять их с собой.

Здесь по-прежнему мрачно, напоминают о себе следы недавних боев, но вокруг тишина – свиста снарядов и осколков нет. На Почтовой тоже тихо – пулеметы молчат. Кто мог бы представить себе подобное еще несколько дней назад?

Боже мой! Ну и панорама!

В Теремковском лесу чуть ли не вплотную друг к другу до сих пор лежат тела и наших, и недругов. Уже полтора месяца они лежат здесь. Да, вот так и выглядит теперь Теремковский лесок – расщепленные снарядами и осколками деревья и трупы. Воплощение кошмара войны. Черт возьми, ни к чему солдату ходить сюда на экскурсии, разгуливать по этой обильно политой кровью земле, среди проволочных заграждений, на которых до сих пор висят обрывки обмундирования...

Потом мы подходим к огромной груде руин – это и есть Теремки.

Все вокруг очень напоминает лунный ландшафт – кратеры воронок и ничего больше. И здесь когда-то были наши позиции. Потом подходим туда, где в земле покоятся похороненные нами наши товарищи. Земля кое-где провалилась. Вообще трудно что-то распознать. Казалось бы, вот здесь мы отрыли могилу, положили их в нее, насыпали поверх холмик, а теперь вместо холмика заполненная мутной водой впадина. Боже, какое счастье, что их родные и близкие не видят всего этого кошмара!

Да, когда-то здесь на самом деле были наши позиции. Тысячи осколков почти до основания разрушили их – теперь можно только стоять и гадать, как пролегли траншеи, где были вырыты окопы. Не укладывается в голове, что ты когда-то носился по ним, спал в них, по двое суток лежал, скрючившись, пережидая очередной артналет противника. Как не укладывается в голове и то, что кому-то все же посчастливилось вырваться из этого ада живым.

Едем назад, молчим, все погружены в раздумья. Прощайте, Теремки, прощайте, наши боевые товарищи. Тяжело вспоминать об этом месте. Разве можно забыть пережитые там ужасы?

Приближаемся к окутанному гигантскими облаками дыма горящему Киеву. Несчастный город! Мы тебя пощадили, возможно, даже себе в ущерб, а теперь здесь бушуют гигантские пожары, твоё тело бьётся в конвульсиях от жутких взрывов – и это не твои дети, а дети Иуды нанесли тебе смертельные раны, до неузнаваемости изувечив тебя.

Когда же наступит конец этой ужасной войне... Очень многие говорят, что, я, дескать, вижу мир только в черном цвете – нет, мои дорогие, это не так. Напротив. Я все теперь вижу именно в белом цвете, цвете снега, который еще похоронит очень и очень многих из вас.

Ганс, не думай, прошу тебя! Не думай! Не раздумывай ни о чем!

26 сентября

Центр города на многие километры представляет собой бушующий океан пламени. Пожары пожирают город. Сегодня утром пришлось эвакуировать еще два городских района. В результате около 20 тысяч человек остались без крова. Около половины из них, прихватив с собой самое необходимое, ютятся в домах на близлежащих улицах.

Удручающее зрелище!

Сегодня утром и саперы подрывали часть улиц. Без этого было просто не обойтись. У зондеркоманд СС хлопот полон рот. Круглые сутки допросы и расстрелы. Даже тех, кто кажется им просто подозрительными, ставят к стенке прямо на улицах, а тела убитых так и оставляют лежать. Люди – мужчины, женщины, дети – ходят вокруг и шепчут: «Ничего!» В смысле ничего особенного, ну подумаешь, труп лежит на тротуаре, ну что с того?

Шагаем прямо по лужам крови, на тротуарах повсюду следы крови, свежей и уже запекшейся.

Айнзацкоманды СС тоже по уши в работе. Всем евреям без исключения до полудня 25-го числа надлежит зарегистрироваться. Разумеется, последовали этому распоряжению не все, а от силы половина, но в любом случае никто из них из города не выйдет – Киев оцеплен плотным кольцом охраны. Это будет день отмщения за наших погибших от разрывов коварно подложенных мин товарищей. Сегодня, сутки спустя, уже 2 тысячи евреев отправлены к Иегове!

Мы долго беседовали с одним молодым солдатом СС из «эксекуционной команды». Они занимаются тем, что «освобождают» все взятые нами крупные города от еврейского населения. Они свое дело отменно знают – эти ребята убийцы со стажем. Я поражен. Мы, фронтовые солдаты, и не задумывались о том, что происходит во взятых нами городах, когда мы, продолжая преследовать отступающего противника, уходили дальше.

Задача фронтового солдата – вперед и только вперед! Гнать врага как можно дальше. Солдат-эсэсовец рассказывает мне о массовых расстрелах в Житомире. «Тогда мы были еще *гребаны* недочулки, – заявляет мне 19-летний солдатик (с упором на слове «гребаный»). – Два дня они рыли 50-метровые рвы из расчета по 250 евреев на ров. Всего мы прикончили в Житомире 1800 евреев, еще 5000 их убили раньше. Потом, это было уже на третий день, рвы были готовы, и все, от маленьких детей до глубоких стариков, должны были раздеться наголо. Первых 250 евреев ставили на край рва, потом очередь сразу из двух пулеметов, после этого ко рву подвели следующую группу, эти уже должны были спуститься вниз и аккуратно бок о бок сложить мертвецов, поплотнее, чтобы места было больше. Если между трупами оставались промежутки, их заполняли убитыми детьми – в общем, мешкать было некогда – их должно было быть 1500 человек, и все должны были поместиться во рву. Потом снова пулеметные очереди, а если кто-то еще продолжал стонать, тех добивали. Потом на очереди была следующая группа, и так продолжалось до самого вечера. Времени не хватало на них на всех, ведь в этой стране столько евреев!»

Сначала я вообще не мог вымолвить ни слова. Этот молодой человек рассуждал обо всем так, будто речь шла о заурядной охоте на фазанов.

Я не мог в это поверить, так ему и сказал. Усмехнувшись, он предложил поехать и посмотреть самому.

Усевшись на велосипеды, мы проехали до городских окраин к крутому оврагу. Постараюсь быть кратким – в животе у меня странно похолодело. То, что я увидел, было ужасным, и эту жуткую картину мне не позабыть до конца жизни. На краю этого оврага стояли евреи, а лежавшие за пулеметами солдаты косили их. Тела убитых падали через край этого оврага метров на пятьдесят вниз.

Всех, кто стоял у края, «подметали подчистую». Когда число убитых зашкаливало за 1000 человек, край оврага подрывали, и груда мертвых тел внизу заваливалась землей^[25].

– А с подрывом-то неплохо придумали, – совершенно по-мальчишески улыбнулся мой собеседник.

Боже мой! Боже мой! Не говоря ни слова, я повернулся и быстрым шагом, чуть ли не бегом направился в сторону города. Этому солдатику 19 лет! Ведь подобные мероприятия оставляют следы не только на обмундировании, но и в душе! Что будет с ним, когда он вернется домой? К своей матери и невесте?

27 сентября

Огромный пожар в центре города продолжается. Новые взрывы, новые очаги пожаров. Взрываются склады боеприпасов.

29 сентября

Опять в дорогу! После суточного марша к вечеру прибываем в Прилуки. Едем по сельской местности, время от времени нас обстреливают из винтовок русские, по-видимому, с недавно обороняемых, а ныне уже опустевших позиций. Разгром четырех окруженных армий красных – свершившийся факт. По самым скромным подсчетам, в плен захвачено 650 тысяч человек. Бесконечными колоннами они тянутся мимо нас на запад. Возможно даже, что это те самые ребята, кто так яростно атаковал нас в течение нескольких последних недель. Но теперь все кончилось – их соединения окружены, и кольцо окружения стягивается все туже.

Не сдаться нам было бы просто безумием, в противном случае всех бы просто перестреляли.

30 сентября

Несколько дней мы остаемся в Прилуках. Наша задача – зачистить близлежащие леса от остающихся большевиков. По русским меркам условия проживания вполне приемлемы. Если большинство наших где-то бродят, я сижу над картой и вычерчиваю тактические схемы.

Первым делом я тщательно умываюсь, бреюсь, после чего на несколько часов ложусь спать. Ужин – суп из полевой кухни, который нередко достается и голодающим русским.

Несчастливые люди! Всегда одно и то же – краюха черствого хлеба, и они счастливы и довольны жизнью. Не сомневаюсь, что эти люди много лет назад знали и лучшие времена. При царе. Снова и снова я спрашиваю себя, как здесь, в богатейшем регионе России, в житнице Европы, люди мрут от голода и живут хуже скота. Преступники-большевики беззастенчиво лишали свой народ нормальной, счастливой жизни ради вооружения, масштабы которого в мире уникальны.

Если нашим девизом был «Пушки вместо масла», то в Советском Союзе – «Ни масла, ни жилья, только самое необходимое. Только пушки!».

Большевики преуспели, вводя в заблуждение мир о количестве оружия. Мы недооценивали и красных руководителей, и их солдат, и их вооружения. Потому что вооружений в этой стране столько, что это невозможно себе и вообразить, и это касается и его численности, и мощи. Не говоря уже об авиации, танках и автоматическом оружии. А если говорить о самом солдате Красной армии – он сильный враг, упорный фанатичный боец, каких нам еще встречать не приходилось.

Полтора месяца боев в окопах под Киевом самым наглядным образом продемонстрировали и его силу, и его слабость. Сила солдата Красной армии заключается в его способности держать оборону. Его естественные наклонности дают ему возможность умело использовать все преимущества местности. Самое выдающееся качество русского солдата – его стоическая борьба до последнего, нередко из боязни скорых на расправу комиссаров. Враг доказал сообразительность в тактике проволок, в неплохо организованных отступлениях и, конечно, в умении маскировать свое отступление. Минирование оставляемой нам территории постоянно совершенствуется, русские неистощимы на выдумки. Очень часто они используют взрыватели замедленного действия с неизвестным временем срабатывания. В этом смысле их минирование Киева после отступления представляет собой своего рода шедевр. За эти дни нами были обезврежены мины со сроком срабатывания до 165 дней!

Русские проявили себя мастерами по части сооружения всякого рода мнимых объектов. Их позиции непроходимы. Их атаки изначально носят характер фанатичных, массовых наступлений. Если атака не удастся, ее просто повторяют до тех пор, пока не побеждают. Почти всегда их атаки предваряет интенсивная артподготовка, и они часто атакуют при поддержке танков. Время начала атаки – это либо рассвет, либо ночь. Пехота идет в наступление густыми массами, нередко чуть ли не парадным маршем. И окапываются они весьма умело, что заметно по их позициям.

Русские охотно применяют тактику гериллы, здесь, можно сказать, им нет равных. Партизанская война планировалась, готовилась и проводилась при непосредственном участии большевистского руководства.

Не следует забывать и об их артиллерии, этих Богом проклятых русских батареях, куда более многочисленных, чем мы себе представляли. Количество орудий самых разных калибров кажется неисчерпаемым – мы сталкиваемся с ними даже в самых малозначительных стычках. Арсенал русских включает помимо своих типов орудий, орудия почти всех стран, в том числе и французские, английские, американские и даже немецкие (Крупп)^[26]. Встречаются и батареи реактивных снарядов. Боеприпасами они располагают всегда и в любом количестве. Качество их очень хорошее.

Особое место занимают зажигательные снаряды, которые мне приходилось видеть в разных модификациях: фосфорные снаряды, термитные, обладающие огромной взрывной мощностью. Патронов и вообще боеприпасов русские никогда не жалеют. Разрушительный огонь русских батарей нередко расстреливает один и тот же объект в течение дней. (В Теремках была масса тому примеров.) В светлое время суток даже малозначительная мишень – вестовой на мотоцикле, к примеру, – обстреливается огромным количеством боеприпасов.

Радио и беспроводные средства связи: здесь им следовало бы быть внимательнее. Русские и здесь достаточно опытные, но радио – фактор отнюдь не решающий, поскольку и здесь масса обманых методов. При отступлении они нередко просто бросают радиооборудование, включая передатчики. Мол, подумаешь, велика важность! Вышестоящие штабы еще имеют радиотелефонную связь, а на уровне полков и батальонов преобладают вестовые. Именно отсутствие надежной радиосвязи сыграло негативную роль в их поражениях.

4 октября

Намного быстрее, чем планировалось, мы уходим из Прилук утром 1-го числа. Суточный марш, нам предстоит переброска на оказавшийся под угрозой участок неподалеку от села Ольшана. В Ромнах в результате жуткой путаницы из-за непроглядной ночи я каким-то образом потерял свое подразделение. Вместе с бравым Зеппом мы несколько дней блуждаем по жутко разбитой территории в поисках своей дивизии, но безрезультатно. На Путивльском плацдарме видим танки Гудериана^[27].

В то утро мы наконец нашли нашу часть в 112 километрах южнее. Для описания наших с Зеппом приключений понадобился бы отдельный дневник.

5 октября

И снова важный, но весьма рискованный приказ. До самого прибытия дивизии 4–5 дней спустя мобильному подразделению предстоит оборонять Ольшаны от превосходящих сил противника.

Перед отбытием сегодня утром несколько боевых машин 9-й танковой дивизии сумели отбросить врага на несколько километров, что дало нам возможность окопаться. Мы успели отрыть лишь самые необходимые для боя траншеи. Что-то назревает! «Вас бросили – численность маловата!»

Мы и есть линия обороны, мы и вторая, и шестая волны атаки, пехоты никакой, артиллерии никакой – ничего, абсолютно ничего! Вот так дела!

Совсем как в Теремках, русские самолеты стаями атакуют нас. Выгорают одна за другой хаты. Вечером русские несутся в атаку на наши позиции со своим «ура!» и попадают прямо под огонь наших пулеметов. Сразу видно, что бойцы необученные. Всю ночь было очень беспокойно. Разведчики докладывают: русские подгонят дополнительные войска.

6 октября

В предзвездной мгле русские снова атаковали нас. Но на сей раз это не новички, и нам пришлось попотеть, несмотря на утренний холодок. В ходе осторожной контратаки – мы не имеем права рисковать: слишком мало у нас людей – нам все же удалось отбросить русских. И даже взять пленных. Мы имеем дело с «Московской пролетарской гвардией» и азиатами, их тут полным-полно, и они, как показала атака, дерутся отчаянно. Увы, у нас потери, причем мы теряем двоих наших лучших товарищей: лейтенантов Форестера и Коля. Экая досада – эти два офицера действительно лучшие из нас!

Впервые во второй половине дня мы удостоились визита американских бомбардировщиков^[28]. Огнем бортовых пушек они подожгли последние из уцелевших хат. Чуть позже они прилетели снова. Приходится отступить к холмам на северо-востоке, постоянно отбиваясь от преследующего нас противника. Ценой лишь невероятных усилий нам удалось отпугнуть эти фанатично вопившие орды.

Нет, это не человеческие существа! Может, мы уже каким-то образом перенеслись в эпоху, описанную в романах Карла Мая?! Будто дикие кошки, они карабкаются на деревья, стреляют из совершенно неожиданных мест. Точь-в-точь как негры в Ла-Берлье (Франция), они сжимают в зубах длиннющие тесаки. Подлый и коварный азиатский сброд. Господа, похоже, нам предстоят похороны!

И как раз на пике отчаяния случается чудо! Подкрепление! Как снег на голову свалились откуда-то наши brave пехотинцы. В пылу атаки никто и не заметил, как они здесь оказались. Их все больше и больше, и отделение за отделением присоединяются они к нашей обороне. В тот же вечер большевики отброшены в результате нашей контратаки. Но вот только нам враг не виден – темень непроглядная. Мы снова возвращаемся на оставленные

нами позиции, пехотинцы организуют интенсивный прикрывающий огонь, что позволяет нам даже улечься поспать, и вскоре мы всю храпим в наших грязных окопах и траншеях.

7 октября

Погода меняется – с полей дует ледяной северный ветер. Медленно, но неотвратимо холод проникает через наши тонкие шинельки. Руки немеют. Ольшана в развалинах, нет никакой возможности отыскать хату, где можно было бы согреться. И до меня постепенно начинает доходить: самое мучительное еще впереди. На нас надвигается самый страшный враг – лютая русская зима.

Сегодня вечером русские не атакуют, так что ночь проходит спокойно.

8 октября

Стало невыносимо холодно. При ледяном северном ветре начался снегопад. При такой жуткой погоде ни о каких операциях и думать нечего. Но как бы то ни было, вечером наши штурмовые группы продвигаются вперед.

Дороги превращаются в ручейки жидкой грязи, автомобили еле-еле продвигаются. Не встречая противника, мы добираемся до Недригайлова^[29]. На дорогах валяются убитые лошади, стоят брошенные машины, сгоревшие танки, повсюду разорванное в клочья обмундирование, втоптанное в грязь патроны и снаряды. Сразу же за Недригайловом встречаем находящуюся на марше 165-ю пехотную дивизию. Дивизия проводит атаку на соседнем участке, а нам предстоит оборонять один из ее открытых флангов.

С приходом ночи складываем из снежных кирпичиков что-то вроде юрты и ждем атаки большевиков. Но ничего не происходит, по-видимому, враг отступил довольно далеко.

9 октября

Преследуем отступающего противника в направлении города Сумы.

10 октября

Постоянные снегопады вперемешку с дождем не позволяют продвигаться вперед. Вчера вечером прибыли в Кравино (возможно, Кровное Сумской области. – *Ред.*). Дождь превратил траншеи в озера. По радио мы услышали о победоносном сражении на окружение противника в районе Вязьмы и Брянска.

Судьба Восточной кампании практически решена. Остатки Красной армии на пороге полного уничтожения. Большевицкое руководство бежало из Москвы^[30]. Неужели это их конец? Все чаще и чаще приходится слышать об этом по радио. Да и дома наверняка эти новости на первых полосах газет. Мысли в голове путаются – неужели наше командование в одну ночь свихнулось? Все это не так, не может такое быть правдой. Мы же все видим, видим, что здесь происходит. Неужели эти господа сидят в шорах?

Что себе думают у нас на родине? Наши жены, матери, невесты? Наверное, с ума сходят от счастья. Плачут от радости, что эта кошмарная кровавая бойня несколько дней спустя закончится? А их сыновья, мужья и женихи самое позднее к Рождеству вернутся?

Боже мой, но реальность совершенно иная. Войска на Восточном фронте столкнулись с колоссальной проверкой на прочность. Мы, немцы, не привыкли сражаться зимой, в мороз и в такой грязи. Может быть, и правда пора применять варварское оружие, травить их ядами?

На родине предстоит страшное пробуждение от охвативших всех иллюзий. Пройдет еще несколько недель, и все газеты запестрят черными крестами, чего раньше никогда не было.

11 октября

И снова страшный снегопад. И совершенно внезапно мороз минус 7 градусов! Дороги окаменели. Мы могли бы начать наступать, могли бы... Если бы было горючее! А бензовозы еще вон как далеко, сидят по самые бамперы в окаменевшей на морозе грязи. Около 60 процентов транспортных средств застыли в неподвижности из-за этой замерзшей грязи. Все верно – так и выглядит победоносный марш! А ведь распутица только начинается, но уже после двух дней дождя такой кавардак. Все это как-то не вяжется со вчерашними победоносными фанфарами!

26 октября

Впервые за несколько дней у меня нет температуры. Моим госпиталем стала какая-то вонючая хата да солома на полу. На этот раз я простудился не на шутку – что и говорить, «русская простуда»! Каким брошенным я вдруг почувствовал себя в этой замызганной полутемной хатенке!

27 октября

Все то же самое: свинцово-серое небо, сильный ветер и дождь со снегом. Дороги в том же состоянии: куда ни глянь – везде грязь и ничего больше, иногда в метр глубиной. Вопрос войскового подвоза превратился в огромную проблему. Это не означает, что мы умираем с голоду, – слава богу, вокруг хватает и гусей и уток. Но вот курить нечего, нет сахара, кофе и вообще массы полезных и вкусных вещей, доставляемых из тыла. Вот поэтому унтер-офицер Рот и смастерил себе сигаретку из старой газеты и немецкого чая. На вкус переносимо, нашлись даже подражатели. Надо сказать, что здесь только не пытаются курить. Кое-кто занялся добычей сахара, другие гонят самогон из сухого хлеба. И все происходит в этих грязных, вонючих хатах. Стараемся вообще не выходить на улицу без крайней необходимости в такую собачью погоду, но приходится терпеть и вонь, и грязь, каких не всякая свинья стерпела бы.

Интересно, а как в такой хате, состоящей всего из одного жилого помещения, умещались по семь человек? Целые семьи?

В центре возвышается огромная, занимающая добрую треть хаты, печь, здесь все дома строят вокруг печей. Деревянные нары, очевидно, служат спальней для всей семьи. Под этими нарами и под печкой – нечто вроде кладовок.

Хрюкают свиньи, кудахчут куры, пищат цыплята. И тут же свалена картошка и все остальное.

На потолке крючья – на них подвешивается колыбель для младенцев. Представьте себе – с потолка свисает деревянное корытце с грудным ребенком. Какая-нибудь бабушка часами сидит и раскачивает колыбель либо ногой, либо привязанной к ноге веревкой, другой конец которой крепится к колыбели. Встает она лишь для того, чтобы усесться с остальной семьей за состоящий из вареной картошки ужин. Все, кто уже в состоянии самостоятельно держать ложку, усаживаются вокруг огромного чугунка и уплетают еду, пока не насытятся. Все это производит впечатление чего-то доисторического, того, что можно было вживую видеть лишь на заре человеческой цивилизации.

Наличие в доме бумаги свидетельствует об образованности и обеспеченности. Те, у кого она есть, украшают ею стены. И в нашей хате разорванные газеты, картинки из них,

странички старых школьных учебников, какие-то квитанции, детские рисунки – единственное «украшение» стен.

Если не считать детских рисунков и газетных вырезок, все эти попытки украсить жилище ничего, кроме брезгливого ужаса, не вызывают. И не только из-за грязи, дыма, копоти и золы на полу, нет. В основном из-за мелких домашних обитателей, живущих своей жизнью за этой бумагой. Мы отодвигали лавки подальше от стен, но по ночам из-за бумаги доносились странный шелест, шорохи и царапанье. И мы знали – их время наступило.

На дверях ни замков, ни ручек. Сами двери – не больше чем сколоченные из досок плиты, висящие на петлях и просто прикрывающие дыру в стене. Кое-где по краям прибиты гвоздями уплотнения в виде свернутого в тонкий рулон тряпья.

Крохотные окошки не открываются вообще ни летом, ни зимой. Вместо выбитых стекол нередко используется то же самое тряпье или старая одежда, иногда набитые соломой мешочки.

Во время войны все наши чувства подвергались суровым испытаниям. Приходилось слышать крики, стоны, визги переживавших боль раненых, приходилось наблюдать сцены, после которых вообще хочется онеметь до конца жизни. Какой вони только не испытали наши носы: дыма, гари, смрада разложения на палящем солнце. Всего и не перечислишь. Но на всю оставшуюся жизнь в разум впечатаны тягостные картины быта русских.

Вот так и живут эти местные: с маленькими детьми, со свиньями в подпечьях, спят на расстеленных на печах овечьих шкурах, с запечатанными наглухо окнами, за похожими на баррикады дверями. Прибавьте к этому полтора десятка солдат с оружием, собравшихся поужинать вокруг тускло светящей керосиновой лампы. После этого дымят махрой, от которой вонь даже еще хуже, чем от немецкого чая. Если вам этого букета запахов мало, добавьте вонь невымытых пропотевших тел! И вот в такой клетушке размещаются 25 человеческих особей.

Лампа представляет собой уникальный аспект этой атмосферы. В штабах и других дивизионных учреждениях у нас стоят электрогенераторы, поскольку офицерам необходим свет для работы в ночные часы, в отличие от простого солдата, использующего темноту либо для атак, либо для сна. Если ему вздумается осветить кусочек пространства для личных нужд, как это в данный момент делаю я, он пользуется карбидной лампой или просто свечой.

Вне сомнения, самым простым приспособлением служат маленькие бутылочки из-под водки, подвешиваемые к потолку на проволоке. В залитое в такую емкость масло погружают фитиль – кусок веревки, ткани или еще чего-нибудь в этом роде. А если здорово повезет – настоящий фитиль. В результате получается нечто вроде масляной лампы, но светящей довольно тускло и часто мигающей. Вот напротив подобного осветительного прибора я и расположился писать эти строки дневника.

Шагом вперед является настоящая масляная лампа без защитного стеклянного цилиндра. Время и постоянное наличие солдат давным-давно уничтожили стеклянный цилиндр. Но, несмотря на это, лампа дает достаточно света – можно написать письмо любимой, а потом и своим родным домой. Царь Лидии Крѐз (560–546 гг. до н. э.), например, охотно довольствовался масляной лампой, не знаю уж – со стеклянным цилиндром или же без такового.

А где мы обычно спим? Должен сказать, что в последние дни главным занятием, кроме редких стычек с противником, был сон. Боже, сколько часов упущенного сна нам предстояло наверстать! Вот поэтому те, кто не писал письма, не ел, не ловил на себе вшей (каждое обнаружение насекомого в швах обмундирования сопровождается радостным сообщением), спали. Спим мы все скопом в одном месте. Что, может, кто-нибудь из нас требует одеяльце? Нет таких. Так вот, спим мы на деревянных лавках, на полу, на огромном столе – самая большая роскошь: клок соломы под себя. Сон глубокий и без сновидений, и в то же время чуткий. Даже объятия Морфея не позволяют нам терять бдительность. Спим мы, глубоко дыша, не чешемся во сне от донимающих нас вшей, одним словом, почти так, как если бы мы

спали на нормальной кровати и в пижаме. Но от подобного мы давным-давно отвыкли, зато привыкли спать одетыми.

Это действительно забавное зрелище. Если ты все же видишь сон, то это, конечно же, что-то связанное с домом, нашими родными пенатами. Те, кто постоянно разглядывает фотографии детей и жен, истершиеся от частого употребления, поймут меня. В конце концов, именно любовь к близким и всякое напоминание о доме и поддерживает нас. И объединяет. Ты видишь во сне белую скатерть, тебя нежно целуют – все это обеспечивает хорошее настроение и заряд бодрости на весь день. Неплохо, конечно, увидеть во сне здесь, на Восточном фронте, и что-нибудь связанное с нашим пребыванием во Франции – приветливое солнышко, вино. Но подобная тематика сновидений уже не стимул. Скорее родной дом и все с ним связанное. Да будь благословен армейский почтарь, доставляющий нам письма!

Еще на две недели мы застряли в этом Кравино [Кровное?], но в конце концов распутица все же прекратилась, и 10 ноября снова ударили морозы. На градуснике почти круглые сутки минус 12.

15 ноября

Наконец-то! Земля промерзла, как камень. Можно начинать.

16 ноября

Сумы пали после ожесточенных боев. Потери кошмарные. Наш унтер-офицер Ладер, отправившийся вместе со своим отделением в разведку, не вернулся. Отделение тоже – погибли все.

18 ноября

Добираемся до Лебедина. Эти последние три дня здорово потрепали дивизию. Лишь 50 процентов вооружений и транспортных средств боеготовы. Поэтому дивизии приказано оставаться в Лебедине до дальнейших распоряжений и как можно быстрее привести в порядок артиллерию и транспортные средства.

Лебедин, по русским стандартам, милый городишко и вообще рай в сравнении с завшивленными хатами Кравина [Кровного]. Советы отгрохали здесь довольно большие административные здания, за городом аэродром и казармы. Сплошные потемкинские деревни!

Издали их выбеленные фасады смотрятся еще ничего. Но стоит подойти поближе или войти внутрь, как ты видишь растрескавшиеся стены и потолки, криво висящие двери, которые ни открыть, ни закрыть, перекошенные лестницы, набухшие от сырости оконные рамы, неровные полы – и перечисленное еще не самая большая проблема.

Между тем ни одно здание не старше 5–6 лет. И вот что еще меня здесь просто убивает: нигде в этом «раю для рабочих» мы не встречали скрытой электропроводки! Плохо натянутые провода вечно провисают и на стенах, и на потолках. Здесь неизвестны свинцовые трубки, которые у нас на родине обязательны. Здесь всегда и везде одно и то же – даже в городах преобладает примитивизм и нищета.

Но какова же заработная плата в этом «раю для рабочих»? Каковы цены на товары? Вот несколько примеров, но первым делом уместным будет упомянуть, что советский рубль перед войной разменивался на рейхсмарки по курсу 1:82. То есть за рубль приходилось платить 82 рейхсмарки.

Средняя ежемесячная зарплата^[31]:

Квалифицированный специалист 300 рублей

Солдат Красной армии 7 рублей

Офицер 210 рублей

Размер пенсий исчислялся заработками, в среднем 80 рублей.

Зимнее пальто стоило 2000–3000 рублей

Приличный костюм 1500–2000 рублей

Пара туфель 200–300 рублей

Гусь 120 рублей

Яйца и масло 25 рублей

Буквально сразу же, за несколько дней, из лояльных украинцев была сформирована милиция, проявившая себя с самой лучшей стороны в эти нелегкие последующие дни.

Докладывают о группе партизан численностью в 2 тысячи человек. Развертываемся и вступаем в бой с вооруженными бандитами. У них пулеметы, орудия, противотанковые орудия и другие пехотные вооружения. Так как партизаны начинают представлять серьезную угрозу для Лебедина, приходится запрашивать подкрепление из Ахтырки. На одном из участков нам приходится временно отступить, оставив наших убитых и раненых. Возвратившись, обнаруживаем их изувеченными. В самом городе обстановка неуверенности. Нападение на унтер-офицера с целью ограбления. Преступник схвачен в тот же день и повешен. На следующий вечер двое воругов напали и на меня. Темень стояла кромешная, и обоим удалось сбежать и скрыться в лабиринте переулков. Одного я точно ранил, и вроде бы серьезно – утром при осмотре места преступления мы заметили кровавый след на земле. Но отыскать их нам так и не удалось.

Во второй половине дня было расстреляно 10 человек заложников. Мы теперь не церемонимся, а действуем железной рукой – городские виселицы не пустуют. Казни стали неотъемлемой частью повседневности. Так, и только так должно быть.

С фронта дурные новости: 21 ноября часть дивизии, находившаяся на отдыхе, была спешно поднята по тревоге для соединения с боевой группой Петерсдорфа, ответственной за один чрезвычайно опасный участок фронта вблизи Обояни.

Тем временем установились жуткие холода, временами столбик термометра опускается до минус 25 и даже 30 градусов. У большинства из нас зимнее обмундирование отсутствует, участились случаи обморожений.

12 декабря

Большая часть дивизии уходит из Лебедина. По железной дороге в «спальных вагонах» 19-го числа прибываем в Обоянь.

22 декабря

Дивизия поделена на отдельные боевые группы, подчиняющиеся разному командованию. Линия фронта здесь очень тонкая и к тому же прерывистая. Рядом с рекой Ржавой демаркационной линией, отделяющей нас от соседней армии, 40 километров линии фронта никем не заняты. Когда мы прибываем туда, мы видим такое, что нас явно не вдохновляет. Стало быть, это и есть наша позиция на зиму. И здесь нам предстоит останавливать натиск русских?

Плакать хочется, жалкие окопчики – воронки, – мерзлую землю приходится взрывать, обрывки колючей проволоки, и это все? Те, кому мы пришли на смену, исхудалые, бледные, со странным блеском в глазах. Они молча жмут нам руки и бредут в тыл. Час спустя в результате взрыва снаряда гибнут двое наших товарищей и еще несколько человек получают ранения.

Вечером первая массовая атака большевиков. При поддержке танков лыжные батальоны вихрем налетают на нас. Ледяной северный ветер со снегом дует прямо нам в лицо, глаза

ничего не видят, оружие дает осечки на морозе. Видимость – десять шагов. То здесь, то там вдруг из снежного месива в считанных метрах от тебя выныривает русский танк. Разрывы ручных гранат, дикие крики, жесточайшие рукопашные схватки. Два наших орудия раздавлены танками.

В общем, тут нам не удержаться. Что же теперь, каждый за себя?

Наше отделение собирается в каком-то колхозе в двух километрах отсюда. Мы ждем, ждем. Проходит полчаса, а нашего подразделения нет и в помине... Никого... Ни одного человека. Трагедия началась...

23 декабря

Ночью прибывает подкрепление, но люди измотаны так, что еле держатся на ногах. Они совершили невозможное – на своих двоих отмахали 30 километров в снегопад, увязая в снегу, и даже притащили с собой два орудия. В таких условиях о контратаках и думать нечего, а завтра будет уже поздно контратаковать.

Удивляемся, почему русские не преследовали нас.

В условиях постоянных танковых атак взрывами гранат готовим для себя окопы. Превращаем в огневые точки все – хаты, картофелехранилища, погреба.

24 декабря

Весь день резкое усиление активности разведки. Похолодало еще сильнее – минус 30, как кто-то сказал. Боеприпасы у нас на исходе, и я вместе с двумя бойцами на маленьких деревянных санях оправляюсь на КП батальона. Жалкая кляча еле плетется, выдыхая облачка пара. Шерсть ее заиндевела.

Холод такой, что, кажется, выдыхаемый нами пар тут же замерзает. Мы сидим с поднятыми воротниками шинелей. Все заиндевело – наши пилотки, наши отросшие бороды, хотя мы сидим, вжав головы в плечи. Ноги мы обернули кусками бараньих шкур. Ветер гонит снег по обледенелой тропинке, по которой мы пробираемся на санях.

Лошадь кое-как тащится. Холод царствует над этим пустынным, безлюдным пейзажем, от которого мы тщетно пытаемся отделиться. Никто ни слова не произносит, потому что тебе кажется: стоит его произнести, и оно тоже замерзнет. Жалкие обледенелые хатенки торчат из снега. Снег скрипит под сапогами, когда мы, чтобы срезать путь, продолжаем путь пешком, чтобы хоть как-то согреться в движении, потому что холод такой, что отдается болью в теле.

Наконец, после изнурительного двухчасового странствия по снегу, видим небольшое возвышение. Вдоль него высокие, голые березы, но, подойдя ближе, понимаешь, что в снегу прорыты какие-то норы, прикрытые скрипучими дверцами. Вот это и есть батальонный КП, который, что ни день, обстреливают.

Внутри помещения почти все место занимает печь, наскоро слепленная из глины и грязи. Дымоходом служат соединенные друг с другом жестяные консервные банки. Тусклый свет позволяет кое-как разглядеть карты и напечатанные приказы. Внутри, скрестив ноги, сидят четверо офицеров. Все ненужное из этой норы вынесено. Над плитой в деревянном коробе мясо и хлеб – их размораживают. Сюда в эту погоду все доходит мерзлым, окаменевшим от холода, включая разлитый во фляги суп из полевых кухонь.

Вдруг этот холмик начинает содрогаться под артобстрелом. Мы пытаемся укрыться в солдатских траншеях, таких же, как наши, разумеется, то есть просто ямках в земле метр семьдесят в ширину и полметра в глубину, в которых вроде бы чуть теплее и которые рассчитаны на двоих бойцов. В последние дни некоторые из окопчиков потеряли своих владельцев, поэтому мы без труда находим, где разместиться.

Полчаса спустя снегопад кончился. С трудом передвигаясь на одеревеневших ногах, мы выбираемся наружу и убеждаемся, что наши саночки, на которых мы сюда добирались,

представляют собой груды щепы, а наша лошадка валяется в луже крови. Я этим так взбешен, что слова в глотке застревают. На чем, спрашивается, нам перевезти драгоценные боеприпасы?!

Вскоре группа из десятка солдат с тяжеленными ящиками на спинах покидает КП батальона. Молча, с обмороженными руками, угрюмо ступая по скрипучему снегу и стараясь попасть ногой в след впереди идущего, направляемся назад.

И о чем мы только не думаем!

Сегодня канун Рождества, и сейчас наши домашние вовсю наряжают елки – Эрика со светящимися радостью глазами, рядом, улыбаясь, стоит Розель. Хотя Розель вообще-то не до улыбок сейчас – мыслями она где-то далеко-далеко, здесь, вместе со мной. Одно-единственное горячее желание всех нас: Боже, верни его нам живым и здоровым! Все! Не думать! Не размышлять! Не фантазировать! Не размягчаться! Смахнуть льдинки из-под глаз!

Наши товарищи с нетерпением ждут снаряды, потому что сегодня красные, для которых ничего святого не существует, начнут атаковать! Кто-то стонет – ноги отмерзают, еле идет. Мы распределяем его груз среди остальных и продолжаем идти. Быстрее! Быстрее!

Уже темнеет, когда мы, полумертвые от усталости, возвращаемся к своим. Нам официально приказано укладываться спать в одном из окопов. Вот уж непонятно! Как тут заснешь, если над тобой гремит и свистит? И когда каждый боец на счету?

Наши снаряды разрываются прямо среди атакующих русских, расшвыривая по сторонам эту азиатскую сволочь. Эти ребята как огня боятся обстрелов – они наступают без танковой поддержки и вскоре отступают.

О, святая ночь!

Дважды они этой ночью возвращаются, и дважды мы их отбрасываем назад.

О, святая ночь!

В прорытом в земле бункере свеча не гаснет всю ночь. Бункер этот вроде госпиталя – стоны, крики отовсюду. К утру все затихает – страдания нашего батальона прекращаются.

25 декабря

Мы лежим, скрючившись, в окопе за пулеметом. Мы очень аккуратно обращаемся с оружием. То, что произошло 22 декабря, не должно повториться. Ни капли масла на сталь – масло мгновенно твердеет на морозе.

Всматриваемся туда, где засел противник. Противник, страстно желающий заключить пакт с зимними холодами, вновь и вновь штурмом идет на наши позиции.

Мы уже кое-что о нем поняли: теперь мы надеваем мундиры поверх шинелей, и так как у нас нет белой краски, мы быстро мочимся на стальную дверь; моча, мгновенно замерзая, белеет. Вот и вся наша маскировка!

Появляется советская авиация. Завывая двигателями, самолеты проносятся на бреющем над нами. Снова началось, мы хватаемся за оружие. Вражеская артиллерия усиливает огонь. Наше счастье, что промерзлая, окаменевшая земля покрыта толстым слоем снега – иначе мы бы оглохли от грохота взрывов. Мерзлая земля практически не поглощает звук. Слышим, как все ближе и ближе подползают танки, понимая, что все это теперь завяжется на несколько часов.

С другой стороны беззвучно несутся на лыжах одетые в белые маскхалаты русские. Пулеметы твякают, ручные гранаты наизготовку, все бойцы в огневых точках наготове. Группа наших ведет огонь из-за стволов деревьев – никакой снег не спасет тебя от пули, снег – плохая защита. И как это часто случалось в последнее время, начинается яростная рукопашная схватка, один против другого, держать оружие в руках опасно – руки прилипают, стоит лишь коснуться промороженного металла.

Пулеметный огонь сбивает снег с ветвей деревьев, и из лесу выползают неприятельские танки. Мы уже давно слышали рев их двигателей и молим Бога, чтобы они прошли мимо.

Так и происходит – враг, не замечая нас, проходит. У нас вырывается вздох облегчения. Внезапно в гуще деревьев вспыхивает пламя – подбит русский танк. Шум боя стихает, артиллерия и пулеметы умолкают. Мы смотрим на подожженный танк, и первая наша мысль: черт, а ведь там тепло, зверски тепло!..

Бой переместился на соседний участок. Мы просто загнипнотизированы огнем, сразу же вспомнилась жарко натопленная плита, глубокое уютное кресло или теплое мягкое ложе и сон в тепле, раздетым и без укусов измучивших нас вшей, когда не надо рядом с собой класть оружие, чтобы в случае опасности дотянуться до него.

26 декабря

Линия фронта истончилась. Ночью получаем приказ дистанцироваться от противника. В южном направлении большевикам удалось внедриться довольно глубоко в нашу линию обороны, создав для нашего правого фланга серьезную угрозу. Накануне вечером красные овладели Дмитриевкой.

Предполагается отвести нашу боевую группу в Троицкое. Одно отделение – наше – остается в качестве боевого охранения. Враг пытается преследовать нас. Весь день не стихает пулеметная пальба. Отделение, сидя в окопах, обороняется от наседающего противника.

Лишь на следующую ночь отделение соединяется с батальоном, по компасу находим путь в этой заснеженной пустыне, после чего занимаем новую позицию вблизи Троицкого – саперы, взорвав кое-где промороженный грунт, обеспечили нас окопами.

27 декабря

Небо в серых тучах, ветер ледяными иголками бьет в лицо. Высоко на деревьях каркают вороны. Сейчас мы в лучшем положении – по крайней мере, можно согреться хоть в ветхих, но все же хатах. Сидим, уставившись в огонь печи. Каждый погружен в свои мысли. У меня в душе непокой – чувствую, как во мне вскипает жуткая жестокость. Когда мои товарищи слепо цепляются за мои пророчества – плохие ли, хорошие ли, – я не должен показывать, что при этом чувствую. Треск дерева тоже возвращает нас к приятным думам. Вспоминается дом.

28 декабря

После интенсивной артиллерийской подготовки утром русские снова атаковали нас. И как атаковали! Эта схватка была безнадежна! На нас надвигалась еще одна масса солдат при поддержке танков, и им удалось едва ли не окружить Троицкое. А к полудню удалось. Подразделение J/JR 214, спешившее к нам на подмогу, почти полностью было разгромлено красными, от него осталось лишь 14 человек, все же пробившихся к нам. (Позже мы обнаружили груды страшно изуродованных трупов.) Несчастные ребята! Их совсем недавно перебросили сюда с Запада, из Биаррица.

Обстановка становится все более и более серьезной. Телеграфируем в Обоянь: «Группа Петерсдорфа окружена, пришлите помощь!» В 19.10 приходит ответ: «Выйти из окружения, следовать на Обоянь!»

Господи, уж лучше пулю в висок, чем получить такой ответ. Неужели все так плохо? Неужели Обоянь тоже под угрозой? Неужели и соседние батальоны отходят? Вот такие вопросы задавали мы друг другу.

Обстрел вроде утих. Похоже, они там запили. Надо же отпраздновать такую победу – ветер доносит их пьяные восторженные вопли.

Вскоре после полуночи нам ценой больших потерь все же удастся выйти из окружения. В 6.00 остатки группы Петерсдорфа прибывают в Обоянь.

Детали этого перехода словами не описать – почти бегом при 35-градусном морозе по снегу чуть ли не до пояса, спасаясь от превосходящего тебя по численности чуть ли не в 10 раз противника!^[32]Только здоровому человеку, да и то не каждому, такое под силу. Что же касается раненых – легко или тяжело, – те так и пропали в снегу. Теперь нам известно, что большинство из них предпочли пустить себе пулю в лоб, но не попадать к врагу.

29 декабря

В Обояни объявлена готовность к обороне. Утром редкое природное явление: солнце восходит трижды. Странно смотреть на это, скорее всего, феномен обусловлен оптическими причинами – дело в мельчайших кристаллах льда в воздухе. Но времени у нас любоваться на это нет: нелегкое это дело – взрывами делать для себя траншеи в окаменевшем мерзлом грунте.

Русские – дело другое. Времени у них полно, поэтому стоят и глазеют на зимнее небо. Многие бросаются на промерзшую землю, причитают и плачут: мол, знак свыше! На город обрушится погибель и разруха! И без них это знаем – через два дня здесь будет решаться: жить нам или умереть. Несколько тысяч русских при сильнейшей танковой поддержке берут город в кольцо почти без сопротивления.

Божье проклятие – дыра в линии обороны шириной в 40 километров! Вот так-то!

30 декабря

Гейнц Штихель вернулся из Германии. Рассказывает массу любопытных историй и вместе с тем поведал нам о страшном голоде на Украине. Они два дня пробыли в Киеве. Там дела обстоят хуже всего. Ежедневно сотнями люди умирают от голода. Везде расставлены противотанковые орудия, чтобы в случае чего пресечь беспорядки. Одна-единственная мерзлая картофелина стоит на черном рынке 45 пфеннигов, а булка хлеба – 25 рейхсмарок! Население города в массовом порядке устремляется из города километров на тридцать и дальше, где подкарауливают запряженные лошадьми сани. Едва заметив лошадь, ее тут же буквально разрубает на куски, а потом поедают. Многие ломиками и топорами пытаются выкопать неубранную картошку. Бог ты мой, наш германский тыл – молись, что у тебя есть карточки на мясо!

В полдень, словно ниоткуда, над нами появляются русские бомбардировщики и, наверное, с час кружат над городом, сбрасывая смертоносный груз. Много домов сожжено. А после бомбардировки сбрасывают тысячи листовок, адресованных местному населению. Текст: «Товарищи! Уходите из Обояни, мы сотрем город с лица земли!»

Ну-ну, за нас-то решать ни к чему. Мы пока здесь.

И все же большая часть населения уходит из города, прихватив лишь ручную кладь. Для нас это не трагедия – в конце концов, есть где разместить своих людей.

Вечером до нас доходит очень дурная весть: большой эшелон войскового подвоза с медикаментами и провиантом атакован и уничтожен в 25 километрах от Яковлева. Это на самом деле тяжелый удар. Участок железной дороги Белгород – Харьков – «дорога жизни» длиной 300 километров. Через нее идет снабжение линии фронта. И если враг вывел ее из строя, это означает следующее: ни боеприпасов, ни сил подкрепления, ни провианта. Ночью поступают приказы сформировать разведгруппы и направить их в район Яковлева.

31 декабря

После сильнейшей ночной бомбардировки, на рассвете, мы уходим из города. Около 9.00 утра добираемся до места атаки. Обломки грузовика все еще дымятся. На улицах и в канавах изуродованные трупы наших товарищей. У одного лейтенанта вспорота грудная клетка и живот – вывалившиеся кишки замерзают в розовом снегу.

Кабина водителя вся забрызгана кровью жертв этого зверского убийства. Снег усеян письмами. Фотографии вдов и осиротевших детей в крови. Я беру и читаю маленькую приписку на поздравительной открытке: «Папа! Это пишем мы, твоя Инга и наша дорогая мама. Я уже выросла, когда ты вернешься домой?» Инга, Инга, никогда твоему отцу уже домой не вернуться. Черт возьми, у меня на глаза невольно наворачиваются слезы.

Покидаем это ужасающее место. Одна разведгруппа под командованием лейтенанта Зимонса следует по правой стороне улицы. Наша группа – 10 бойцов и два пулемета – следует на восток.

После примерно часа марша по глубокому снегу доходим до какой-то убогой деревеньки – следов присутствия русских нет. С пистолетом к груди допрашиваем местных. Вроде русские этой ночью ушли и сейчас разместились в соседней деревне. Численность – около 500 человек. От этой деревни нас отделяют максимум 800 метров, и что еще важнее – овраг. Безумием было бы попытаться со своими людьми преодолеть его. Но я-то понимаю, что иного выхода нет. Только действовать надо предельно осторожно. Подтаскиваем к краю оврага оба пулемета, устанавливаем их и подготавливаем к стрельбе. Я в бинокль изучаю противоположный край оврага. По моему сигналу пулеметы выпускают несколько длинных очередей.

Сначала вроде никакой реакции, но потом русские выбегают из хат, офицеры сыпят проклятиями, орут – в общем, паника, полный хаос. Мои ребята стреляют как надо и даже с приличного расстояния срезают очень многих. Но тут раздается свист уже с другой стороны. Самое время смываться. Два часа спустя мы встречаемся в условленном месте со второй разведгруппой. Выясняется, что у них стычек с врагом не было. Завтра мы точно снова явимся сюда и выкурим иванов отсюда. Мы не знаем как, но знаем, что по-другому просто нельзя.

Полузамерзшие, к вечеру доходим до Обояни. По пути нас атаковали истребители-бипланы. Двое раненых. На нашей зимней квартире пьянка – снабженцы подозрительно расщедрились: ликер, прекрасный французский коньяк «Хенnessи».

И вдруг до нас всех доходит: сегодня же Новый год! Напиваемся так, что наутро мучаемся от похмелья. Ну и черт с ним – может, это похмелье последнее в жизни.

Вообще-то ночь вышла не такой уж и спокойной – не раз и не два наведывались русские бомбардировщики. К утру целые улицы представляли собой груды битого кирпича. Миссия по сравнению города с землей началась.

1 января 1942 г.

ОБОЯНЬ

Получили известие о том, что пути войскового подвоза постоянно атакуются из засад. Враг продвигается по улицам Никольского. С помощью моей разведгруппы убеждаюсь, что в районе селения Пселец (восточнее Обояни) сосредоточены значительные силы противника, с которым мы вступаем в единоборство на линии обороны. Серьезная угроза создалась и для Красниково.

Дивизия получает приказ о начале обороны города. Вот только имеющиеся в нашем распоряжении части малочисленны, кроме того, лишь часть их имеет опыт участия в боевых действиях.

Они собраны из личного состава хозяйственников: мясников, пекарей и так далее. Всего 1000 человек. В полдень появляются русские бомбардировщики. Бомбардировка

продолжается до 5.00 утра следующего дня. Большинство зданий располагает прочными подвальными помещениями и фундаментами, поэтому разрушений не так много.

2 января

Вблизи Дмитриевки боевая группа Баргмана оказывает ожесточенное сопротивление атакующим ее превосходящим силам неприятеля. Здесь, как и везде, каждый боец делает все от него зависящее для обороны Обояни. Если это селение попадет к красным, в линии фронта образуется брешь шириной в не одну сотню километров, а связь с Харьковом и Курском будет потеряна. Мы лишимся и доступа к важной железнодорожной линии. Весьма печально, что у людей Баргмана почти не остается боеприпасов.

Боеприпасами загружено 14 грузовиков. Оборону колонны берем на себя мы с Некамом, естественно, и обе наши с ним группы.

Под Кривцово мы попадаем под атаку крупных танковых сил. Эти 52-тонные машины^[33] давят наши грузовики словно игрушечные, и боеприпасы в кузовах взрываются. Русские танки давят гусеницами упавших раненых бойцов.

Выстрелом из противотанкового ружья с дистанции 10 метров подожжен средний танк^[34]. После этого остальные танки поворачивают к нам, и мы как сумасшедшие несемся метров двадцать, пытаясь уйти от них. Вслед нам стреляют, над головой свистят пули. Вот черт! Бросаюсь в глубокий снег, сильно ударившись головой о пенек. Я весь в крови. Боже! Я задыхаюсь и вообще на пределе сил. Выпучив глаза, продолжаю бежать. Уйти! Убежать как можно дальше! Только бы добежать до того лесочка! Ну а остальные? Куда они подевались? И снова пули визжат прямо у моих ушей. Справа ко мне бегут человек десять красноармейцев. Все! Это конец! И тут мне пришла в голову идея. Пробежав еще с десяток метров под пулями врага, я внезапно останавливаюсь и, резко взмахнув руками и завертевшись на месте, валюсь в снег!

Подбегают русские, один из них ногой пинает меня в грудь и живот, они видят мое окровавленное лицо и обмундирование. Судя по всему, они уже приготовились то ли обшарить мои карманы, то ли снять с меня все, что можно, но вдруг раздается хриплый крик одного из танкистов. Судя по всему, приказ оставить меня в покое – мол, я все равно труп – и следовать дальше. Они оставляют меня в покое, пнув на прощание сапогом по ноге, и убираются прочь.

Черт возьми, жив! Я жив! Спасся! Вот только автомат они у меня утащили. И почему-то пилотку с головы сняли.

Бывает, что простому солдату везет! Меня спасло отсутствие галунов и ленты Железного креста, да и окровавленная физиономия. Я осторожно скатываюсь в канавку в снегу, протянувшуюся до самого леса. Под защитой деревьев я чувствую, что опасность миновала окончательно, и даю волю нервам. Грудь и живот побаливают от ударов красных.

Но, как бы то ни было, вперед! И еще раз вперед! Холод совершенно жуткий, так что больше движения. Быстро стаскиваю носки и обматываю ими голову, чтобы мозги не застудить. Ночь лунная, и окольными путями я добираюсь до Красникова. Небо над Обоянью багрово-красное, ясно слышны разрывы бомб.

Где же остальные? Скольким удалось выжить? Мысли об этом подгоняют меня, и ни о каком отдыхе я не думаю.

3 января

Маршевую группу разбили на подгруппы. Нас с Некамом – на Обоянь, предполагается, туда направилось еще трое – мы только и уцелели. Только сейчас я понял, что меня уже считали покойником. Восемь человек, оказавшихся вчера в том же положении, как и я, с

честью несут титул «покойника». Я, значит, девятый. Я бы этих ребят с удовольствием взял бы с собой в любую разведку и на любое задание вообще.

Снова вражеские бомбардировщики, сейчас начнется.

Дневной приказ генерала, прибывшего к нам вместе со свитой, таков: «Обоянь удерживать до последнего бойца». Генерал с оружием в руках ринулся на передовую: «Хайль Гитлер!» – и солдаты заняли позиции.

Основные пути охраняются от танков и вражеских минеров. Мы расставляем целую линию стрелков и выносим вперед посты боевого охранения. Все они укомплектованы бойцами. Все способные носить оружие при деле.

Поступает первая неприятная новость: всего в 4 километрах юго-западнее города при поддержке танков наступают крупные силы русских. Группа Баргмана отходит с боями в Обоянь. И на севере у полевого поста № 2 слышен гул танковых двигателей и лязг гусениц. С другой позиции докладывают о продвижении русских на грузовиках.

Нервы у защитников города напряжены до предела, на площади в 2 квадратных километра ожидается атака врага. Тут и там тяжелые танки прощупывают местность, но оставаясь за пределами досягаемости огня. К вечеру мы уже полностью окружены.

На часах без нескольких минут 10 вечера. Темнь непроглядная. И тут начинается первая атака. Нас атакуют с двух направлений – с юга и с востока. Атаку с юга попытались отбить, и мало-помалу она перешла в кровопролитный рукопашный бой. На восточном направлении противнику повезло больше, и русские сумели значительно продвинуться. Улицы сотрясают оглушительные взрывы, русские со всех сторон обстреливают город, отовсюду тянутся, пересекаясь, следы трассирующих пуль и снарядов. Танки бьют в упор по жилым домам, на мостовую падают горящие обломки крыш. В воздухе рев, вой и свист, невозможно понять, откуда ведут огонь. Большевики засели в садах на противоположной стороне улицы. «Клуб покойников» продолжает вести разведку. Квартал перекрыт баррикадами, и русские в результате контратаки отброшены.

Но они все равно продолжают атаковать нас с юга и востока.

4 января

Атака русских с юга остановлена буквально вплотную к нашей линии обороны. С расположенных на западе постов охранения докладывают, что враг все ближе и ближе к городу. Глубокий овраг тянется через всю территорию с запада на северо-запад. Этот овраг отделяет сам город от близлежащих сел. Именно в этом овраге находится наш основной источник воды. Весь день там буйствует огонь. Попытки доставить воду заканчиваются плачевно – доставляющие ее гибнут. Но в конце концов завязывается бой, после которого нам становится полегче. Уже ближе к вечеру вражеские танки постепенно берут нас в кольцо. Вооруженные бутылками с зажигательной смесью и канистрами с бензином, занимаем оборонительные позиции. У нас при себе достаточно ручных гранат. Бойцы готовят огнеметы. Бешено паля из орудий, медленно подползают исполинские монстры. Вот они уже в пределах досягаемости огня бойцов выдвинутой вперед дальше остальных позиции. Но этим бойцам приказано пропустить их. Но тут мы убеждаемся, что двигаться дальше русские танки не собираются. Черт бы их побрал!

Вскоре они, укрывшись за каким-то возвышением, начинают обстреливать город оттуда. Бьют без перерыва.

С наступлением сумерек снова разверзся ад. 7,62-мм танковые снаряды дырявят нашу линию обороны. Завыли мины тяжелых минометов.

Сбрасываемые бомбардировщиками 200-кг бомбы дотла разрушают целые городские кварталы. Весь город горит. Потери ужасны. Я вот уже несколько дней и ночей на ногах. Выполняю приказы, хожу в разведку, стреляю из пулеметов, орудий, швыряю гранаты.

Каждый боец совершает немыслимое. Сегодня русские предприняли 25 атак при поддержке танков.

Сегодня уже не раз они пытались проникнуть в город и проникали, но всякий раз отходили в результате наших контратак. Невзирая на дикий холод, на значительные потери, мы железно противостояли врагу. У многих обморожения – у одних рук, у других ног. Ни болезни, ни раны в счет не берутся – мы сражаемся за свои жизни.

5 января

Поступает приказ сжечь всю документацию – личную, штабную, весь картографический материал. Грузовики с багажом и оборудованием подготавливают к подрыву. Натиск русских страшен. К этому следует добавить и острую нехватку боеприпасов и провианта.

Утром тяжелый танк противника [КВ0-1] был подбит из 88-мм зенитного орудия. Проникший в город враг уничтожен. Русские подожгли наш склад продовольствия, снег усеян трупами с зажатыми под мышкой буханками хлеба. В полдень – воздушная тревога. В воздухе гул двигателей, но кто это? Ага – тяжелые бомбардировщики! Наши!!!

Самолеты неторопливо кружат над городом, спускаясь все ниже, три-четыре раза облетают нас на малой высоте. И на город обрушиваются бомбы. На парашютах. При приземлении бомбы раскрываются. Доставка боеприпасов по воздуху!

Русские палят, словно обезумев. В такой мороз кажется, что огонь открывают где-то совсем рядом. Когда мы видим спускающиеся с неба парашюты, с души у нас сваливается камень. Помощь нам! Командование учло нехватку боеприпасов. Кто-то на одном из снарядов написал второпях: «Держитесь! Мы идем!»

Спорить могу на что угодно – продержимся!

Теперь боеприпасы есть. Все не так уж и плохо!

Барометр настроения показывает: «Ясно».

Мы обязаны победить!

6 января

С юга доносится шум сильного боя. Боевая группа Постлера атакует там, что значительно облегчит положение Обояни.

Но сейчас мы пока что этого не ощущаем. Напротив, в северной части города орудует проникший туда целый неприятельский батальон. Бьют из минометов в место намеченного прорыва. На сей раз обстановка серьезно осложняется тем, что упомянутый батальон действует при поддержке танков.

Вечером накал сражения не спадает. Наш квартал пришлось снова забаррикадировать. Вой мин, разрывы, вспышки. Загорается одно из зданий. В отвесах вспышек разрывов короткими перебежками перемещаются русские – прекрасная мишень для пулеметчика. В полночь выкатываем на позиции 20-мм зенитные орудия – они свое дело делают.

После ожесточенного рукопашного боя большевики не выдерживают и отступают.

Следующий эпизод наглядно показывает, с каким противником мы имеем дело: силами нашей группы мы проводим зачистку одного из садов. В окопе обнаруживаем раненого советского офицера. Я кричу ему: «Руки вверх!» А он с улыбкой отвечает: «Нет!»

Брошенная в окоп граната разрывает его на куски.

У кустов живой изгороди того же сада лежит тяжелораненый русский. Осколком снаряда или мины ему оторвало пальцы обеих рук, похоже, и ноги тоже превращены в фарш. Мы всего в пяти шагах от него. Мы хорошо видим его в свете пламени горящего дома. Заметив нас, он молниеносным движением зубами выдергивает кольцо ручной гранаты и лицом прижимается к ней. «Ложись!» – только и успел скомандовать я. И тут же граната взрывается. Наш Фогель, он вообще-то парень медлительный, лечь не успел. Ну и получил с десяток

осколков (примерно час спустя он скончался). За ночь из штаба дивизии поступила масса добрых вестей о минувшем дне: передовые подразделения батальона 217-го пехотного полка находятся в 8 километрах южнее Обояни. Патруль тут же связался с ними. На сей раз «покойников» от миссии решили освободить. За ранние утренние часы эти бравые ребята все же вырвались из окружения.

Самое время им появиться у нас – наши потери уже один к трем.

7 января

Диверсионная группа противника продвигается к центру города. Тут у полевой почты мы их и атаковали. Лежа за мешками с корреспонденцией – из них мы наскоро соорудили баррикаду, – мы открыли по ним бешеный огонь, потом добавляем парочку ручных гранат, и тут я наблюдаю картину, которую мне не забыть до конца жизни: на балконе стоит наш седоволосый генерал Нойлинг. Наплевав на пули, он спокойно разряжает автомат в наступающих русских.

И вдруг – неожиданно и для нас, и для противника – какое-то непонятное шипение, потом треск, и из подвального окошка на улицу вырывается струя пламени! Огнемёт!

Воздействие просто неопишное. Почерневшие, обгоревшие до неузнаваемости трупы, неподвижно лежащие на мостовой. Диверсионная группа противника уничтожена в полном составе.

Чуть позже сильная атака русских при поддержке танков в северо-западной части города. Отправляемся туда. «Ура! – кричат наступающие русские. – Ура-а-а!»

За считанные секунды наша оборонительная позиция (колхозное поле) превращена в груды мусора. Славно поработали русские минометчики. Половина наших либо ранены, либо убиты. Наша противотанковая пушка в упор бьет по 52-тонному танку. А ему хоть бы что! Ни один из снарядов не в состоянии пробить эту толстенную броню. Нас охватывает чувство, близкое к отчаянию, – офицер Норд погиб, еще двое ранены. Мы запрашиваем подкрепление, но оно к нам не может пробиться – бои везде в городе, и в восточной, и в западной его части.

В конце концов, по прошествии тридцати совершенно ужасных минут, прибывает наш танк вместе со штурмовым орудием. Штурмовое орудие все-таки подбивает этого монстра. Мы переходим в контратаку, и... О, чудо! Русские спасаются бегством.

К концу дня можно и присесть передохнуть. Наши саперы поработали на славу – невзирая на сильнейшие обстрелы, они все же понатыкали мин везде, где только можно.

Ну и денек выдался! Хочется думать, что подобное не скоро повторится. Наши сегодняшние потери – чудовищно высоки!

В течение ночи сильные авианалеты, самолеты накатывались волнами. Кроме того, не стихал и минометный огонь. Было и несколько атак русских пехотинцев. И все же эта ночь выдалась куда спокойнее предыдущих. Ее можно даже считать тихой. Мы все усматриваем в этом нечто дьявольское. Огромный церковный купол расположенной на севере города церкви – очень красивое здание, кстати – подвергся обстрелу и загорелся, а потом и вовсе рухнул. Вообще в северной части столько пожаров, что и ночью там светло как днем. Для пилотов русских бомбардировщиков это сплошное везение – всё и все на виду. Бомбят наши траншеи, как хотят. Из-за этого огромные потери.

Но и мы в долгу не остаемся – самолеты тоже для нас как на ладони – прекрасные мишени. И у нас пока что есть 20-мм зенитки. В результате один из бомбардировщиков подбит и, объятый пламенем, падает на поле за городом. Все мы ликуем.

8 января

На направлении Стрелецкого (севернее Обояни) – полное затишье. Ни единого выстрела. Видимо, черед непрерывных атак утомила не только нас, но и противника. Видимо, решили

отоспаться. Их дело, в конце концов, не мы определяем график атак, а они. Может, наскребают силы для контратаки? Кто знает? Но выяснить это необходимо. Высылаем разведчиков. Очень осторожно бойцы продвигаются к селению. В селе Стрелецкое тишина и спокойствие, несколько постов боевого охранения стоят промерзшие и в полудреме. Нас они, во всяком случае, не заметили, и к 5.00 возвращаемся в Обоянь. Поспешно формируем диверсионную группу с двумя противотанковыми орудиями и даже штурмовым орудием.

В 5.30 пробираемся в Стрелецкое. Фактор внезапности сработал на 100 процентов – русские крепко спят. Кое-кому даже не удается и проснуться. Обстреливаем их из всех видов оружия. Весь этот кошмар занимает не более получаса. Стрелецкое выгорает дотла – в каждой хате было по 20–30 человек русских (позже выяснилось, что в результате нашего рейда в Стрелецкое враг недосчитался 360 человек).

Вот так-то, азиатский сброд, небось на подобное и не рассчитывали?

В 7.00 вновь занимаем позиции для обороны. На город падают минометные мины, по улицам хлестают пулеметные очереди, одним словом, обычная рутина.

В полдень еще одно пополнение боеприпасов и провианта.

А в остальном – ничего необычного. Все очень спокойно, что настораживает. В 15.00 начинается отчаянная стрельба.

Теперь все становится на места – русские затеяли контратаку!

Одновременно с этим поступает приказ из нашего штаба: завтра утром в 9.00 предпринять контратакующий маневр. Боевая группа Достлера наступает с юга, силы русских в кратчайшие сроки будут зажаты между двумя нашими группировками, если сегодня ночью не овладеют Обоянью.

Сегодня ночью решается наша судьба.

В 20.00 начинается штурм города сосредоточенными силами.

В других местах противник смог прорваться. В кровопролитных рукопашных схватках он разбит, потом снова пытается прорваться, но уже на других участках, проникает в полевой госпиталь и зверски расправляется с ранеными. С необузданной яростью мы отбрасываем его, уже не владея собой, стреляем, орудуем штыками, как безумцы. В одном из отделений госпиталя завязывается жестокая схватка. У русских иссякли запасы ручных гранат, и эти азиаты охаживают нас чем придется, но мы ружейными прикладами прижимаем их к окнам, а потом выбрасываем на двор. Вид у меня самого ужасный: руки в крови, обмундирование изодрано, забрызгано кровью, грязью и мозгами. Через внешнюю стену с ревом и грохотом проламывается танк. Здоровенный, с кулак, осколок сносит полчерепа моему товарищу. А у меня – ни царапины! Заговоренный я, что ли?

К утру бой перемещается в городские кварталы. С наступлением рассвета атака, в конце концов, отбита.

9 января

Натиск боевой группы Достлера с юга на открытый фланг неприятеля оказался весьма результативным.

Около 10.00 утра враг пытается организовать прорыв на север, но мы нашими штурмовыми орудиями пресекаем эту попытку – противник с потерями отброшен.

Если не считать интенсивных перестрелок, день в целом проходит спокойно. Наконец мы вместе с пехотинцами готовим контратаку. Примерно в 21.00 наша разведка докладывает об отступлении противника в северо-западном направлении, оставив арьергард. Враг вынужден отступить под нашим натиском.

10 января

Есть соединение с боевой группой Достлера. Отступающий враг практически разгромлен – оставшиеся его части и подразделения отхлынули на восток.

11 января

Малочисленная, но бесстрашная боевая группа защитников Обояни предпринимает осмотр центральной части города. Ни одного целого здания. Генерал, за день до описываемых событий удостоенный Рыцарского креста, выражает благодарность личному составу. Он зачитывает благодарственную телеграмму от фюрера, что переполняет нас гордостью (лишь один раз за всю войну фюрер направил подобную телеграмму – генералу Дитлю под Нарвик).

У нас не укладывается в голове: Обоянь снова освобождена, восстановлена связь с тыловыми районами в Курске и Харькове. Теперь у нас есть что поесть и где поспать. Невообразимо тяжкие дни битв при сильном морозе позади. И мы понимаем, что многим обязаны нашим погибшим товарищам. Они отдали свои жизни не напрасно!

Численность наших потерь:

Убитыми – 195 человек

Пропавшими без вести – 18 человек

Ранеными – 327 человек, 65 из них – тяжело.

540 наших бойцов пролили кровь, 540 из всего 1130 защитников города.

Думаю, цифры сильнее слов.

Планы русских и их значительно превосходящие наши силы продемонстрировал один приказ, изъятый у захваченного в плен лейтенанта Красной армии. В этом приказе указывается на широкомасштабные атаки 8 и 9 января:

«О[боянь] должна быть взята при любых обстоятельствах в ночь с 8 на 9 января. В нашем распоряжении – 16 батальонов (из расчета 500 человек на батальон, то есть мы располагаем 8000 солдат и офицеров) плюс тяжелые вооружения. Предпринять атаку О. с 17.00 до 20.30 всеми имеющимися средствами артиллерии и танков. В 20.30 батальону Потовка прорвать аванпост немцев на севере, а также с боем прорвать внешнюю линию фортификаций города и клином внедриться в южную его часть. После успешного соединения с нашими южными силами овладеть городом согласно плана.

В целях воспрепятствования отходу неприятельских сил из Обояни, батальоны Самонева, Тимашко и Лашвиркова блокируют подступы с северо-запада и востока, а дополнительный полк будет отвечать за южное направление (Омск).

2-му и 3-му батальонам «Максим Горький» продвигаться с севера на северо-восток для установления связи с действующими на юге силами. Еще раз обращаю внимание на распоряжение от 17 декабря 1941 года. Это особое распоряжение Сталина, доведенное до нашего сведения 7 января, содержит и такие слова: «В будущем я желаю видеть немцев только мертвыми!»

Но эти кошмарные дни позади, и большевикам не удалось угодить своему хозяину.

12 января

Спать, спать и еще раз – спать!

13 января

Под командованием полковника Хакле формируется сильная, мобильная, опытная диверсионная группа. На многих участках восточнее Обояни продолжаются ожесточенные бои.

1 января русским удалось в одиннадцатом часу утра провести два полка через брешь у Ржавы – силы подкрепления для сражающихся. Нам пришлось бы туго, наступай они более быстрыми темпами. Два полка присоединились к отступавшим, заставив их продолжить бой у Верхнего Дунайца (около 56 километров северо-восточнее Обояни).

14 января

Ускоренным маршем наша группа переброшена туда. Бои и холода последних недель измотали нас ужасно. Мои бойцы – кожа да кости, а «покойников» и впрямь не отличишь от таковых. С раннего утра мы пробираемся через этот окаянный снег. В снегопад и вот уже несколько часов. Ветер продувает наши шинельки и вообще все, что мы на себя напялили. Мороз пробирает до костей, от него кровь стынет, мы ощущаем его каждым нервом. Ориентируемся мы лишь по придорожным столбам. Темнеет. Ночи здесь бесконечно долгие, морозные, ветреные. Совсем как в тундре. Расстояния огромны. А звезды спокойно и бесстрастно взирают на наши муки. При минус 40 градусах наше оружие выделяет фокусы. Всем нам без исключения не раз приходилось испытывать в эту зиму чувство безраздельного отчаяния от осознания того, что ты на пределе сил!

После непродолжительного отдыха в какой-то хатенке (спать было запрещено, хотя мы устали как собаки), продолжаем путь. К началу дня добираемся до Верхнего Дунайца.

15 января

Враг засел прямо перед нами в хуторе Заикин и в селении Толстоплотава. Наши пехотинцы, к которым мы присоединяемся, вводят нас в курс дела относительно русских. Речь идет о новых силах, прибывших с Дальнего Востока Советского Союза. Большевицкое руководство считает, что введение в бой резервов этой зимой позволит им переломить ход войны в свою пользу.

Вчера наши пехотинцы овладели Верхним Дунайцем. Развалины до сих пор дымятся. Противник дерется фанатично. Русские не выходят из окопов даже тогда, когда любое сопротивление бесполезно. Возможно, они рассчитывают проскочить незаметно. Но напрасно – наши глаза успели привыкнуть к снегу.

Под покровом ночи Советы силой до батальона приближаются к нашим позициям. Их действия совершенно непостижимы. Наши посты боевого охранения тут же обнаруживают их и с дистанции в сотню метров превращают в груды мяса огнем из пулеметов и другого оружия. Все они вскоре жуткой грудой лежат там, где смерть настигла их в минуту наступления или отхода.

Мы продвигаемся вперед к Заикину и Толстоплотава. Вид у этих деревень после нашей атаки такой, как и бывает после боя. Трупы и ничего, кроме них. Пробившиеся силы Советов несут совершенно несоизмеримые потери. И громадные цифры потерь быстро разубеждают даже самых легковерных в том, что наши бои здесь, на Восточном фронте, – развлечение, не более того. Напротив, истинный портрет врага таков: он силен, упорен и безжалостен.

Нет слов описать пережитое нами в ходе этих оборонительных боев бок о бок с нашими бесстрашными пехотинцами.

16 января

Земля покрыта толстым слоем снега, каждый наш шаг – акт борьбы со стихией. От страшного холода буквально отнимаются конечности, а пальцы при случайном прикосновении прилипают к металлу.

На подходах к расположенной прямо перед нами Кочегуровке что-то горит. Эту деревню необходимо взять еще сегодня. Красные крепко держат оборону, и для некоторых из нас это час испытаний. В сгоревшей дотла деревне не осталось ни одной хаты, так что и переночевать негде. Где спать? Улечься рядом с дымящимися бревнами? В окопе под открытым небом? В снегу? У чудом сохранившегося от огня уголка хаты? Но мы отлично понимаем, что именно здесь и придется провести предстоящую ночь, ибо идти просто некуда. И нам придется позабыть и о невыносимом холоде, и об усталости. Разве за нами едут грузовики с провиантом и боеприпасами? Или мы имеем возможность стать здесь лагерем? Или у нас не урчит в животе от голода? Разве не ждет нас утренний подъем, когда ты не в силах пошевелить и пальцем, когда глоток теплого – теплого, не горячего – чая кажется тебе раем? И это при условии, что русские не бросятся в атаку на тебя! Потому что, если бросятся, то ни о каком войсковом подвозе и мечтать нечего! Ну, можно, конечно, замахнуться на НЗ, на сухой паек, попытаться оттаять окаменевшее консервированное мясо.

17 января

Приказ велит отправляться в Екатериновку охранять батарею в Ржаве. С юга два полка, рассчитывающие на боевую группу Достлера, направляются к 40-километровой брешу. Но и русские тоже не дураки, сумели подтянуть солидные силы. Завязывается ожесточенный бой, исход которого имеет решающее значение для Харькова и Курска. Наши танки следуют за нами, и тут на подмогу и весьма кстати прибывают наши пикирующие бомбардировщики. Ценой страшных, невероятных усилий нашим полкам все-таки удается отеснить русских на восток.

Мы минуем территорию, где недавно гремел бой. Усеянное сотнями трупов заснеженное поле у деревни. Хоронить их негде и некому. Да и как отрыть два метра могилы в окаменевшей промерзшей земле? А кто будет подбирать это огромное число трупов русских? Нам бы для своих погибших товарищей несколько ям вырыть. Сначала взрыв, потом крест, кулаками вбитый прямо в снег, ну и мы, молчаливые свидетели того, как еще кто-то из наших отдал жизнь в этой нескончаемой битве на Востоке.

И победные сражения по-прежнему неистовствуют, а резервы Советов истекают кровью. Мы понимаем, что отпор им далеко не везде на фронте столь ожесточенный, как на этом участке, где русские всеми силами стремятся пробить наш фронт. Мы находимся в фокусе Восточного фронта. Но мы понимаем и то, что здесь, в этой точке, Советам решительной победы не добиться.

18 января

На дороге минус 40 градусов, полтора метра снег и бушует снежный буран.

19 января

К вечеру мы в Екатериновке. Мы промерзли до костей, поэтому сразу же встаем постоем. Постой в деревне – звучит довольно мило. Керосиновая лампа, потрескивание поленьев в печи, хорошая постель, согревающая выпивка, яичница с беконом. Эх, Франция, ну почему ты так далека?! А реальность такова: едва распахиваешь дверь, как сразу пригибаешься,

потому что, если не пригнешься, тут же башкой ударишься о притолоку. Если тебе повезет и тебе будет где переночевать, ты задохнешься от этой вони, от мычания коровы, расположившейся тут же, в нескольких метрах от тебя, мечтательно пожевывая сено.

Боже, если бы в этой хате обитали только перечисленные существа! Лучина (или свеча) гаснет, и в наступившей темноте слышатся шорохи – вылезают и другие обитатели. В эту ночь мышь прогрызла у меня в кармане шинели дыру размером с кулак, пока я спал. Дело в том, что в кармане у меня оставались какие-то крохи печенья – жалкие остатки моего рациона. Тем не менее благодарен фортуне за предоставленный ею ночлег в тепле.

В прифронтовых деревнях, где размещены наши силы боевого охранения, картина совершенно иная. Там нужда взирает на тебя из каждого угла хаты, там ты нигде не увидишь ни соломинки, ты расстилаешь шинельку на скрипучем и холодном как лед полу или же устраиваешься на большом толстом дощатом столе. Но вот мыши и крысы совершенно непринужденно бегают по хате, никого и ничего не боясь. В светлое время суток ты палкой приканчиваешь с десятков их, а если повезет, то и два десятка. Впрочем, это не столь важно. Днем ты видишь и вшей во всей их красе, они садятся на тебя, и нет средства избавиться от них. К тому же здесь, вблизи фронта, ты должен быть всегда готов к тому, что на тебя вдруг обрушится огонь противника, внезапная атака русских посреди ночи или же в село прибредет вражеский разведпатруль.

20 января

Всю вторую половину дня готовимся к отбытию. Завтра утром возвращаемся в Обоянь, где нас ждут новые задания.

Используем часы относительного покоя, чтобы написать письма домой. Кто знает, когда эти строки прочтут наши родные и близкие дома? Снегопадом засыпаны буквально все дороги, они непроезжие почти для всех транспортных средств.

Ночью в боевом охранении. С холодного неба смотрят миллиарды звезд. Время от времени пронесется падающая звезда. Ну так загадай заветное желание, солдатик! Если, конечно, эти детские привычки не умерли в тебе. Со скоростью света в мозгу проносится желание получить отпуск. Но я понимаю, что все это фантазии. Нынешние падающие звезды желаний уже не исполняют. Война лишила их даже этого.

Где-то вдали в небе вижу вспышку. Такое часто бывает. А еще несколько секунд спустя доносится и гром артиллерии. Там наши товарищи сражаются с противником – наверное, в эту секунду кто-то из них вжимается лицом в снег, пытаясь уберечь себя от воющих осколков снарядов. А может, как раз все поднимаются, готовясь идти в атаку на врага.

21 января

Отбытие в Обоянь. В сильнейший снегопад!

22 января

Предполагалось, что нам предоставят двухдневный отдых, потому что с 24 января нас посылают на позиции с лейтенантом Хегнером в Ворошилово.

В эти дни дел особенно нет. Проверяем оружие и снаряжение и спим. Когда 23-го числа доставляют почту, все скачут от радости. Ночью не заснешь, потому что бомбы летят на город до самого утра.

24 января

По пути в Ворошилово атаки русской авиации – истребителей и бомбардировщиков. На ночь останавливаемся в совершенно задрипанной деревеньке. До смерти уставшие и промерзшие до костей, заворачиваемся в одеяла и ложимся спать.

Спать! Спать! Из состояния полудремы вырывает прибывшая телеграмма. Боже мой! Неужели мы не имеем права хоть чуточку перевести дух?!

Многочисленные силы врага поставили под угрозу район вокруг Ворошилово. Вечером выступаем. И снова в этот холодище! Бои, бои, одни только бои. А на что еще нам, солдатам, собственно, рассчитывать?

Слава богу, дорога хоть в порядке, почти без сугробов. Саперные подразделения сумели привести ее в порядок для конвоев войскового подвоза. Эти мужественные ребята совершили воистину невозможное. Мы никогда не забудем этих тихих, надежных помощников и следопытов в самом прямом смысле этого слова.

Несмотря на полнолуние, мы все равно плохо различаем окружение. Множество темных пятен вдоль дороги – что это? То ли кучи песка, доставленные сюда саперами, то ли околевшие лошади? И не разберешь!

Впрочем, по сторонам особо не смотришь – слишком много мыслей. Да на околевших лошадей бы досыта нагляделись, слава богу, хоть на замерзших, которых рвут на части вороны, которых великое множество вдоль военных дорог Восточного фронта.

Вглядываемся в горизонт, где за огромным заснеженным полем у леса и покрытой льдом речки заметны вспышки выстрелов вражеской артиллерии, да и нашей тоже. Этот артогонь, словно маяк, указывает нам путь – именно туда-то мы безмолвно следуем.

«До Ворошилово – 5 километров! Знаем, знаем, что такое 5 километров. До Ворошилово и все десять будут. Вводит нас в заблуждение относительно расстояний – козырной прием этих маршей. Вслушиваемся в выстрелы, они гремят один за другим, иногда громче, иногда тише, и еще внимательнее вслушиваемся в то, что у нас на душе.

Мы следуем по лесистой местности. Много бы мы отдали сейчас, чтоб оказаться в наших траншеях и окопах! И не только из-за 35-градусных [15–20-градусных] морозов. Скорее, потому, что если ты в траншее, то знаешь, что твой враг прямо перед тобой. А здесь, на дороге, он может быть где угодно. Повсюду. Он может залечь в вырытых в снегу окопах, в кустах и подкарауливать нас.

25 января

Ворошилово – кучи обломков, прорезанные убогой системой траншей, – это и есть наши новые позиции. Ежедневные артобстрелы не дают снегу залеживаться. Как рассказали нам наши товарищи, это место можно считать «линией фронта», потому что вечно здесь что-то горит, зато около огня можно хоть иногда погреться. Если не считать артобстрелов, ничего особенного сегодня здесь не происходило. На той стороне, впрочем как и здесь, солдаты отдыхают после вчерашнего крупного наступления.

26 января

Во второй половине дня инцидент, не особо важный, но тем не менее беспокоящий. Группа русских подобралась к нашим позициям чуть ли не вплотную, мы их заметили только тогда, когда в нас полетели ручные гранаты, а потом они удрали, и мы не успели ни увидеть их, ни открыть по ним огонь. Уже совсем вдали мы разглядели несколько фигурок в полушубках, но они быстро потерялись в снегу. Так что ничего не поделаешь. Дали очередь из пулемета, да толку никакого – только фонтанчики снега поднимались, искрясь в солнечном свете, но группы русских уже и след простыл – убрались в мертвую зону.

У фронтового солдата со временем вырабатывается шестое чувство, и оно подсказывает нам, что скоро здесь разразится самый настоящий ад. На соседнем участке рядом с саперами, обороняющими позиции у дороги, бойцы уже не скрывают обеспокоенности. И как раз, когда к нам привозят вечерний суп, начинает молотить пулемет. Суп мы, конечно, едим, но и не расслабляемся.

Зенитные орудия первыми открывают огонь начинающегося боя. И вскоре после них, когда подают голос винтовки пехотинцев, первый возвратившийся пост наблюдателей сообщает нам такое, что мы побросали ложки, схватили оружие, напялили каски и поспешили на пост боевого охранения, напряженно всматриваясь во тьму. А пока артиллерийские залпы подтвердили то, что фронт нам готовит сюрприз.

Тяжелые снаряды проносятся по воздуху и разрываются у траншей противника. Когда мы выбегаем на дорогу, слева от нее вовсю гремит и грохочет – зенитные орудия, занявшие здесь позиции, осыпают врага снарядами.

Теперь понятно всем и каждому. А поскольку прорыв при поддержке тяжелых танков, пусть даже не такой уж и глубокий, но все же касается и всех нас, отсюда такая спешка и недоеденный суп.

Роте ни к чему ждать особого приглашения. Она должна сама начинать действовать!

Но как это так – наши задеревенелые пальцы не в состоянии нажать на курок в решающий момент? Даже пулеметы и те, наверное, удивляются: как же это никто их не задействует? Черт! Разве такое возможно? Эти солдаты все в нашей форме, ротами устремляются через траншеи, призывно махая руками. И на головах у них наши немецкие каски.

Может такое быть? Может, мы стали жертвой каких-нибудь ночных привидений? Но все мы наготове и не спим. А подполковник, тот, который командует пехотинцами, выскакивает из траншеи:

– Стой! Пароль! Из какого полка?

А мы пока дрожащими пальцами подкручиваем наши прицелы. 200–150–100. Но никто из них не отвечает, и солдаты устремляются на нас. И тут командир, спрыгнув обратно в траншею, побелевшими губами отдает приказ открыть огонь.

Мы негнушимися пальцами стреляем, и в одну секунду вдруг до нас доходит: все эти выкрики и команды нападающих вдруг кажутся нам неразборчивыми, странными. Это не немецкие пехотинцы, не немецкие солдаты – никто из немецких пехотинцев так не скачет. И сплоченный оборонительный огонь встречает нападающих. Нас не собьют с толку ни цвет шинелей, ни наличие немецких касок. Ведем огонь с особой ожесточенностью.

Тем временем за той, первой волной атакующих, что в немецкой форме, по заснеженному полю накатывается следующая, уже в красноармейской.

На нас сотнями устремляются красные, сначала они бегут вплотную друг к другу, потом разбегаются и падают, сраженные нашими пулями. Их столько, что это уже даже не роты и не батальоны. Это полки! Не знаю, сколько мы еще сможем их удерживать. Боеприпасов-то у нас хватает. А вот что будет, когда гранаты кончатся? Но – не забивай голову дурными мыслями, спокойствие прежде всего. И выдержка.

Бой затягивается на всю ночь. Кажется, у русских просто неисчерпаемые резервы. Только утром прибывает подкрепление, а с ним чувство уверенности. Прибывает рота пехотинцев. Невзирая на изнурительный марш, они тут же занимают позиции на нашей истончившейся линии обороны.

27 января

Интенсивная активность разведгрупп и у нас, и у русских. Красные готовят новую атаку. Серьезные потери в результате атак идущих на брешю русских истребителей и бомбардировщиков.

Во второй половине дня прибывает еще подкрепление: пехота и 20-мм зенитная установка.

28 января

После ночных атак, достаточно ожесточенных, наступает затишье. Красные, скорее всего, понесли серьезные потери – у наших позиций груды трупов. Из наших 88-мм зенитных орудий подбито три танка, один тяжелый.

Возвращаются разведчики и докладывают, что вражеские танки вместе с пехотными частями отступают на северо-восточном направлении. Контратака намечена на ночь. Одновременно с этим получаем приказ следовать на другой участок. Плохо! Всегда так – стоишь опасности миновать, как мы больше не нужны! Та же история!

Я спрашиваю, что за огонь вести сегодня.

– Все равно какой!

30 января

Никогда раньше я не понимал необозримости пространств России до тех пор, пока не увидел покрытых толстым слоем снега полей и лесов. Впервые за долгое время нет этого ледяного ветра и снегопадов. И впервые нашим взорам предстает безграничность пространств России. До самого горизонта глазу не за что зацепиться.

У русских полно тайных укрытий. Здесь, справа от небольшой деревни, скрытая от глаза, и проходит линия обороны врага. Здесь, в верховьях реки Северский Донец, располагается Грязное^[35] – маленькое, неопишное село, за которое мы сражались несколько недель. Большевики почти взяли его, но в решающий момент воля и стойкость германского солдата обеспечили победу нам.

Но теперь здесь тишь и благодать. На сей раз мы здесь не в роли «пожарной команды». Средней интенсивности артобстрелы, редкие авианалеты, иногда ночные атаки – только и всего! И слава богу, потому что все последние несколько недель здесь черт знает что творилось.

Как и везде на бесчисленных участках протянувшегося на тысячи километров Восточного фронта, и здесь немецкая оккупационная армия ведет каждодневные бои. Деревня, представляющая собой унылые хатенки, – наша «крепость», которую мы обороняем вместе с ротой пехотинцев.

1 февраля

Прошлой ночью пришлось отражать в особенности свирепую атаку красных. Имела место даже совершенно озверевшая рукопашная схватка, и двое моих хороших друзей погибли.

Командир группы пехотинцев, ветеран Первой мировой и старый боец Восточного фронта, рассказывал нам о временах минувших. Эта война куда более бесчеловечная, чем двадцать пять лет назад, поскольку теперь нам противостоит куда более фанатичный противник.

Никто просто так не сдается, обе стороны сражаются до последней пули. Но самое главное для нас сейчас здесь – победить! Победить, невзирая на необъятность пространства, на чувство заброшенности, благодаря вере в свои силы – именно она, и только она дарует надежду на победу. Вряд ли есть смысл рассчитывать на поддержку соседей. Мы владеем лишь селами, а разделяющие их поля, где еженощно и ежедневно кипят ожесточенные бои, – ничейная территория.

Сейчас не существует четко определенной позиционной системы, такой, как в годы Первой мировой, потому что земля ко времени немецкого наступления окаменела от морозов.

Вследствие отсутствия непрерывной линии фронта для врага становится возможным обойти отдельные позиции и атаковать нас с тыла и на флангах. К этому следует добавить и сложность территории, пересеченной многочисленными оврагами и балками, дающие неоспоримые преимущества атакующим.

Все это требует от нас предельного нервного напряжения – что ни ночь, мы сталкиваемся с атаками из засады. Часто, в том числе и здесь, в Грязном, мы вынуждены отказываться от использования колючей проволоки в силу разбросанности деревень. Нельзя пытаться любой ценой захватить ту или иную хату, в особенности ценой ее полного разрушения, – именно эти жалкие хаты и служат нам пристанищем, убежищем от жестоких морозов. Именно поэтому их и снабжают специальными амбразурами с боков на случай внезапного проникновения врага в село.

3 февраля

Двое суток безмятежного затишья кончились. Сейчас уже нередки и взрывы ручных гранат, и пулеметные очереди, и вой мин. Правда, недолго. Позиция здесь очень неплоха, в этом Грязном вполне можно пробыть и месяц, и даже больше.

Все это было бы, конечно, очень неплохо, но не получается. Во второй половине дня прибывает замена. С приказом следующего содержания: «Подразделению охраны покинуть Грязное. Лейтенанту Хегнеру 5 февраля доложить о направлении в Яковлево».

Вот дьявольщина! [299-й противотанковый батальон] снова в роли повивальной бабки! Наше обмундирование упаковано, выступаем завтра ранним утром.

4 февраля

Изнурительный марш. На дороге стычка с партизанами. Поскольку мы солдатики со стажем, а не какие-нибудь снабженцы или желторотое пополнение, мы быстро с ними разделяемся. Ближайшая деревня горит ярким пламенем – можно погреться у огня.

5 февраля

К полудню прибываем в Яковлево. За несколько часов до этого здесь очень недурно поработала русская авиация. Все здесь продолжает гореть. Слава богу, уцелели склады продовольствия и боеприпасов. Лейтенант Хегнер доставляет новые приказы: немедленно следовать маршем и занять позиции вблизи Лучков. Вы ничего странного не заметили? Занять позиции НОЧЬЮ! Вот это да!

Веду горстку измотанных ребят в Лучки. Лица их серьезны. Чему удивляться? Они же тоже слышат звуки боя с запада. Это и есть Лучки.

6 февраля

Все шло хорошо, даже без потерь, мы расселись по окопам и траншеям. Присели с моей группой в подвале для хранения картофеля. Наверху погромыхивают разрывы, иногда чуть ближе, иногда чуть дальше. Снаряды разных калибров перепыхивают твердую мерзлую землю, пласты земли размером с тарелку взлетают на несколько метров вверх. Ветераны Лучков очень хорошо понимают, что значит этот безумный концерт.

Чуть позже массы русских снова бросятся в атаку и, как это часто происходит в последние дни, снова откатятся назад под нашим оборонительным огнем. День за днем, ночь за ночью нас атакуют красные. Сильнейший огонь артиллерии сосредоточен на участке между Харьковом и Курском – идеальной точке прорыва к нашей линии войскового подвоза. Только здесь возможно начать запланированный бросок на Харьков.

Овладение этой высотой вдоль развалин Лучков – решающая операция по захвату прохода к дороге Белгород-Харьков и на Курск. Крови пролито за эту высоту немерено, и будет пролито еще больше!

7 февраля

Вот уже несколько часов земля сотрясается от страшного обстрела русских. Эскадрильи их бомбардировщиков «Мартин» [СБ] сбрасывают и сбрасывают смертоносный груз на то, что осталось от Лучков. После двух разрушительных ночных атак и трех не менее разрушительных утренних мы ожидаем четвертую волну.

К 13 часам позиция «В» на западе насчитала до 1600 разрывов разнокалиберных снарядов на высоте. Прямое попадание в штаб – все штабисты заживо похоронены под обломками. Прямое попадание и в артиллерию Вессендорфа. Труп Клеммера извлекли из-под развалин.

Вечером выдержали четвертую по счету атаку. Минометным огнем разрушено наше укрытие. Там хранились запасы горючего на случай прорыва русских танков, естественно, они воспламенились. Погибла часть имущества – один бедняга солдатик в 35-градусный мороз остался без одеяла, которым укутывался, без фляжки и без котелка. «Держись, ребятки! Только это нам остается!»

Будь проклят этот ад!

8–14 февраля

За этот период дня (и ночи) не было, чтобы русские 3–4 раза в сутки не атаковали нас. Раз за разом нам удавалось спастись в нашем жалком укрытии от ураганного огня их артиллерии. Мы все страшимся этого жуткого натиска армий большевиков, но атаки их пехотинцев-фанатиков нас не так пугают – в основном это плохо обученные солдаты, во весь рост идущие на наши позиции и гибнущие от наших пуль.

Вот если подобная атака осуществляется при поддержке тяжелых танков, это уже страшно и опасно. Плюс артобстрел и обстрел из танковых орудий. Против этих монстров мы просто-напросто бессильны. Наши противотанковые снаряды не берут их броню, просто отскакивают от нее. Эти танки совершенно спокойно, сминая все, преодолевают наши позиции. На броне, как правило, человек 10-12 солдат, карманы их набиты нашей «шококолой», а в руках ручные гранаты, которыми они забрасывают нашу линию обороны. Вначале мы эту шпану всерьез не принимали, но позже пришлось сойтись с ними в рукопашную. Физически сильные, гибкие, как кошки, верткие, жилистые – у них в каждом полку по роте таких, – рота носит название «Пролетарская молодая гвардия».

Не берусь даже описывать рукопашные схватки с этими детьми. Никто, кто своими глазами не наблюдал или не участвовал в них, просто не поймет и не поверит. Взрослые мужчины, отцы сыновей, ровесников своих противников, ведут кровавый бой с детьми! Нет, эти сцены уже не забыть никогда!

Параллельно северной оборонительной линии протянулась балка, обстреливать которую почти невозможно. Разве что с великим трудом. Это излюбленное место развертывания сил красноармейцев перед очередной атакой.

Несколько минут спустя белые массы поднимаются из балки и, побуждаемые своими политкомиссарами, сотнями устремляются на нас прямо под огонь наших пулеметов. Пленные и перебежчики рассказывают потом о тяжелейших потерях русских.

Мы не испытываем страха перед этой толпой, которая бросается на нас в атаку. Вот только бы закончился этот артиллерийский обстрел, который превращает наши позиции в ничто. Вот только если бы у нас было оружие, которое позволило бы нам поставить точку в смертельной игре, которую их танкисты ведут с нами.

12 февраля две оставшиеся у нас противотанковые пушки переехала 52-тонная машина. При поддержке многочисленных самолетов красные попытались организовать мощную атаку на нас. Сутки не прекращался бой за высоту и позиции на ней. Наши потери исключительно высоки – в среднем численность рот составляет чуть больше 30 человек в каждой!^[36]

Мало-помалу в души солдат закрадывается отчаяние. Мы, командиры групп, вынуждены предпринимать все возможное, чтобы обеспечить готовность и способность бойцов держать оборону. Поверьте, непростая задача! Наши призывы уже становятся неубедительными, ибо мы сами постепенно теряем веру в то, что сумеем выбраться отсюда живыми. Братская могила Лучков!

15 февраля

Одновременно с началом 12 февраля масштабного наступления русских три большевистские танковые дивизии южнее Харькова пробили брешь в линии обороны 40 километров в ширину и 70 километров в глубину^[37]. И в это время Гудериан (именно!)^[38] проводит контратаку. Но мы понимаем и то, что обе попытки прорыва здесь и в районе Харькова напрямую связаны друг с другом и являются частью грандиозного плана русских провести окружение Харькова с целью изоляции северного крыла 6-й армии. Только наши стойкость и бесстрашие помогли Гудериану^[39].

26 февраля

Мы с трудом верим: прибыли силы подкрепления. Ребята приносят хорошие вести: ожидается и прибытие наших танков, а еще сегодня придут штурмовые орудия. Мой душевный барометр снова показывает «Ясно». Мы удержимся здесь, чего бы это нам ни стоило!

17 февраля

Ранним утром внезапно прибывают и 30 немецких самолетов.словно ястребы, пикируют они на эту проклятую батарею русских под Шахово. Повсюду взрывы, в воздух фонтанами взлетают комья земли и обломки металла. Но зато сегодня вроде тихо – и даже ночью удалось несколько часов прикорнуть. Впервые за долгое время.

18 февраля

Вчерашний наш авианалет не только уничтожил несколько русских артиллерийских батарей, включая орудия, он вдребезги разбил планы предстоящей атаки русских. И сегодня около полудня наши воздушные спасители с воем обрушились на неприятельские позиции. Густой желтовато-черный дым на несколько минут застывает над балкой.

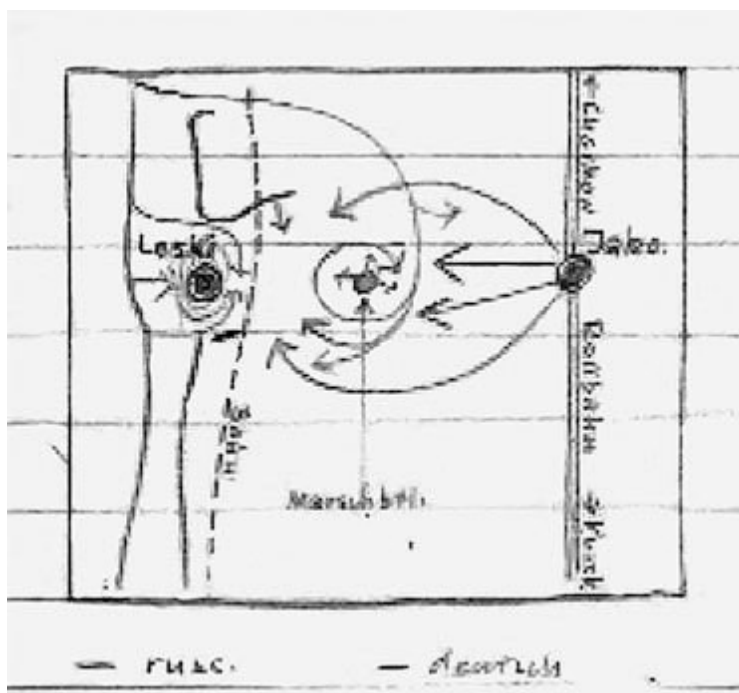

Схема авианалета люфтваффе 18 февраля, в результате которой была уничтожена советская артиллерия и пехота. «Яво» [на немецком солдатском жаргоне «истребитель-бомбардировщик»]

19 февраля

К вечеру абсолютно неожиданная для нас атака тяжелых танков. В сопровождении двух батальонов им удается прорвать нашу оборону как на правом, так и на левом флангах. К 13.00 село Лучки полностью окружено. Наши радиопередатчики только и пищат точками и тире. Рассылаем призывы в штабы дивизии и корпуса вызволить нас и с севера, и с юга. Оба штаба отвечают совершенно одинаково: «Подкрепление вышло из 3376 (Яковлево) в 2–18 в направлении Л.».

Черт! Да они тогда давным-давно должны быть здесь! Откуда нам знать, что где-то между Яковлевым и Лучками какой-нибудь увешанный орденами солдатик провел свой первый и последний бой? Нас ни о чем подобном не информируют, так что это было и остается загадкой для нас. 180 человек, направленных в Лучки, из тех, кто ни разу в жизни не участвовал в настоящем бою, были зверски убиты минувшей ночью русскими! Но мы-то об этом не знаем! В общем, ночь превращается в ад! И азиаты взбегают на нашу высотку. Снова и снова жесточайшие рукопашные. Сколько можно выдерживать такое? Где замена нам? У нас боеприпасов кот наплакал. Ну, тогда стреляйте экономно и непременно приберегите один патрон. Для себя! Вечером гибнет Олез, пятый и последний солдат из моего отделения. Штыковое ранение в грудь. Нас всем здесь рано или поздно придет конец. Плохо это, жизнь вовсе не такая уж скучная штука!

20 февраля

Несмотря на снова поднимающуюся жуткую пургу, с запада до нас все же доносится артиллерийская канонада. Неужели это наши спасители? Атаки со стороны Лучков с каждым часом слабеют и к полудню вовсе прекращаются.

Внезапно появляются несколько бомбардировщиков. Мы молниеносно исчезаем в укрытиях. Но на сей раз это наши «Хейнкели», которые, сделав пару кругов, сбрасывают нам боеприпасы и все остальное.

С запада к нам направляются наши танки и пехотинцы! Замена! Замечаю двоих ребят медвежьей комплекции. У них слезы на глазах. Ночью разведчики соединились с прибывшими с запада частями, шедшими к нам на помощь.

21 февраля

Красные отступают, бегут на восток. В 9.00 немецкие танки в Лучках! Описать нельзя, как их там приняли! Вне себя от радости, мы принялись обнимать наших «братьев в черном», наших спасителей. После непродолжительной паузы они приступили к штурму вражеских позиций. Нельзя позволить русским перевести дух. Мы должны полностью очистить от них территорию. Раз и навсегда.

Вторая половина дня связана с прибытием замены.

22 февраля

Замена! Кучка грязных, оборванных солдат проходит там, где навеки остались лежать их боевые товарищи. Половина из них так и останется здесь, где они нашли вечный покой. Мы отрыли три большие братские могилы. Снаряды красных и здесь сделали свое черное дело. Земля перепахана мощными взрывами, те, кто лежал в могилах, разбросаны, разорваны на части, уже во второй, а то и в третий раз. А вскоре картина будет еще страшнее.

После четырехчасового марша доходим до места, где русские зверски убили 180 солдат маршевого батальона. Они нашли время тела уже мертвых солдат уложить как дрова. Согласно сведениям, полученным от захваченных в плен, эта бойня снималась на пленку для увековечения (месяц спустя, 25 марта, сотни тысяч листовок с фотографиями были разбросаны над Харьковом и Белгородом).

Изнуренная физически, истощенная морально наша маленькая боевая группа к вечеру добирается до села Яковлево. Хотя всем и без того известно, как выглядят многострадальные пришельцы из Лучков, на нас оборачиваются. Все мы очень напоминали ненормальных: бледные лица, длинные бороды. На некоторых русские пилотки и шапки, русские шинели, обмотанные кусками овчины сапоги. У нас ничего нет, за исключением оружия – ни одеял, ни вещмешков, ни хлебных мешочков, ни фляжек, ни котелков. Все, что есть, без всякого преувеличения, все было растеряно или уничтожено 20 февраля. Сейчас с избытком хватит двух саней, чтобы увезти оба пулемета. Три орудия остались там, в «могиле», их переехали русские танки.

23 февраля

Возвращение в Обоянь. Эти дни в Лучках здорово подточили нас как снаружи, так и изнутри. У одних тяжелейшая форма нервного истощения, у других тяжелые обморожения. Ревматизм тоже не редкость. У меня страшно болит нога, скорее всего, дает о себе знать последнее ранение. Черт возьми! Мы ведь не престарелые вдовушки, а солдаты! И пусть сейчас у некоторых из нас нервное истощение, потом – когда вернемся домой – любовь и терпение наших жен залечит наши раны – и физические, и душевные.

24–28 февраля

На всех участках фронта идут ожесточенные оборонительные бои. Зима, на которую столько надежд возлагали красные, подходит к концу. Сейчас все еще зверский холод, повсюду в степях снежные бураны. «Сейчас или никогда» – девиз Сталина, которым он гонит

сотни и тысячи на верную гибель. Мы переживаем сейчас кульминацию зимних сражений. Сейчас все до единого – герои.

Все подразделения до одного, включая резервные, сейчас выставлены на линию обороны. Оборона означает держать врага на расстоянии. То есть не дожидаться, пока он явится и возьмет инициативу в свои руки, а потом и решит исход боя. Держать врага на расстоянии предполагает и контратаки с нашей стороны, и активную разведку с целью выяснения намерений противника, чтобы потом, когда его стратегические и тактические замыслы станут ясны, нанести ему сокрушительное поражение. Держать врага на расстоянии – это проводить небольшие беспокоящие атаки, завоевывать более выгодные позиции. Это означает не только постоянно держать противника в напряжении, а выдерживать его артобстрелы и авианалеты, а также успешно бороться с его танками. Все это требует постоянной круглосуточной готовности. Держать врага на расстоянии означает не расслабляться ни на секунду и всегда иметь под рукой оружие. Конечно, это рвет на куски наши нервы и отражается и на нашем физическом и душевном состоянии.

Дома, в нашем тылу, никто не имеет и малейшего представления о том, что требуют от нас эти оборонительные бои на Восточном фронте: изнуренность, мобилизация воли и сил и постоянная готовность к самопожертвованию! И на фронте пехотинцы и мы, истребители танков, самые лучшие и верные друзья и товарищи! Мы и есть линия фронта, и мы на ней ближе всего к смертельной опасности. В эти месяцы мы ничего, кроме снега, не видели, этих бескрайних белых полей и еще – врага. Мы ничего не пережили, кроме постоянного чувства опасности и борьбы с людьми и силами природы.

Неделями не снимали обувь, неделями не ощущали благодатного тепла печи. Холода и снежные бураны воздействовали на нас постоянно, и даже во время еды одной рукой мы держим ложку, а другой – свой автомат. Одним ухом мы постоянно вслушиваемся в то, что происходит снаружи, что делает враг – даже когда бой кончился, мы все равно наготове.

Наш долг и усилия по его выполнению в какой-то мере компенсируют неизбежные в нашем деле потери – товарищей, которых гибель вырывает из наших рядов; неписанные законы братства и требование момента ничего больше нам не оставляют. Я мог бы привести сотни примеров бескорыстного братства среди нас, закоренелых и обстрелянных фронтовиков.

Что так ожесточает эти оборонительные бои на Восточном фронте, так это то, что противник без малейших колебаний бросает на истребление нас такие колоссальные людские массы, такие громадные ресурсы. Оборонительные бои – это еще бои с холодом и снегом. Бои со вшами. Очень страшно, когда из-за мороза отказывает оружие, а в это время на тебя все новыми и новыми волнами накатывается противник. Тяжело, когда солдат-фронтвик днями безнадежно дожидается еды и питья, боеприпасов из-за того, что везущий их грузовик увяз по причине очередной снежной бури. Так было и в Лучках, когда временами казалось, что и командование задыхается от беспомощности. Бывали ведь и для наших командиров моменты, когда они задавали себе вопрос: «А стоит ли вообще? Мы же предприняли все от нас зависящее!» И все же никто из нас не хныкал, сидя, скрючившись, в промерзлых окопах и траншеях Восточного фронта. Никто не терял надежды из-за отсутствия жратвы. Никто не изрыгал проклятия из-за того, что тела наши мертвели и деревенели от всепроникающего холода, от того, что посидеть у плиты представлялось недостижимым раем. Мы все понимали, что подобное требуют от нас ради куда более высокой цели, той, которой требует от нас война.

Зимние бои стали для нас Второй мировой войной. Нас погнали в эти оборонительные бои столкнуться с войной в ее самом ужасающем и жесточайшем виде, еще более усугубляющейся бесчеловечной жестокостью врага.

Ни бои в Польше в 1939 году, ни во Франции в 1940 году не сравнятся с годами этой войны с Россией [СССР]. И мы, солдаты, знаем это по собственному опыту. Восточная кампания вообще и, в особенности, проведенные именно здесь недели ни в какой степени не могут сравниться с Первой мировой войной. Причем во всех аспектах!

Это крещение огнем германской армии в целом и для каждого из нас в отдельности. И нам предстоит в сто раз больше, и с той степенью самоотдачи, которую способен оценить один лишь фюрер – человек, который, будучи сам солдатом-фронтовиком, осознает все ужасы линии фронта. Мы ни в малейшей степени не ощущаем себя «героями», мы просто хотим признания совершенного нами.

Мы не просим сочувствия за наши трудности, мы просто желаем гордиться нашей родиной и верить в нее. Одна из самых худших вещей для нас, фронтовиков, причем фронтовиков жесточайшей из войн, если кто-нибудь, кому незнакомы все беды и муки окопных боев, начинает высокопарно рассуждать о проигранном сражении или, более того, о неверно выбранной тактике при уступке врагу какой-нибудь деревни или части территории. Те, кто так рассуждает, позорят пролитую за наши идеалы кровь и сверхчеловеческие требования, которым мы соответствуем из последних сил. Что означают слова «бой» и «проявление силы воли»? Что в действительности представляют собой такие понятия, как нечеловеческий холод, лед и снег, одиночество, нагрузки на психику, буран, мороз, бездорожье? Мы оцениваем все перечисленное с нашей, европейской точки зрения, которая здесь, на Восточном фронте, не применима. Здесь в ходу преувеличение невыносимого. Сама природа вносит коррективы в ход боев, что можно описать как гигантскую по своим масштабам гиперболизацию европейской зимы. То, что большевизм бросает на поле боя, абсолютно не вписывается ни в какую концепцию духа солдата. Это его воистину не свойственная человеку жестокость высшей степени.

Снова и снова русские применяют сочетание артиллерии, танков, авиации и пехоты. Масса в чистом виде – вот кому они поклоняются и служат. Они свято убеждены, что все дело в численном превосходстве. Мы, как никто, понимаем опасность этого. В наши дни становится более чем очевидным факт, что именно один человек, отдельный солдат становится куда более эффективным фактором, чем масса. Сильнее, чем когда-либо, ответственность за исход битвы ложится на наши плечи.

Вследствие обледенелых и заснеженных дорог танки и другие транспортные средства сильно ограничены в их мобильности и не соответствуют своему назначению. Прошу меня простить, но простые крестьянские сани, запряженные лошадей, полностью заменили собой все, что движется. И двигатели, и оружие познали на себе все ужасы холодов. Они могут выйти из строя, но не мы. Если выйдем из строя мы, фронт просто развалится.

В этой битве становится очевидным, насколько важную, даже решающую роль играет ясность и четкость психических факторов. Здесь мы существуем и испытываем на себе все, что только человеческое существо способно испытать – от страшного бездушия до безграничной бесчеловечности. Кто назовет и перечислит сразу все то, что ежечасно происходит на всем фронте? Если в Первую мировую все ограничивалось траншейной войной, штыковой атакой и ручными гранатами, то теперь выдвинулись на первый план и стали ежедневной рутинной беспрецедентные по жестокости рукопашные схватки и артиллерийская канонада^[40]. И, невзирая на это, мы возвышаемся непреодолимой стеной против мерзкого идеологического варева красных, и пусть Господь Бог дарует нам силы выстоять в эти тяжелейшие зимние дни.

10 марта

Нас снова перебросили с севера на юг и снова вернули из Прохоровки через Солнцево и Бахаров, в общем, туда, где требуется подлить огня. В четверг ожидаем мощное наступление русских, начавшееся 23 февраля, в годовщину создания Красной армии. Этот натиск огромных сил на южном участке фронта был последним решающим испытанием нашей стойкости. Красные разбились о нашу оборону, о наши силы, которые мы сумели собрать. Не приходится сомневаться, что большевики до весны раз десять попытаются прорвать нашу

оборону, но их атаки так и не достигают цели. Мы понимаем, что самое тяжелое и страшное позади и что совсем недалеко до весны.

11 марта

Нога по-прежнему сильно болит. Мне предложили лечь в полевой госпиталь. Но я и слышать ни о чем подобном не хочу. Сейчас просто решил лечь навзничь и полежать немного. Рядом какая-то кладовка. Круглыми сутками я на связи с командными пунктами и штабами. Дело ответственное, и я рад, что пока еще нужен.

12 марта

Сегодня день относительно спокойный, разве что несколько визитов авиации, которая в последнее время навевается к нам подозрительно часто. Эти ребята выяснили, что на нашем участке собрались представители самых разных служб. Днем и ночью бомбежки, что плохо отражается на состоянии домов. Но все не так серьезно, как может показаться, – повреждения мизерные.

13–14 марта

Ночью объявили воздушную тревогу. И полную боевую готовность. Со стороны Белгорода пролетели три транспортных самолета. Русские десантники позавчера атаковали штаб армии. Нанесен серьезный ущерб. Посты боевого охранения решено удвоить.

Ранним утром попытка атаковать нас. Но прорвать нашу оборону не удалось – позиционный огонь наших батарей так потрепал русских, что им пришлось прервать подготовку к атаке.

Вечер проходит спокойно, за исключением постов боевого охранения, все стараются отсидеться в хатах, хоть и здорово поврежденных пулеметным огнем. На шатком столе, вокруг которого уселись мои товарищи, стоит свеча. Кто-то пишет письма, кто-то оживленно что-то обсуждает. Когда кто-то произносит «тыловики» или «снабженцы», тут же слышится ропот. Этим утром все мы злы на снабженцев, тыловиков и работников кухни. Эти ребята сидят себе в тепле, им нет нужды морозить задницу в снегу окопов и траншей. Я-то уж прекрасно знаю условия, в которых пребывает пресловутая «белая кость», где-нибудь в Сумах и Лебедине, как знаю по письмам и то, что все лишения, связанные с пребыванием на передовой, многими в Германии воспринимаются с нескрываемым возмущением.

Здесь, на фронте, те, кого называют «окопниками», образуют сообщество или даже братство тех, кому не раз доводилось проверять отношения на прочность, глядя в лицо смерти. И все эти ребята, грязные и завшивленные, научились здесь за все это время чтить свой дом и свою родину и все, что с домом и родиной связано. Я лично считаю, что только те, кто не раз и не два ощущал ледяное дыхание смерти в спину, кто вышел живехоньким из далеко не одной рукопашной, способны на подобные любовь и уважение к родному дому. Любой из нас без малейших колебаний отдаст жизнь за родину.

В нашем тылу располагаются снабженческие и интендантские службы. Те все воспринимают по-другому. Их сознание пропитано страхами попасть на передовую. И этих ребят потом по возвращении домой будут считать там «героями фронта», и все из-за тех сказочек, которые они обычно сочиняют, будучи в отпуске. Я сейчас говорю об этом так, к слову, потому что истинный фронтовик никогда не позволит себе ни высокомерия, ни спеси, ни похвалы тем, что он сражается на передовой.

В глубоком тылу несут службу оккупационные части – их «проблемы» ограничиваются «шлюхами» и женским полом в целом. На снимках, посылаемых домой, они красуются в

подбитом мехом обмундировании на фоне зимнего снега и льда («Ах, эти бедняжки, какая же все же ужасная эта русская зима!»). Разве кто-нибудь в Германии задумывается о том, что именно такого, подбитого мехом, обмундирования так не хватает нам на передовой? Кто-нибудь понимает, что они лакают тот шнапс, которого, опять же, недостает нам на той же передовой?

А дальше всех в тылу зенитчики. Те даже не всегда в курсе, что вообще существует такое понятие, как «линия фронта». Впрочем, среди них весьма высок процент женщин. Так давайте, переходите к нам, вы, служители глубокого тыла, смените нас здесь у наших 20-мм и 88-мм зенитных пушек!

Служба снабжения этих трех перечисленных групп представляет собой три «фильтра снабжения» (можно проскочить через один такой «фильтр», но намертво застрять в другом). Солдат, ты вообще что-нибудь замечаешь? Нам, бойцам Восточного фронта, не разрешено носить оружие, вернувшись в Германию! С чего бы это? Правда, а почему?

22 марта

Русские уже с утра пустили в ход многочисленные силы авиации. Но разве можно это сравнить с тем, что творилось в Лучках! День завершается серией довольно вялых атак. Ночью большевики совершенно внезапно атакуют нас при поддержке танков, которые мы все же останавливаем, как и саму атаку, впрочем, только после двухчасового огня наших батарей. Есть перебежчики и дезертиры. Все они допрошены. Пленные – часть диверсионной группы русских. Вообще, обстановка здесь не из лучших. Питание и боеприпасы довольно низкого качества, и их вечно не хватает. Задача русских диверсионных групп – брать пленных, захватив заодно автоматическое оружие.

23 марта

Сегодня тоже более или менее спокойно. Лишь иногда раздается пулеметная очередь со стороны противника. Сегодня уже приятное тепло, яркое солнце на синем небе. Земля понемногу оттаивает, настает период распутицы. Пройдет еще пара недель, и земля подсохнет, так что, господа, готовьтесь к весеннему наступлению.

24 марта

Завтра нас сменяют. На сей раз это нас не особо радует. Дни здесь прошли спокойно, то есть по нашим понятиям спокойно. Лишь умеренные обстрелы, дневные и ночные, ну и время от времени вялые атаки – все равно что затишье для нас. За эту зиму мы приучились к совершенно иному развитию обстановки. Очень жаль, что нас сгоняют отсюда, – здесь сплотилась весьма неплохая боевая группа!

25 марта

Смена тоже проходит спокойно и без сбоев. В полдень русские истребители решили преподнести нам сюрприз на марше. Один боец получил легкое ранение после их обстрела. Без каких-либо происшествий вечером добираемся до Обояни.

Сегодня имел возможность прочесть любопытный выпуск новостей, выпущенный противником. Там перечислялись бои в районе деревни Лучки. За период с 17 по 24 февраля, когда русские сосредоточили атаки на участке Озеровский-Лучки, враг на участке, где действовала только 75-я пехотная дивизия, по нашим данным, потерял 20 тысяч человек, 9

тысяч из них убитыми. Если взять эти цифры применительно к дивизиям, то речь может идти о 4–5 советских дивизиях. Прибавьте сюда еще и дезертиров и перебежчиков. На других участках фронта обстановка, в принципе, та же. Если судить по показаниям многочисленных пленных, мы узнаем, что отдельные роты сократились до 20, а иногда и до 14 человек. Это говорит о том, что далеко не все так благополучно у них на фронте.

Кровавые, неисчислимы потери, на которые шли большевики в эти зимние месяцы, не могут не оказать отрицательного влияния и на ход их весеннего наступления. Но – как бы то ни было – и для нас преувеличенному оптимизму места быть не должно. Мы понимаем, что Советы эту зиму не профукали. В глубоком тылу созданы мощные линии обороны, промышленные центры Урала освоили выпуск танков Т-34 новых, усовершенствованных модификаций.

27–28 марта

Время от времени достаиваемся визитов советской авиации. Самолеты на бреющем кружат над нами и ведут по нам плотнейший огонь из бортового оружия. Едва заслышав гул авиационных двигателей, мы, не мешкая, спешим укрыться. Те, кто не успевает, бросаются под машины и пережидают «нашествие» там. Иногда на нас бросают и бомбы.

29 марта

Ясная погода – летная погода. Внезапно во время приема пищи затыкали наши зенитки. И пока высоко в небе мелькали маленькие опасные для врага белые облачка разрывов зенитных снарядов, послышался знакомый уже гул – над нами прошли три советских бомбардировщика. Зенитчики просто озверели. Мы стояли и с интересом наблюдали, что же будет дальше. И вот – попали! Сразу вопль восхищения и радости! Один из бомбардировщиков теряет устойчивость, и за ним тянется дымный след. На опушке леса сначала возникает темное облако, и пару секунд спустя мы слышим глуховатый звук взрыва рухнувшего на землю самолета.

Но остальные два бомбардировщика как ни в чем не бывало продолжили полет. Один из наших бойцов указал на крохотную точку в небе. Точка росла, и мы вскоре различили наш истребитель, бросившегося вдогонку следовавшим на восток бомбардировщикам. Интрига приобрела совершенно иное звучание! Мы даже позабыли о любимом гороховом супе. Какой тут суп! Тут такие дела происходят у нас на глазах! Не каждый день увидишь такой воздушный бой.

Нагнав бомбардировщик, наш истребитель неожиданно резко устремился вверх, а потом почти вертикально спикировал на самолет противника. Короткая очередь из пушек и пулеметов. Серия точных попаданий. И тут истребитель отвернул, как бы потеряв интерес к цели. Мы даже недоумевали, почему. Но вот из хвоста русского самолета потянулась сначала узенькая дымная струйка, и уже в следующую секунду стала толстой струей черного дыма. Бомбардировщик загорелся и, объятый пламенем, рухнул вниз. В последнюю минуту летчику удалось выброситься с парашютом, но неудачно: купол парашюта, едва раскрывшись, тоже загорелся от пламени падавшей машины.

Воздушный бой занял каких-нибудь пару минут. Нашего истребителя и след простыл. И снова голубое до синевы небо, ни единого облачка, все тихо-мирно. Как пятью минутами раньше. Даже наш суп не успел остыть.

30 марта

Всего за ночь погода внезапно переменялась. На улице бушует такая пурга, которую мы и зимой не видели. От души сочувствую тем бойцам, кто сейчас в поле на санях. Видимость – от силы пару метров. Мы ждем две группы бойцов на санях. Они еще несколько часов назад должны были прибыть, но не прибыли. Мы уже начинаем волноваться. Только к вечеру до нас добралась одна группа. Второй мы так и не дождались.

31 марта

Вьюга унялась. Снова синее небо и солнце. Будто ничего и не было. Тем не менее было – за ночь кое-что произошло. Ночью группа бойцов на санях сбилась с дороги. Наши товарищи угодили в глубокую балку, откуда выбраться было невозможно, и они за ночь замерзли – погибли. Произошло и кое-что еще посерьезнее – подгоняемые восточным ветром русские сумели снова заблокировать шоссе Обоянь – Курск в районе хутора Дрозды. К полудню мы, готовые к контратаке, добрались до участка прорыва.

Боевая мощь врага была уже не та, и поэтому у нас не заняло много времени навести там порядок. Наша артиллерия несколько часов обстреливала занятые русскими Дрозды. Русские, отступив, оставили сотни убитых. Страшное это зрелище – усеянная трупами деревенская улица. Кто-то прозвал ее «Алеей мертвецов». Ее с охотой подхватили и даже нацарапали на какой-то деревяшке это название и укрепили в начале улицы. До самого конца войны к улице Курской, по крайней мере к части ее, прилипнет это страшное название.

В канаве слева от дороги мы обнаружили труп женщины из пехоты. Страшно изуродованный разрывами снарядов. Половина молодого еще лица отсутствовала. Даже длинных светлых волос не хватило, чтобы прикрыть ужасную рану.

Странное зрелище для фронтового солдата, привыкшего сражаться с мужчинами, видеть перед собой труп женщины-военной. Иногда женщины оказывались и в числе взятых нами в плен русских.

1 апреля

Отправляемся в разведку в район Медвенки. Медвенка – тоже пункт временного сбора для остатков 229-й пехотной дивизии и других подразделений, приписанных к самым различным группам. В нашу задачу входит «зачистка линии фронта». Несколько недель нам предстоит следовать в северном направлении на Курск и находиться под бдительным оком генерала Мозера.

Середина апреля

Наступила весенняя распутица!

Еще несколько дней назад промерзшие, как камень, дороги превратились в потоки грязи, в которых недолго утонуть не только людям, но и лошадям. Многие участки наших позиций представляют собой лишь километры грязной воды, полурастаявшего льда и жижи. В эти недели нам приходится почти ежедневно брести в ледяной воде по грудь, прежде чем атаковать противника.

К концу месяца мне поручено отправиться в Орел и Харьков с важной миссией курьера. Потребовалось бы очень много страниц для описания того, что нам выпало пережить – и о схватках с партизанами, и о бездорожье, и о многом другом.

Под Харьковом мы ввязались даже в танковое сражение, а в Белгороде в результате атаки русских взлетел на воздух склад боеприпасов – это просто чудо, что мы остались живы. Не доезжая Курска мы попали под атаку истребителей-бипланов, и коляска моего мотоцикла вместе с пулеметом была превращена пулями в решето. В районе Поньрей партизаны

попытались взять нас в плен. Другими словами, мы на самом деле чудом вернулись живыми к своим 12 дней спустя.

К концу апреля дивизию вывели из боевых действий. До Курска мы добрались на своих двоих, избегая превратившихся в непроезжие дорог. Потом продолжили следовать на север и два дня спустя достигли станции Поньри. Разместились мы в селе Березовец. Мы находились в секторе фронта 2-й танковой армии^[41] и после одиссеи последних месяцев зимы смогли вернуться в боевую группу Мозера. Чудесные дни отдыха продолжались до самого 15 мая. А потом ускоренным маршем нас перебросили на участок юго-восточнее Орла на весьма опасный сектор в районе города Ливны.

25 мая

Зима позабыта, период весенней распутицы тоже – теперь позиции во власти изнуряющей жары. Лето и жара наступили едва ли не за сутки. И погода здесь, в этом ливенском секторе, жаркая и схватки ожесточенные. Хочется надеяться, что эти недели – последние недели окопной войны и что скоро нас вновь куда-нибудь перебросят.

Летние месяцы коротки, скоро они закончатся, и тогда – бог его знает – возможно, я увижу своих дорогих и любимых – жену, дочь и отца с матерью.

Да будет Господь Бог милостив и дарует нам встречу с родным домом.

Дневник третий. На линии фронта. Отступление после Сталинграда

Примечание издателя

К началу написания своего третьего дневника Ганс Рот оказывается на ливенском участке, восточнее Орла, представлявшем, по-видимому, крайнюю восточную точку советско-германского фронта^[42]. И здесь окопная война, атаки с обеих сторон, бомбардировки и попытки Советов минировать подходы к немецким позициям.

Тем временем немцы начали летнее наступление 1942 года, цель которого – овладение Сталинградом и выход на Кавказ. На начальной стадии это наступление развивалось довольно успешно, что позволило немцам захватить значительные территории. В августе Рот отправляется в отпуск, но к тому времени, когда он возвращается из Германии в Россию, обстановка на фронте круто меняется. Советы предпринимают контрнаступление по всему фронту. Воронеж, служивший одной из целей летнего наступления немцев, стал местом ожесточенных кровопролитных боев^[43].

19 ноября Советы начинают гигантское по масштабам контрнаступление по двум направлениям, охватывающим Сталинград. Это приводит к окружению 6-й армии^[44]. Соединение Рота, оказавшееся за кольцом окружения, было направлено на обороняемый итальянцами (8-я итальянская армия) участок фронта вдоль Дона, но оказалось не в состоянии помочь предотвратить натиск Красной армии.

После этого дивизия Рота перебросена в Курск, но к тому времени немцы уже готовятся к сдаче этого города. В ходе советского наступления они теряют один город за другим, и Рот в конце концов направлен в район Киева. Вспоминая о том, что его соединение неоднократно использовалось в качестве подвижной «пожарной команды» для снятия угроз на критических участках, Рот в своем дневнике описывает не только тоску по дому и своим родным, но и скорбит о судьбе своей 299-й дивизии: «Мы знаем, что сражались они достойно». В тот период дневник зачастую опережает некоторые даты, и, когда его подразделение среди зимы доставлено в Орел на вагонах-платформах, записи Рота представляют собой описания «сплошных невзгод».

Несмотря на ожесточенные бои вокруг Орла, который превратился в выступ немецкой линии обороны, вклинившийся довольно глубоко в советскую территорию, Рот сумел пережить вторую по счету зиму в России – ту, когда 6-я армия была полностью уничтожена, –

и он был свидетелем попыток формирования новых армейских частей и соединений. В ту зиму русские добились значительных успехов, хотя и не смогли полностью разгромить немцев, даже невзирая на благоприятную погоду, а в феврале – марте 1943 года немцы даже нанесли мощный контрудар, вернув себе на время северный Донбасс, Харьков и Белгород. Лето 1943 года подвергнет советскую систему проверке на прочность.

Июнь 1942 г.

Передо мной раскинулась необозримая равнина, изрезанная широкими и глубокими балками, словно оконная рама трещинами. Здесь всегда стоит влажная духота – вернейший рассадник малярии и прочих хвороб. Линия обороны протянулась здесь тонкой полоской лесов и редких хат. Земля здесь вся перепажана, почти лишена травы – следствие позиционной войны. Над кое-как вырытыми траншеями нависла тропическая жара. На другой стороне различимы землянки Советов. Из-за жары даже глаза закрываются, а тело будто наливается свинцом.

Примерно за полчаса до полудня, когда еще сохраняется относительная прохлада, критический момент этого дня. В полудреме мы сидим и дожидаемся, пока нам подвезут еду. И тут внезапно слышим характерный свист, а потом уже позади наших траншей разрыв. Это происходит ежедневно в полдень. В любом случае для нас это всегда неожиданность. Вырывает из воспоминаний и дум о доме...

Шипящий свист и разрывы затягиваются на час или, может, два. И на нашей стороне, и на стороне противника ветер смешивает разноцветный дым от взрывов в однообразно-серую массу, потом эта серая стена неторопливо оседает.

Ночи холодные, сырые и беспокойные. После артиллерийского фейерверка, видимо в честь уходящего дня, на линии обороны представление продолжается. Тяжелая артиллерия уходит на отдых, и наступает пора стволов поменьше – противотанковых орудий, пулеметов и карабинов. В темноте блуждают какие-то с запозданием прибывшие бойцы. Ярко-белые ракеты разгоняют темноту, прочерчивая ночное небо. Будто расквохтавшиеся встревоженные куры, пулеметы «Максим» палят вдаль непонятно в кого. Мы отвечаем огнем большего числа пулеметов, и уже несколько минут спустя весь этот курятник растревожен. Бывает, что минует не один час, пока друг и враг опомнятся, но ночь к тому времени уже кончается, а с ней исчезает возможность соснуть часок-другой.

Авианалеты в звездные ночи в Ливнах^[45] вообще незабываемы. Внезапное затишье после артиллерийской стрельбы вечером, всего на считанные минуты, но зато можно хоть сесть в траншею и написать письмоцо домой, заканчивается – в воздухе специфический гул двигателей – иваны пожаловали!

Певучий гул переходит в завывание, перемежающееся пулеметными очередями. Теперь это на несколько часов. Каждую ночь одна и та же впечатляющая картина: сотни ярчайших вспышек в воздухе. Красных, зеленых, белых. Оранжевые полосы на полнеба, тьяканье 20-мм зениток.

Ослепительный свет магниевых осветительных ракет, падающих вниз. Багрово-красные трассы, вздымающиеся с земли на 50–60 метров, постепенно меняющие свет на желто-белый, – мы их называем «американскими трассирующими». Совсем как на Рождество. Вот только для нас, пехотинцев, никаких подарков под елкой не припасено.

Мы стараемся скрыться от обзора русскими самолетами, не позволять им узнать больше, чем они видят, – светает, и наши траншеи и окопы становятся различимыми.

Убираются они, только исчерпав запасы бомб, снарядов, пуль и ракет. Пока они нас сверху осыпают ими, мы тоже в долгу не остаемся – щедро поливаем их из своих 20-мм зениток и зенитных пулеметов. Грохот, вспышки, трассы, вонь порохового дыма – ни дать ни взять Судный день! Среди нас есть и такие, кто воспринимает эти inferнальные ночные зрелища в Ливнах достаточно хладнокровно, но тем не менее просто взять и забыть их – невозможно.

Сложные дни! Русские, прекрасно сознавая важность нашего участка, день за днем подбрасывают туда дополнительные силы, а вместе с ними – артиллерийские орудия, включая «сталинские органы»^[46], которые и так стоят на позициях по всему фронту.

Среди этой изнуряющей жары моросит мелкий дождик – невыносимо теплый, как моча. Многие здесь страдают от малярии. Дороги – просто бездонные каналы жидкой грязи, траншеи – протяженные болота. К чертям собачьим эту траншейную войну! Мой окоп вот-вот переполнится водой и грязью. Здесь вокруг вообще ни одного сухого места!

Снова светит солнце, и красные, которые, несомненно, довольны, сознавая, как мы мучаемся в эту дождливую погоду, становятся беспредельно агрессивными. К вечеру при поддержке танков они прорываются к нашим передним траншеям. С наступлением дня мы наносим ответный удар. Такое происходит уже три дня, когда мы, в благородном гневе, врукопашную отбиваем у них кусочек леса, откуда они пошли в атаку. В сумерки, когда обстановка становится менее стабильной, наши отличные многоствольные реактивные минометы приходят к нам на помощь. Мы сидим на противоположном конце занятого нами леса, и никакая сила в мире не заставит нас уступить его русским!

Вот уже неделя, как мы засели в нем. Позицией нам служит обгоревший русский танк, а лес напичкан вполне исправным, современным оружием всех видов. Красные появляются по нескольку раз на дню, но только ради того, чтобы получить ранения и отступить. Эта позиция идеальна, и почти невозможно овладеть ею. Впрочем, русские и без нас это понимают и вот уже несколько дней (и ночей) не тревожат нас. Мне, поскольку я по природе своей человек недоверчивый, это представляется подозрительным. Да и наши командиры примерно того же мнения на этот счет, поэтому посты наблюдения и охраны удвоены. Еще пару дней спустя не остается сомнений, что русские здесь замыслили какую-то гадость. На третий день это уже мы знаем наверняка, а на четвертый – все наши позиции, включая самые важные, подверглись танковой атаке русских.

Хочется описать все это в деталях – как это было на самом деле и как это потом выглядело в отчете штаба корпуса.

30 июня

Вблизи наших позиций замечен русский офицер, он явно уточняет число имеющихся у нас танков и делает фотоснимки.

6–7 июля

Значительное увеличение числа противотанковых заграждений у позиций русских.

7 июля

Если верить одному из русских дезертиров, противотанковые заграждения усиливаются минированием – русские роют туннель в направлении наших позиций, и до его завершения остается всего 20 метров. Туннель заминирован.

12 июля

В 15 метрах от нашего проволочного заграждения замечен металлический столб. Одновременно русские, сидя у себя в траншеях, оценивают наши танки. Исходя из результатов этих первичных наблюдений, можно предположить, что русские двинутся своим туннелем на наши танки. Поэтому необходим ров глубиной в 3 метра, где расположатся бойцы и будет установлено соответствующее акустическое оборудование (шумопеленгатор). На основе показаний дезертира от 10 июля будет предпринята попытка атаки девятью тяжелыми минами [типа T.Mi. Z. 35], которая, несмотря на то что будет выполнена на протяжении 10 метров, никаких результатов не даст. Осмотр воронок не подтвердил наличие туннеля. Не подтвердили и три проведенных контрвзрыва. Четвертый намечен на вечер 14 июля. Наши артиллерия и тяжелые вооружения демонстративно выставлены вдоль линии обороны. Выставлены и противотанковые ежи, и разложены проволочные спирали (из колючей проволоки). Жуткое ощущение – сидеть и ждать, что будет и когда начнется. А

начаться может в любой момент. Об оставлении этой позиции и речи быть не может. Так что остается собрать в кулак истерзанные до предела нервы и ждать извержения вулкана. Дикая ситуация! Минуты тянутся, как часы, и наоборот. Время свихнулось. Самому недолго свихнуться! Хочется вопить, топтать ногами, визжать от бессилия! Никакие грязные шутки, никакой солдатский юмор в данном случае не помогает – люди сидят, безмолвно уставившись в пространство, будто в ожидании катастрофы.

14 июля

19.00 часов.

Внезапный взрыв шагах в 25–30 справа от наших танков. Несколько секунд спустя – еще один на том же месте, потом третий взрыв – этот уже шагах в 80 от танков. Командир батальона убит на месте, и еще несколько бойцов отброшены взрывной волной, а солдаты в траншеях погребены заживо. Вторая линия окопов не пострадала, основная мощь взрывной волны прошла по касательной. Что же касается меня и моих бойцов, мы отделались царапинами.

При поддержке артиллерийским огнем штурмовые отряды русских внезапно попытались прорвать линию нашей обороны. Все резко сменилось после применения ручных гранат и карабинов. Дело в том, что оба наших пулемета тоже оказались завалены землей и вышли из строя, а в ходе рукопашной схватки они вовсе бесполезны.

Нам даже удалось схватить парочку пленных в этой суматохе. Потом на допросах они расскажут нам массу интересных вещей. За исключением десятка человек раненых и троих погибших, мы еще легко отделались. Вместо боя на постоянных позициях – мины! Дожили! Единственное, чего у меня не хватает, так это горючего.

Из этой атаки мы извлекаем еще один урок: туннель начинался в самой первой из траншей и шел через все наши позиции. Русские задействовали на его сооружение множество бойцов. Длина на 14 июля составляла 170 метров. В прокладке туннеля участвовало сразу 12 человек. Из-за мягкости грунта работа проводилась практически бесшумно. В конце туннеля располагалась собственно взрывная камера. Согласно показаниям пленного, туда была заложена 1000-килограммовая бомба, которая и сработала 14-го числа. Этот метод принадлежит, безусловно, к самым коварным методам ведения боя из всех, применяемых русскими.

Вот далеко не все примеры.

Фосфорные гранаты – далеко не единственное средство, с которым мы познакомились прошлой зимой. Кроме них, мы насчитали около 50 типов различных мин. С другой стороны, мины – это всегда ловушка. По ночам неплохо обученные русские втыкают у дорог знаки с надписями на немецком языке: «Внимание! Мины! Грузовикам сворачивать направо!» В то время как именно правая сторона дороги заминирована ими. Грузовики послушно принимают вправо и... взлетают на воздух.

Еще пример: знак «Проход в минном поле!». Знак этот размещают как раз посреди минного поля. Или у оставленной взрывом мины воронки другой знак с надписью: «Станция сбора осколков снарядов. Камерад! Помни, что тылу необходимо сырье, чтобы регулярно снабжать тебя боеприпасами!» Не один незадачливый пехотинец пал жертвой подобного коварного обмана.

Хотелось бы рассказать об одном весьма любопытном эпизоде, случившемся в одну из беспокойных ночей под Дросково...

Слушайте! Следующее было подтверждено официальными источниками: «Русские звуковые гранаты». Граната разрывается в нескольких метрах от земли. После взрыва в течение 10 секунд слышен звук, очень схожий со звуком удара. От чего происхождение этого звука нельзя никак объяснить. Несмотря на тщательное исследование звука, так и не было обнаружено ничего, что этот звук вызывает.

Я мог бы представить целый список примеров. Они всегда одно и то же! Большевики обогнали нас, если говорить о ведении войны таким способом. Досадное преимущество. И опасное.

Июль

Перебежчики и военнопленные утверждают, что русские ведут интенсивную подготовку к подземной войне. Красные стремятся таким образом захватить нашу выгодную позицию. От Сталина получены соответствующие указания.

Подземная война! Участники боевых действий в Вогезах (горный район в Восточной Франции вдоль границы Эльзаса) и Аргоне (место ожесточенных боев немцев с французами в Первую мировую войну) очень хорошо помнят о такой войне и о том, сколько нервов она стоила солдатам. Мы теперь целыми днями лежим у себя в бункере и слушаем.

И месяц назад мы так же лежали в бункере, сидели в траншеях, прижавшись ухом к земле и вслушиваясь в размеренные удары кирки и шорох лопат, с помощью которых русские осуществляли подкоп. Чтобы хоть как-то успокоиться, мы говорили себе: ничего, мол, пока они что-то там роют, можно быть спокойным, опасности атаки нет. Жалкое самоуспокоение! Но после мы слышали, как в прорытый туннель волокут ящики со взрывчаткой. И понимали, что опасность возрастает, если там, внизу, вдруг все стихнет, следовательно, отсек забит динамитом и в любой момент можно ждать сильнейшего взрыва, который все здесь разнесет в клочья.

Несколько дней мы в буквальном смысле лежали на тонне динамита, пока вечером 14 июля в результате взрыва не были уничтожены элементы нашей позиции и возле еще продолжавшей дымиться огромной воронки не завязался бой.

Даже сегодня мы точно не знаем, где и как русские прорывают этот туннель. Именно эта неизвестность и хуже всего. Снова и снова мы, прижав ухо к земле, вслушиваемся! Мы точно доведем друг друга до сумасшествия своими попытками обнаружить подозрительные шумы под землей. И очень трудно успокоить людей, привести их в чувства.

Я понимаю, что даже тщательно скрывааемые приготовления на стороне русских не прошли незамеченными нашим командованием, и от этой мысли и мне становится легче на душе, и моим солдатам тоже, ибо, если ты сохраняешь спокойствие, это передается и другим.

И еще одно взбодрило нас – новые правила получения отпусков. Тут даже безнадежные пессимисты и те ожили. Надеюсь на встречу с женой и дочерью в начале августа. Но огромная радость от этого все же омрачена одним: а вдруг нас, фронтовых бойцов, все повидавших на войне, не раз смотревших смерти в лицо, возьмет и разорвет на куски каким-нибудь взрывом? И все вдруг стали и в бою вести себя не как прежние сорвиголовы. И куда только делось наше упрямое бесстрашие, с которым мы пересидели интенсивные бомбардировки?!

Нет, теперь мы уже не те бойцы, которым все до лампочки, мы, скорее, штатские в форме! Да и я сам мало чем от них отличаюсь.

Отпуск? А сколько этот отпуск продлится? Справимся ли мы с собой дома? Сможем ли приспособиться к прежней жизни? Тысячи вопросов! Скорей бы уж уехать!

Во время ночной разведки мы захватили пленных. Для нас страшно любопытно знать о всех этих приготовлениях врага к минной войне. Если верить тому, что говорят пленные, на стороне противника работы ведутся круглые сутки. А вот куда именно ведут прорываемые туннели, пленные не знают. Или не желают рассказать, несмотря на применение жестких мер.

Но все четверо утверждают одно: это якобы первая операция такого рода, и взрыв если и произойдет, то не ранее чем через 2 месяца (эти ребята оказались правы – 5 октября взлетел на воздух участок в 200 метрах севернее).

Вот уже несколько дней царит всеобщее беспокойство. Никто не думает об отъезде в отпуск и вообще о вещах приятных – просто нет на это времени. Сегодня на рассвете произошла танковая атака русских. Участвовало 14 машин. Сейчас, уже ближе к вечеру, нам,

в конце концов, удалось ее отразить. Мы вели огонь по русским танкам из наших танков и из зениток и даже немного потеснили русских, захватив небольшой участок леса. На этот раз все оказалось для нас очень трудно. Но все же мы отбились и вполне можем быть довольны собой.

На линии фронта пехотинцы ведут упорные бои. На высоте, той самой, где стоит подбитый русский танк, где земля перепахана дважды, если не трижды, взрывами снарядов, где на фоне ясного неба жутко и странно выделяются три обгорелых ствола деревьев, разверзся ад. Наши обстреляли участок зажигательными минами, и теперь вся низина в густом дыму. И так как с танками русские потерпели неудачу, они натравили на нас свои бомбардировщики и штурмовики, навязав нам вдобавок и наземный бой. Лают наши пулеметы, свистят снаряды и мины, самолеты отвечают из бортового оружия, – одним словом, все звуки пальбы смешались в дикий шум и грохот, сотрясающий и небеса, и землю.

И вдруг до нас доносится тот особый рвущий в клочья нервы гул, который с ни с чем больше не спутаешь, – вражеская артиллерия! Регулярно следуют залп за залпом, осколки устало ударяют в бревенчатое крепление траншей.

Красные что-то сегодня явно не в ударе – бьют редко, с длинными интервалами. И вообще на линии фронта вдруг становится подозрительно тихо. Мне это знакомо: час тишины и спокойствия, а потом, ближе к ночи, снова ад. А завтра с раннего утра они пожалуют к нам еще и на танках. [Заметка на полях:] Мне хочется в отпуск. Я мечтаю об отпуске, в особенности сейчас, когда он представляется таким далеким.

10 августа

Сижу в поезде в Германию. Поезд идет неровно и ползет, как улитка. Даже не верится, что поезда могут так тащиться. Но ничего не поделаешь. Сижу себе в солидном вагоне немецкого пассажирского поезда. С каждым придорожным телеграфным столбом я ближе и ближе к дому, к моей милой Розель и доченьке. К счастью, поездка обещает быть медленной – да и к лучшему. Мне не так просто сейчас отделаться от ужасов последних часов на передовой. Отъезд мой был омрачен гибелью двух наших товарищей. Лафет весь выгорел, а вместе с ним весь мой нехитрый скарб.

Лучше всего поспать. Сон дарует забвение. А может, и приятные сновидения о моем будущем приезде, скажем. Повезло мне все же! Я едва не плачу. Просто не верится. Разве кто-нибудь поймет, что сейчас творится у меня в голове? Счастливчику не к лицу грустить.

6 сентября

Я вернулся в подразделение! 17 дней солнца и безмятежного счастья уже где-то далеко-далеко. Отпуск прошел на самом деле великолепно. С чувством благодарности вспоминаю свою любимую, я на самом деле обязан благодарить ее за все эти часы ничем не омрачаемого счастья. Незабываемое время провел и с дочерью Эрикой. Я запасся впрок приятными воспоминаниями о доме, о родных и близких, зарядился энергией и оптимизмом.

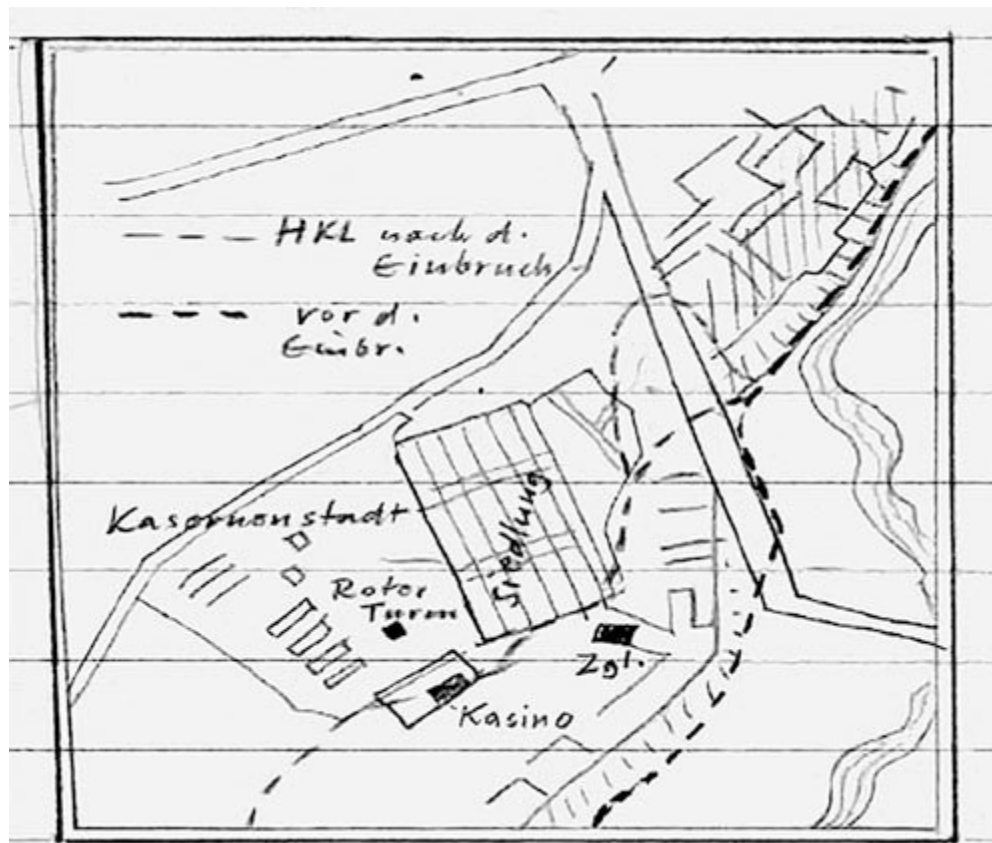
– Вот же черт! – бранится за моей спиной баварец.

Этим высказыванием и ограничивается. Сейчас момент затишья. А перед этим гремело так, что с потолка известка сыпалась. Старый добрый беленый потолок, удержись и не обвалился на наши головы!

Поступил приказ съездить в штаб во второй половине дня. Я решил вызваться. Мочи нет сидеть и задыхаться здесь с затекшими от неподвижности ногами. Так что лучше уж размяться. Как здорово на свежем воздухе! Дождь перестал, и улицы заволочло туманной мглой, через которую уныло проглядывают развалины. Огонь тоже кончился. Разве что над высоким зданием изредка пролетит снарядик и рванет где-нибудь вдалеке. 122-мм снаряды взрываются с глухим звуком. Улица представляет собой просто сплошное болото. Грязь непролазная и густая. В канавах битый кирпич. Выглянуло солнце, но у меня нет времени наслаждаться им: солнце – предвестник очередной жуткой бомбардировки. Артогонь противника усилился, и я вынужден пережидать его в укромных местах. Перебегаю какой-то грязный двор. Боже, только не дай мне шлепнуться в это месиво! В воздух ударяет смрад

разложения. Даже воздуха не хватает. Кажется, эта липкая мерзкая грязь и вонь никогда не кончатся. Где-то высоко гул самолетов, а потом грохот разрывов бомб. Осколки шлепаются в грязь. Чуть в стороне сверкнул на солнце истребитель-биплан с серо-зелеными крыльями, с аккуратно вырисованными на них красными звездами.

Черт побери, я давно уж должен быть на месте! Это – главная улица, собственно, уже не улица, а груда развалин после постоянных бомбежек. Но на карте до сих пор указаны ряды домов, которые давно превращены в перемешанные с осколками груды щебня и пыли. Дальше должна быть вроде площадь Молотова, но опять минометный обстрел. Звук точь-в-точь лай своры взбесившихся псов. Изредка где-то неподалеку гремит одиночный выстрел.

Начерченная Гансом Ротом схема центра Воронежа с обозначенной на ней немецкой линией обороны и передовых позиций

Бесполезно. Я вспотел, промок, ноги с трудом слушаются меня, колени подгибаются. Нужно посидеть и перекурить. Над головой визжат снаряды, летящие в направлении «Красной фабрики». Взрываются они не очень далеко, но шум все равно невыносим, и разрывы видны. Искореженные дубы окутаны дымом. Справа от меня толстенный ствол дерева у меня на глазах превращается в разлетающиеся во все стороны щепки. В него угодила какой-то шальной снаряд. Один из тех, от которых я спасаюсь, пробираясь вдоль стены. И впереди все новые и новые воронки, в воздухе клубы дыма, и все вокруг забрызгано грязью. Тут следует оглушительный разрыв шрапнели – серо-белый дым и вспышка, на мгновение выхватившая из тьмы улицу. Я словно зачарованный стою и наблюдаю эту сюрреалистическую картину.

И тут эти красные артиллеристы начинают бить прицельно. Буквально рядом с шипением и свистом снаряд шлепается в жижу. Я и сам не заметил, как прижал ладонь ко рту, пытаюсь сдержать вскрик ужаса! Бог ты мой! Еще шаг – и от меня остались бы одни воспоминания. Едва добираюсь до какого-то чудом не обрушившегося подвала, как начинается настоящая

буря. Земля даже не содрогается – она ходуном ходит у меня под ногами. Вот так, сядешь перекурить на минутку, а потом несколько часов ужаса.

Сегодня воскресенье, и день выдался погожий. После череды холодных и дождливых дней снова будто вернулся май. Небо над развалинами этого крупного города под названием Воронеж синее и вполне мирное. Остальной путь я проделал, карабкаясь по развалинам порохового завода, а сейчас пробираюсь по гнутым металлическим прутьям потолка разрушенного дома. Отсюда потрясающий вид – видна добрая треть города. Вон там несет воды река Воронеж, красивая река, широкая. Именно она на несколько недель неплохо служила нам фронтом обороны и естественной преградой от наседавших на нас русских.

Мы не раз отправляли группы, временами и не маленькие, через эту реку. И вообще надо сказать, что наша вера в широкую, довольно грязную реку являла собой пример потрясающего безрассудства. Ночь за ночью мы видели, как русские начали сваливать камни огромными горами. В дивизию один за другим летели наши донесения. Воздушная разведка докладывала, что рядом сосредоточиваются танки. За исключением нескольких выпущенных снарядов, не было предпринято ничего, равным счетом ничего для обороны от надвигающейся опасности. В один прекрасный день каменная дамба через реку Воронеж наконец была завершена. Об этом тоже были составлены и отправлены соответствующие донесения. Их ответ звучал так: «Подпустите танки поближе, так вам будет легче их подбить». Простите меня за то, что я умалчиваю детали того, как здорово мы подбивали их танки.

16 сентября

Русские контролируют восточный склон южной части Воронежа. Утратив его, мы лишаемся важных оборонительных бастионов «Казино» и «Кирпичный двор», а враг получает возможность беспрепятственно обозревать весь наш тыл. Они теперь видят все до самого Дона – и высоты и пути подвоза снабжения. Я должен сказать, какой кровопролитной и безуспешной оказалась контратака и о том, что продлившиеся не одну неделю обстрелы из всех видов оружия не произвели никакого эффекта.

И русские, стало быть, засели в «Казино» – у огромной груды обломков зданий, подвалы которых глубокие и достаточно прочные. Они засели и в печи «Кирпичного двора», которую и пикирующими не возьмешь. Все это выглядит как мирно протянувшаяся желто-коричневая полоса, освещенная солнцем.

На север и на запад, насколько хватает глаз, океан разрушенных бомбежками зданий. От них поднимается сероватый дымок. Виден белый и желтый дым, облаками поднимающийся вверх, – признак новых пожаров. К ним примешивается серо-фиолетовый дым затухающих пожаров. Башней над всем этим возвышаются монументальные строения из бетона – областной комитет или «Замок партии». Их усилили, укрепили, и на каждом из этих зданий следы жестоких боев, каждое имеет написанную кровью историю. Кому приходилось участвовать в боях в Воронеже, тот никогда не забудет один особенно страшный и кровопролитный бой за несколько зданий, или операцию «Госпиталь».

Это и есть «Красная площадь» с помпезным правительственным зданием в советском стиле. На его фасаде даже можно увидеть расположенные рядом изодранные флаги. За ним – здание тюрьмы, огромное строение со стенами более метра толщиной, на которых даже снаряды тяжелых орудий оставляют лишь выбоины. Часть этого здания большевики взорвали перед самым отступлением. Судя по смраду, под его обломками там заживо похоронены сотни людей. На севере и северо-западе находится промышленный сектор города. Сплошные заводы и фабрики до самого горизонта. Экскаваторный завод имени Коминтерна, где работало 10 тысяч человек, сейчас представляет просто груды обломков. Затем завод «Электросигнал», где работало 15 тысяч человек, «Сельмаш», паровозо- и вагоноремонтные заводы. Дальше на западе уныло чернеют остатки сгоревших авиационных

ангаров. Рядом – авиационный завод, как можно себе представить, это было гигантское предприятие – 40 тысяч рабочих. Одним словом, о промышленности Воронежа можно рассказывать очень долго.

На юге расположились квадраты казарменных зданий, которые сейчас не видны из-за дыма. И снова появляется «Красная башня», частично окутанная грязно-желтыми клочьями дыма порохового завода. В общем, везде, везде сплошные руины! Некогда процветавший город населением в 450 тысяч человек теперь мертвый город, в котором царят ужас и смерть. И все же город этот стоит того, чтобы овладеть им, невзирая на огромные жертвы, и оборонять его, невзирая на еще более огромные потери. Воронеж – центральная точка и столп фронта, прикрывающая стратегическое развертывание войск действующих на юге армий. Именно здесь залог успеха будущих операций – Сталинградской и Кавказской. Сталин, хорошо понимая это, бросает сюда одну стрелковую дивизию за другой, не забывая и о танковых бригадах. Его цель – взломать этот отвлекающий фронт. И отныне нам предстоит сдерживать невероятный натиск, невзирая на последствия!

С телеграфных столбов свисают оборванные провода. Над лежащими повсюду мертвыми лошадьми роятся мухи. Ужас, сколько здесь этих сине-зеленых чудовищных насекомых! Вонь невыносима, но и нос, и глаза привыкли к симфонии ужасов этого призрачного города. Но вот к чему мы так и не смогли привыкнуть, так это к этим летучим полчищам жужжащих прожорливых мух. Их здесь столько, что и вообразить невозможно. В небе над полем битвы кружат и птицы. Тысячи ворон вьются над развалинами и полями смерти. Снова и снова исчезают они в лабиринтах руин, едва заметив очередной губительный дар.

Наша обливающаяся потом группа, спотыкаясь, пробирается по испещренному оспинами дыр от пуль и осколков асфальту проспекта Революции – в свое время одной из красивейших улиц города. В царские времена здесь высились импозантные здания, с которыми сейчас соседствуют архитектурные нагромождения еврейско-большевистского периода, точнее, соседствовали до недавнего времени. Выгоревшие коробки зданий символизируют ужас и запустение бессмысленного разрушения.

Мы, бойцы, сейчас будто выгоревшие изнутри, а снаружи – будто побитые. Так всегда бывает после упорных и изнурительных боев, сменяемых периодами затишья. Лица наши почернели, исхудали. Мы все время куда-то бредем, таща за собой оружие и боеприпасы, лишь изредка приседая передохнуть у какой-нибудь воронки. Наши глаза покраснели и припухли от дыма и постоянных ночных бдений. Трудно вообразить себе горший хлеб, чем заработанный нами.

Мы снова на позиции «Южный поселок», на наиболее укрепленном участке плацдарма. Небо серое, покрытое сизыми дождевыми тучами. Земля перемешана и перепахана так, что, кажется, вот-вот начнет кровоточить из тысяч воронок, больших и малых. Высота перерыта хаотически проложенной системой огневых позиций. Окопы пехотинцев, воронки от бомб, колючая проволока – все это трудносозерцаемая картина уродства.

Наш этот проклятый «поселок» представляет собой намертво скрепленный монолит, противостоящий любым попыткам прорвать его. Целый месяц его безжалостно обрабатывали молотом разрушения. Неся астрономические потери, Советы сумели пробиться едва ли не вплотную к нам. Не один элитный батальон обрел здесь гибель ради нескольких метров отвоеванной территории. Здесь целыми бригадами выгорали большевистские танковые войска. Только за период с 10 июля по 24 августа было уничтожено 978 танков^[47]. Однако Советы так и не достигли цели – одолеть последние 50 метров и укрыться в выгодно расположенных развалинах «поселка».

С войсками я встретился у реки Сосна. С зимы я постоянно мотался между Харьковом и Ржевом – всегда оказываясь там, где труднее и опаснее. Позже наше «цыганское» подразделение перебросили в Воронеж, и теперь мы ожидали здесь дальнейших распоряжений. Кое-кого в подразделении уже не было, однако основной костяк еще оставался. Чудеса, да и только!

Распоряжения поступили сегодня. Первоначально нам предстояло остаться здесь, у Сосны. Убогие помещения потребуют подготовки к зиме. Просто невероятно – неужели нас, загнанных, издерганных охотничьих собак, наконец оставят в покое? Мы терпеливо и ответственно приступили к переоборудованию помещений. Тут хватает работы: тут уплотнить, там подкрасить.

Теперь же нас волнует другой вопрос: когда мы все же получим приказ на выступление? И приказ этот прибывает, как всегда, вовремя. В один прекрасный день приезжает вестовой: «Всем готовиться – через два часа дивизия должна быть на марше!» Все было здесь очень хорошо, но долго так длиться не могло. И два часа спустя мы уже направлялись в сторону Воронежа.

Мы на колесах! Жара расплавленным свинцом плывет над нами. Приказ на марш поступил как раз тогда, когда в Воронеже что-то затевалось. Ну а как иначе? Мы настроились не обращать внимания на проблемы в ходе марша – на жару и пыль. Нам предстояло одолеть много, и нас ждали под Воронежем. Ох, как нас там ждали! Ландшафт тоскливый, однообразный – совершенно ровная, пустынная, однообразная равнина. До самого горизонта. Ну и пыль, конечно. Вперемешку с жарой. Видимость из-за пыли – не более нескольких сотен метров. Пехотинцы шагают где-то далеко впереди, как всегда бодро и решительно. А жара под 30 градусов!

Чем ближе мы к Воронежу, тем пустыннее и тоскливее пейзаж. Не так давно здесь гремели бои – шла кровопролитная, ожесточенная битва. Дороги – просто широкие полосы пыли, прорезающие пейзаж без единого деревца. В этом есть что-то восточное, наверняка так же выглядят торговые пути где-нибудь в Монголии. Они напоминают реки – реки из пыли: расходятся, снова сливаются, потом расходятся опять.

И вдруг дорога сужается. Мост. Мост через заболоченную, заросшую речушку. Едва мы минуем мост, как дорога снова расширяется и снова соединяется с притоками. Пыль прибита колесами бесчисленных грузовиков, а ее углубления и рытвины и, в особенности, цвет придают ей сходство со слоновьей шкурой.

До Воронежа 30 километров. Видимо, город лежит там, где впереди поднимается огромное облако черного дыма. Во время небольшого привала мы слышим доносимые ветром отголоски канонады – аккомпанемент одного из самых страшных сражений Восточного фронта. Мимо тянутся бесчисленные колонны грузовиков с боеприпасами. Со стороны фронта – санитарные машины – одна за другой, белые флаги с красным крестом развеваются на ветру. Все эти машины забиты до предела. Наши лица посерьезнели, мы-то понимаем, что ждет нас в ближайшие дни.

До Воронежа 20 километров. Теперь нам навстречу движутся длинные цепи эвакуируемых. Это последние из города. Женщины, старики, дети, больные и немощные бредут по обеим сторонам песчаной дороги на юг. Все нагружены скарбом, который успели прихватить до того, как он оказался под развалинами. Несколько километров мы едем вдоль этой печальной процессии.

И вдруг в воздухе засвистело. На небе – облачка разрывов зенитных снарядов. С быстротой молнии мы укрываемся под придорожными соснами. А колонны эвакуированных со стоической невозмутимостью продолжают путь. Потом свист, гул, и на бреющем над нами проносятся 6–7 вражеских бомбардировщиков, сбрасывают бомбы, а потом по ошибке поливают огнем колонну беженцев.

Очень немногим из них мы смогли помочь, пожертвовав своими индивидуальными пакетами, больше ничем. В конце концов, мы на марше! Нам нужно на фронт! Туда, где клубится черный дым и уже различимо желтоватое пламя.

Сидим на камнях у огромного четырехэтажного казарменного здания. Через окна без стекол, за погнутыми и оплавленными железными прутьями, за напоминающим лунный пейзаж двором мы имеем возможность обозреть весь фронт до самой «Красной башни».

Всего считанные недели назад здесь располагался наш любимый наблюдательный пункт. Сегодня развалины опустелые – никто не рискует взбираться по ним. Из восьми отважившихся каждый доставлял вниз своего убитого или раненого товарища, кто перед ним попытался взобраться. А потом наступил момент, когда вообще никто не вернулся. Потому что некому было возвращаться – все обрели свою высотную могилу.

Направо от башни в конце казарм располагается «Казино» – тому, кто воевал в Воронеже, этот термин знаком. Здесь и в паре сотен метров на северо-запад на «Кирпичном дворе» засели русские. Вот эти две точки и господствуют над целым участком. И яростно обороняют его. Здесь полегла уже не одна тысяча человек. В течение шести дней бомбардировки, одна сильнее другой, проводились постоянно. Часами здесь, кроме огня и дыма, ничего не было. Ничего! Они не дрогнули.

После недели артобстрелов и бомбежек начинаем контратаку при поддержке танков и штурмовых орудий. И убеждаем себя, что уже после введения в бой таких тяжелых вооружений и мыши живой не останется.

Особо рассказывать нечего. К вечеру дня атаки наша дивизия, если не считать небольшого числа выживших, по сути, была разбита. Потери страшные: живой силы, техники, вооружений. Вся операция с треском провалилась. На следующий день мы еще каким-то образом сумели сдержать сильнейший натиск русских. Непонятно как. Но им все-таки удалось оттеснить нас на ту позицию, которую мы занимали до 20 октября, и основательно потрепать нас, не говоря уже о людских потерях. Их части действовали при поддержке «сталинских органов». В ту ночь началась самая ожесточенная фаза битвы за этот утопающий в крови город.

Ожидаемая атака русских продолжалась пять долгих дней и ночей. До вчерашней ночи. Мы, вгрызаясь в каждый кирпич, удерживали территорию. Потери огромные, но мы, собрав в кулак последние резервы, снова устояли перед остервенелым натиском противника.

Теперь наступило затишье – друзья и враги тихо лежат под каменными обломками. Через огромную дыру в стене я вижу территорию депо, закидываемую ручными гранатами. Этот участок был фокусом атаки. Только вчера здесь произошла атака 40 советских танков. И только вчера в неясном утреннем свете у наших позиций вдруг возникли пять тяжелых русских танков, которые принялись давить гусеницами все, что попадалось. Наклонив орудия, они в упор расстреливали наши укрытия, пока мы не заманили их к нашим противотанковым орудиям, которые вывели их из строя.

Стоит мне заговорить об этих утренних часах, как у меня сжимается сердце – погиб один из моих лучших друзей из всех артиллеристов. Карл Виссендорф, память о тебе навечно останется в наших сердцах! Ты отдал жизнь за нас, и мы тебе ею обязаны! Нам никогда этого не забыть!

Огромное поле этого совершенно безумного сражения теперь безмолвно раскинулось перед нами. Все оно усеяно обгоревшими, изуродованными, мертвыми танками. Их освещенные солнцем выгоревшие корпуса походят на разбросанные после проигрыша в кости кубики. Стволы орудий тоскливо уставились вверх, сейчас уже бессильные убивать и разрушать, а сорванные гусеницы очень напоминают выпущенные кишки трупов. Одну из машин взрывом бомбы повалило на бок.

Воздух здесь пропитан гарью и смрадом разложения человеческих тел. Но он еще пока прозрачен и даже как бы серебрится. Скоро и он посереет от принесенной сюда ветром пыли. Боже, как я устал! Даже сердце в груди и то, кажется, устало биться!

Какой все-таки отвратительный день! Хлещет дождь, и порывистый холодный ветер насквозь продувает мертвые улицы, задувает из пустых глазниц окон. Мы укрываемся в полузасыпанном битым кирпичом подвале. Здесь, по крайней мере, осталась хоть плита, у которой можно погреться, если ее растопить. Но она холодная, гореть не хочет, только воняет, да так, что легкие вот-вот вылезут наружу. Помещение небольшое, места всем не хватает, но разве кого-нибудь выгонишь под дождь и под огонь, который никак не желает оставить в покое даже развалины. Поэтому мы и набились сюда, как сардины в банке. Но это уже не имеет значения, во всяком случае, мы хотя бы в относительной безопасности в этой темной дыре, где проторчали до самого вечера. Вечером нас сменили. В довершение всего откуда-то сверху в подвал начинает сочиться вода! Погода сегодня и впрямь собачья! Зато прекрасно подходит для атак русских – судя по грохоту их орудий, они опять задумали что-то в этом роде.

Почти ежесекундно толстые стены подвала сотрясаются от близких взрывов крупнокалиберных снарядов. Вот еще рвануло, на сей раз в развалинах прямо над нами. Как все-таки резонирует даже битый кирпич! Деревянные балки угрожающе скрипят, с потолка падают грязь и известка, но сам подвал пока держится. Добрый русский подвал!

После этого крайне неудачного визита на участок «Казино» и начались схватки за каждое разрушенное или полуразрушенное здание квартала. Только и перебегаешь, едва завершив одну рукопашную схватку, к другой, разгоревшейся у очередного подвала или груды битого кирпича...

Нет смысла называть улицы, которые навечно останутся символами беспримерной храбрости и ужасных страданий. И карт тут не требуется – любой, кто сражался здесь, знает их наизусть и про каждую поведаст тебе целую историю. Он расскажет тебе и о минутах ужаса в горящем заводском цеху, и о связанных узлом или разодранных, как бечевка, железнодорожных рельсах, о перекрученных металлических лестницах и о выгоревших газгольдерах.

В эти темные ночи красные внезапно набрасываются на наши посты боевого охранения и бесшумно снимают их – я употребил здесь слово «набрасываются», но оно не совсем подходит для описания того, что происходит в действительности. Понимая, что просто так нас им не одолеть, они начисто утрачивают всякое подобие разума. Всем и каждому ясно, на что способен человек в эти минуты, в особенности вооруженный. Они выкрикивают команды, подбадривают остальных, но нас этим не напугаешь – мы достаточно наслышались их в прошлом году, просто в городских руинах они воспринимаются еще более нечеловеческими.

В эти дни мы палим из обычных минометов, противотанковых орудий и шестиствольных реактивных минометов. Нередко при стрельбе из минометов траектория такова, что от нее мало толку – выпущенная из развалин дома на одной стороне улицы мина попадает не в противоположные руины, а дальше, во двор. Мы захватываем, скажем, пять разрушенных домов, потом два из них превращаются в место схватки с противником, цель которой – вернуть себе эти пять домов. Часто их бывает и не пять, а больше, одним словом, цифры могут варьироваться.

Все ночи здесь на одно лицо: следы трассирующих пуль, вспышки разрывов, пылающие или догорающие здания, искры на ветру и восхитительно красивое, усеянное звездами небо. Но уже похолодало, и подсознательно стараешься передвигаться вблизи горящих зданий, даже невзирая на вполне реальную возможность обрушения стен.

Потом в темноте вдруг слышались голоса ночи: звук рикошетирующей пули, глухой взрыв тяжелой мины, вой огнеметов и примерно минутная интермедия «сталинских

органов». И над всем над этим звездное небо, красивее которого мне видеть не приходилось. Но его безмятежная пустота внезапно нарушена целой стаей советских бомбардировщиков. С этой минуты звезды на небе разноцветные и явно искусственного происхождения.

Земля содрогается от многочисленных разрывов сброшенных бомб, и на нас обрушивается багровый ливень осколков. Все мы сидим или лежим, не шелохнувшись, у края еще не обвалившейся стены здания или скрючившись на битом кирпиче свежей воронки. Кое-кому из наших лежащих уже не подняться, они даже не ощущают падающих на них объятых пламенем деревянных балок.

Этим сценам уже никогда не стереться из памяти – пылающие руины Воронежа, посеревшие, измученные лица бойцов, бессонные ночи и ни на секунду не покидающий тебя страх неизбежной предстоящей атаки, ожидаемой или неожиданной, но затихшей лишь на время.

Все выпало нам в этой стране: летние бои под дождем, до краев заполненные грязной водой траншеи и окопы, покрытое толстой коркой грязи обмундирование. Потом был июль с его испепеляющей жарой и тонкой, как пудра, пылью, здесь влажная духота, сменивший ее сырой холод, мириады воронок от бомб и снарядов, груды битого кирпича. И на все на это уже довольно скоро падет белый саван чистого, девственного снега – неотъемлемая часть суровой русской зимы.

Этот второй по счету год кампании в России мы уже не воспринимаем столь наивно и неискусненно, как прошлый. Не успевшие избавиться от идеализма, бесшабашные солдаты превратились теперь в измученных, взвинченных солдат-окопников, замкнутых субъектов, лишенных чувства юмора. Горечь заставляет нас смотреть на все вокруг обостренно-критически. Сроки этой войны вызвали в нас эти перемены, на которые мои товарищи реагируют с едким сарказмом, а я – с оттенком печали. Я не Людвиг Ренн^[48], не Эрих Мария Ремарк^[49], так что хватит пока об этом!

Есть одно, что заставляет нас идти: осознание той любви, которую питают к нам, фронтовым воякам, родные и близкие дома. На нас смотрит вся страна, вся Германия гордится нами. Вся ли? Ну, наверное, не вся, за исключением кучки ничтожеств, не достойных называть себя немцами!

У каждого фронтовика своя судьба. Есть счастливики, баловни судьбы, и если их подразделение участвует в бою, пусть даже в самом ожесточенном, они выживают и выходят из этих сражений, обогащенные новым боевым опытом. Солдат-фронтовик надеется (и не зря), что вся страна следит за теми стрелочками на карте, слушает сводки Верховного командования и осознает и свой личный вклад в это.

Куда мучительнее и тяжелее другая война, та, когда ты, искушенный солдат-фронтовик, не трус и не пораженец, вынужден вести затяжные оборонительные бои. Естественно, бои такого рода лишь вскользь упоминаются в военной прессе. В этих боях нет моментов, которые полностью компенсируют все трудности наступления. Мы ожесточенно деремся за каждый метр земли, все сразу – офицеры, унтер-офицеры и рядовые солдаты, все мы днями, а иногда и неделями лежим в окопах и траншеях под страшным огнем противника и не уступаем ему. За одной атакой следует другая, потом контратака и так далее.

Если говорить о героизме, то это героизм каждого фронтовика в отдельности, тех безымянных сотен и тысяч солдат и офицеров, которые героически выдержали оборонительные бои последних месяцев.

Идет легкий снежок, и холодный ветер дует нам прямо в лицо. Все уставились туда, где в любую минуту может разверзнуться ад. С первыми лучами солнца мы ждем атаку русских. Тысячи людей ждут и ждут... Ждут, нервно теребя противогазные коробки, перекладывая ручные гранаты, готовясь к обороне. Сотни бессмысленных, машинальных действий.

Наши товарищи-артиллеристы застыли у своих орудий, они тоже ждут... Кто-то нетерпеливо мусолит винты разведывательного планера. Тяжелые гаубицы расположились далеко, очень далеко... Повсюду готовые к стрельбе снаряды. Артиллеристы-реактивщики в сотый раз проверяют сопла реактивных мин – именно их залп должен будет смести первую волну атаки красных. Все должно работать, как часы, чтобы не позволить превосходящей по численности большевистской орде смять нас и заполучить еще кусок этого вымершего города.

Дрожа от холода и страха, заползаем в окопы и траншеи... Да, зубы у нас выбивают дробь не только от холода! Тысяча вглядывающихся вперед посеребривших лиц... Успех обороны зависит от глаза горстки солдат – наблюдателей на передовой. Именно им предстоит вовремя распознать угрозу в пелене снега...

Снег становится гуще. Через метровую полосу грязной жижи неловко прыгает вестовой. Приказ из штаба дивизии! «В момент атаки противника нашей пехоте нанести ответный удар и немедленно начать контратаковать. Противотанковое подразделение поддерживает атаку и одновременно нейтрализует танки противника». Если судить по тому, что накорябано на этой засаленной бумажке, нам предстоит уклониться от удара врага и как можно скорее попасть в мертвую зону его тяжелой артиллерии.

Мы мерзнем, слезящимися глазами уставившись в хлопья снега, ждем...

И тут внезапный разрыв сотрясает все вокруг. Начинается сметающая все артподготовка Советов. Их артиллерия бьет с удаленных позиций, а вот противотанковые орудия русских твякают из здания на противоположной стороне улицы. Танки бьют и справа, и слева, эскадрильи авиации угощают нас бомбами с небес. Время от времени тут или там рванет мина.

Гроза! Разразившаяся в аду гроза! Грохот, рев, свист... Свист тысяч осколков разнокалиберных орудий, свист сотен пуль, разлетающаяся черными брызгами грязь, тухлая пороховая вонь и среди всей этой какофонии мерные хлопки наших минометов.

Нам предстоит пройти через этот ад, пехотинцы устремляются на врага, опережая нас, от них требуется сейчас бесстрашие и твердость духа, упорство и хладнокровие. Им ни на секунду нельзя и мысли допустить о том, что их сейчас могут убить или ранить.

Шум пехотного боя: пулеметные очереди солдат, не более чем едва различимые пикколо в громоподобной симфонии войны. Но именно они, именно легко вооруженный личный состав, в конечном итоге и решит исход боя.

После часовой кровопролитной, остервенелой рукопашной схватки атака красных отбита. Они исчерпали резервы сил. К нам в тыл, спотыкаясь, с искаженными ужасом лицами, бредут пленные. Но тяжелые вооружения по-прежнему весомо заявляют о своем существовании, слышны и залпы тяжелой артиллерии, артиллерия врага пытается хоть на несколько секунд пробить брешь в цепи обороняющихся на случай второй или третьей атаки.

Вот уже несколько дней, как сильно похолодало. Сегодня на термометре минус 25, руины покрыты толстым слоем снега. Но постоянные разрывы смазывают эту непорочную белизну, стряхивая снег в грязь, оставляя на нем жуткие черные и красные пятна. Сложности начинаются снова, одному Богу ведомо, что готовят нам следующие недели. Вдруг эту не нарушаемую ничем идиллию ярким светом прорезают сигнальные ракеты советских бомбардировщиков. И с этой минуты настоящие звезды на небе уже не различимы – их заменяют искусственные.

Непривычно спокойно на всем воронежском участке. Говорят, русские отвели большую часть войск для участия их в крупных наступательных операциях на юге. Ну что же, подождем – увидим! Наша солдатня – мастера по распространению всякого рода слухов.

Однако совсем не похоже, что нас здесь на несколько дней вдруг оставят в покое! До сегодняшнего дня ни о каком покое и речи быть не могло. Мне представляется, что все продолжится после прибытия свежих сил.

Поступили маршевые приказы! Сколько же их было за всю эту богом забытую кампанию? Нам предстоит передвигаться на своих двоих, потом в товарных вагонах, а повезут нас разнообразия ради на север. На целых двое суток нас избавят настороженно выглядывать из траншей и шастать по припорошенным снегом болотам, где под каждой кочкой – мина. И разглядывать в бинокли и стереотрубы позиции большевиков и их пулеметные гнезда.

Двое суток мы будем избавлены от необходимости вечно пригибаться и шлепаться в грязь каждый раз, когда враг своей длиннющей лапой тяжелых вооружений попытается дотянуться до наших позиций, будто намереваясь стереть с перепаханной земли все, кроме воронок. Нам не придется по ночам слушать «сталинские органы», наблюдая, как тьму прорезают бесчисленные вспышки, не придется поражаться внезапно наступившей после артобстрела, воя снарядов и свиста осколков тишине, которая пару секунд спустя снова превратится в грохот и гул.

Приказ таков: «Роту перебросить на север». Эти слова вырвали нас из состояния подавленности и безразличия, пробудили в нас желание выжить, вывели из состояния перманентного стресса наши нервы, мышцы, это состояние не покидало нас до посадки в умиротворяющую безопасность товарных вагонов. Мы неторопливо движемся на север километр за километром. Куда? Никто не знает. Впрочем, это и не важно. Укутавшись в тепло сена, мы впадаем в дрему, а скоро – и в спокойный освежающий сон.

Следующие пять суток никаких забот, сплошной сон на колесах состава, пересекающего равнины России, необозримые и мертвые. Потом разгрузка. Груды битого кирпича Воронежа, города мертвецов, остались где-то далеко-далеко. Мы снова в степи, и, чтобы уберечься от холода и противника, приходится рассчитывать на грязные и вонючие деревенские хаты. Солдаты! Солдаты! В пронизанные ледяным холодом дни мы боремся со снегопадами, а по ночам вознаграждены коротким и беспокойным сном в этих смердящих хатенках. Не то чтобы мы так избалованы европейским комфортом, хотя в Европе приходилось спать в куда более нормальных условиях. Но и там мы грезили об огромных залах в стиле барокко в каком-нибудь замке Франции и чтобы не знать и не ведать ни о какой войне. Нам приходилось заваливаться спать на набитых соломой тюфяках в подвалах домов, приходилось вздрагивать от каждого выстрела, приходилось сражаться с клопами на красных марокканских циновках. Нас иногда докучают воспоминания о чистых простынях постелей в каком-то интернате в Бельгии, на простынях, не знавших ничего, кроме более или менее девственных тел тамошних учениц. Мы пережили массированные атаки клопов на кожаных диванах в домах польских евреев. На грудях подушек, на пахнущих чистотой расшитых одеялах в Западной Украине мы видели в наших снах родной дом. А вот последние месяцы приходится довольствоваться вонючими дырами в «раю для рабочих».

Мы стали экспертами по части гостеприимства, и теперь нас не отпугнет даже перспектива провести ночь в свинарнике. Наши тела закалились, им знакома любая степень искусанности вшами и клопами. Видели бы вы наши физиономии, когда мы на пороге коротких сумерек все же отыскивали для себя хату, хоть и без света – стояла такая темень, что мы даже не смогли нацарапать карандашом на куске картона: «Занято подразделением таким-то».

Даже если хата уже занята десятком в ней постоянно живущих, нашу компашку это не смущает. Хаты здесь, в России, будто резиновые – вмещают воистину неограниченное число людей. Целые поколения сменяются, шныряя от стола к печке, занимающей едва ли не половину всей жилплощади. Жены, дети, мужья, деды, бабки, внучата, вши – все здесь прекрасно уживаются. Даже если бы нас здесь не было, они все равно сгрудились бы на печи. Для нас критерий комфорта – место, которое ты можешь занять. Русские понимают это по-другому: первым делом печка. Есть и такие, которые просто-напросто перекидывают над собой парочку досок – вот и крыша еще одной мини-хаты готова. В общем, невзирая ни на

что, степенью приватности, хоть и небольшой, может похвастаться каждый из нас, да и хозяева тоже. Да, вот о чем еще нельзя забывать – в правом углу икона со светящимся огоньком лампы. Он должен гореть (и горит) постоянно. Даже ночью.

Несмотря на грязь и насекомых, мы все же провели несколько беззаботных дней в этих жалких хатах. Кто-то даже высказал идею о том, чтобы встретить здесь Рождество. А что? Тепло, тихо, спокойно, ни стрельбы, ни взрывов. Но чтобы тебе в голову взбрело подобное, надо быть законченным идеалистом. Что касается меня, я веду себя так, как всегда во время этой кампании. Просто кладешь грязное белье в ведро с водой и начинаешь мечтать о том, как наденешь чистую рубашку, а всякие там маршевые приказы – ерунда на постном масле.

Но на сей раз нам приказано быстро сняться с места. Так что предназначавшееся для стирки наскоро распихано по вещмешкам, и мы маршируем на юг непонятно куда. Судя по скорости марша, что-то где-то происходит, и мы там срочно понадобились.

В рекордные для пешего марша сроки мы добрались до Касторного.

КАСТОРНОЕ

Вслед за нами посланы и другие боевые части, и несколько часов спустя вновь сформированный противотанковый батальон готов к действию. Судя по количеству встречающихся нам санитарных машин происходит нечто очень серьезное. Настроения это не улучшает.

Ненадолго зайдя к нашим венгерским братьям по оружию, мы доходим до Россоши, где находится штаб командования итальянской 8-й армии. Там меня встречают серьезные, настороженные лица. На ломаном французском у меня осведомляются, как идут дела, разговор выходит непонятным и нервным.

Вечером в пургу добираемся до позиций Альпийского корпуса. В ту же ночь нам удастся отбить атаку русских, действовавших при поддержке танков, и отбросить врага за Дон. Наш вновь сформированный батальон несет первые потери.

Стоит ясная, морозная погода, и враг в лунную ночь снова бросается через Дон атаковать нас. Русские подтягивают свои тяжелые орудия. Бой затягивается до самого утра. Можно сказать, что мы и не знали до этой ночи, что представляют собой русские. Они постоянно что-то придумывают, навязывают нам бои, чтобы отвлечь от других направлений, не допустить нас на другие позиции. Это выяснилось из показаний взятого в плен русского.

Об этом незамедлительно сообщаем итальянскому командованию. Все происходит через наших связистов. Приходится изъясняться на плохом французском школьного уровня. Единого мнения нет – немецкие офицеры связи оценивают обстановку по-своему (вероятно, все же точнее), чем синьоры итальянцы. Много приходится переводить, немецкие офицеры раздражены, даже стучат кулаками по столу. Но в отношениях с братьями по оружию им предписано соблюдать корректность, так что вежливо улыбайтесь, господа немецкие офицеры! Время на вес золота, и оно на исходе! Не происходит ничего, но закоренелые фронтовики в траншеях уже догадались, что близится катастрофа. Меня донимает дурное предчувствие. И снова полуистершиеся фото жен, матерей, детей странствуют из рук в руки. Не очень хороший признак!

Ночью нас уводят с позиций Альпийского корпуса. Причем чуть ли не молниеносно. С рассветом мы перебираемся через полузамерзшие болота у реки Черная Калитва в южном направлении, но оставаясь поблизости линии фронта. Здесь все постоянно меняется! Начало хуже некуда! В хуторе Оробинском мы встретились с немецкими пехотинцами. Вид у них измотанный, много легкораненых, посеревшие лица и молчание. Любому опытному солдату с ходу ясно, что происходит. Мы и так понимаем, что надвигается большая беда, что в воздухе уже запахло мертвечиной.

Линия фронта в движении, прибывают все новые части, месиво на дорогах. Я пытаюсь укрыться от ледяного ветра у русла грязно-желтого ручья. На ухабистых и промерзших деревенских улицах всеобщая растерянность. Нервозность, достигшая опасного уровня.

Один артиллерист, обычно очень приветливый малый, большой любитель животных, сейчас наяривает кнутом исхудалую лошадь, да так, что сердце кровью обливается. Несчастливая лошадь тянет изо всех сил противотанковое орудие. Обычно собранный, опытный водитель тяжелого грузовика слишком резко отворачивает, и грузовик задом задевает небольшой, груженный пакетами автомобильчик. Хаос. Люди. Машины. Крики. Ругань по-немецки и по-итальянски.

Кстати, об итальянцах! Вдруг я со всей ясностью понимаю, что здесь происходит. Я уже не раз удивлялся тому, что нам довольно часто встречались бредущие толпой мелкие и покрупнее группы итальянских солдат, но без командиров. Переговорив с одним бойцом, кто в курсе обстановки, я выяснил: они панически отступают, причем офицеры уже опередили солдат в стремлении уберечь свои драгоценные жизни. А на поле боя осталась умирать горсточка немцев, пытающаяся противостоять превосходящему немцев по численности врагу. И эти отступающие идиоты не дают проехать тем, кто спешит на выручку немцам. Мы с нескрываемым презрением смотрели на них. Трусливые предатели, вот вы кто! Предавшие своих братьев по оружию! Были и останетесь предателями!

Германское командование давило на итальянское, пытаюсь стабилизировать положение и прекратить усиливающееся паническое бегство с фронта. И снова разговоры, увещания, потом перевод на итальянский и снова переговоры безрезультатны – панические слухи об бегстве. А сегодня уже выяснилось, что речь идет о бегстве целой армии, – так вот, «храбрецы» итальянцы опрометью бросились в тыл паковать свое барахло. А почтенные соседи Альпийского корпуса стремятся сохранить честь своих соотечественников и сейчас лихорадочно пытаются перегруппировать силы – восстановить оставленные позиции.

Земля промерзла уже довольно глубоко. Поздно! Слишком поздно! Пронизывающий до костей холод! Ледяной ветер! Поэтому мы даже рады, получив приказ в полдень занять позиции. Вторая рота, прекрасно укомплектованная вооружениями и техникой, отведена на позиции в нескольких километрах южнее.

Наше подразделение переброшено к Цапково, где мы пытаемся обосноваться – соорудить хотя бы самые примитивные землянки. Но я постоянно думаю об итальянцах. Не будь обстановка такой чертовски серьезной, по этому поводу можно было бы вдоволь посмеяться. А они, понуриив голову, словно ворье, один из другим отваливают. Пожелтевшие лица, не удивлюсь, если у них в штанах тоже все вдруг пожелтело.

Грузовики, которые не удастся завести на этом холоде сразу, просто бросают. Никто не развозит скопившиеся сейчас на складах войскового подвоза запасы продовольствия. Плохо, что даже охранников складов вынуждены бросать на передовую. Вынужденная мера, по-другому не выходит.

Вечером доставляют продовольствие и хорошие новости. С полными желудками взгляд в будущее меняется. Все будет отлично. Утром атака, и нам в качестве подкрепления подбросят полк полиции. За ночь крупную батарею перебросят поближе к высоте в Цапково, и она обеспечит атаке соответствующий аккомпанемент.

Ночь морозная, ясная и лунная. Холод просто варварский – минус 35 градусов. Без перчаток не дай бог схватиться за автомат – кожа тут же прилипнет. В стороне Оробинского на небе полыхают зарницы – несколько минут бьют «сталинские органы», их оглушительные разрывы реактивных снарядов напоминают мне лучшие времена. В грохоте этих разрывов почти неразличимо специфическое подвывание оружия иванов. Внезапно то ли треск, то ли грохот – но мы уже успели шлепнуть друг друга по задницам: мол, ложись, чего ждешь – и жуткий взрыв. В сотне метров разрыв еще одной бомбы, раскаленные осколки смертоносным фейерверком вздымаются в небо. Мой сосед, на гражданке он был рабочим-металлистом, утверждает, что это ему так напомнило искры кипящего металла при литье. Ну что же, скорее всего, парень прав!

Там, где мы сейчас засели, грохот разрывов равномерен. Пилоты бомбардировщиков больше не обращают на нас внимания. Вместо этого они бомбят участок у въезда в город, где дорога становится круче. Черт, уж не то ли это место, где кто-то из наших совсем недавно видел батарею? Если да, то мы в дерьме по уши!

Незадолго до полуночи ко мне в землянку является старший офицер. Командир батареи тяжелых орудий. Он взволнованно сообщает мне, что два часа угробил на то, чтобы подняться с батареей на высоту. Безрезультатно. Дорога обледенела, как каток, и орудия соскальзывают вниз. Два часа иваны бомбили то место. Половину батареи разорвало на куски, там на дороге сейчас сплошное месиво из крови и обломков металла. Вот ужас! Офицер взбешен. У него слезы злости на глазах. Нас просят помочь – подтянуть орудия тракторами-тягачами. Очень сложно объяснить этому офицеру, что горючего у нас в обрез, лишь на крайний случай, то есть на случай срочной эвакуации наиболее ценных вооружений. А итальянцы нам бензина не дадут. И пусть немцы подышлют – бензин самим итальянцам позарез нужен. Чтобы сбежать отсюда поскорее.

Расстроенный и разочарованный, офицер уходит, возвращается к своей батарее, которую до сих пор бомбят русские. У нас гадостно на душе. Мы не имеем никакой возможности выручить своих товарищей-артиллеристов, и завтра на их помощь нам рассчитывать нечего. Без их огневой поддержки из атаки ничего не выйдет. И все из-за каких-то несчастных нескольких десятков литров бензина, из-за этих вонючих итальянцев!

Все выглядит неважно. Утром мы атаковали, полк полиции был выбит начисто, не выдержав натиска превосходящих сил противника. Даже нам, немцам, и то не удержаться. В окружении уже несколько крупных участков, другие сметены «сталинскими органами» и русскими танками.

Незадолго до полудня в село неожиданно прорываются русские танки. Они систематически расстреливают все транспортные средства, поджигают их, а мы улепетываем, словно кролики. Не можем мы наступать в снегу по пояс. Бойцы падают, попадают под гусеницы легких танков Т-60 и превращаются в фарш. Много слов на описание этого тратить смысла нет – ужас, ужас и еще раз ужас!

В полдень мы эвакуируем село. Нам его не удержать! Над улицами постоянно гремят разрывы шрапнели, из-за едкого дыма ничего вообще не видно. Сборный пункт – Ивановка! Кто еще в состоянии избежать гибели, приходят сюда.

Боже праведный – что у нас за вид! Я гроша бы не поставил на свою жизнь. Через час или чуть позже танки противника будут здесь. А нам нечем их встретить! Нечем!

Около перекрестка показывается вестовой на лошади – неужели здесь еще остались вестовые?! Тр-р-р-рах! Ни вестового, ни лошади! Мы не успели и глазом моргнуть. Мой желудок начинает бастовать – даже нам, людям привычным ко всему, и то не под силу видеть такое!

Вечером получаю приказ перевезти всю секретную документацию в надежное место и попытаться пробиться в Криничное. Забираю с собой полкового помощника – ему танк переехал обе ноги. Бедняга вопит страшно при каждом толчке машины. М-да... Все прекрасно, лучше не придумаешь! На дороге нагоняю транспорт с итальянцами – десять тяжелых грузовиков. Итальянцы заняты тем, что сбрасывают так нужные фронту снаряды в придорожную канаву, чтобы машины шли побыстрее.

У меня в глазах темнеет. Меня охватывает слепая, бешеная ярость, и я намеренно чуть ли не давлю толпу этого сброда. Как мне потом рассказывали, я чуть кого-то не пристрелил. Я толком и не помню, что тогда вытворял. И мне было наплевать тогда на падавшие и справа и слева вражеские снаряды.

Вокруг стоят сотни итальянских грузовиков, брошенных этим трусливым сбродом. За исключением нескольких машин, все они были вычислены и расстреляны русскими уже час спустя. И вспоминать не хочется. В точности так же, как они бросили корпусной склад с провиантом, рассчитанные на употребление до мая 1943 года продукты, так поступили и со своими грузовиками. Сейчас склад этот захвачен противником, русские отводят душу,

обжираясь тем, что по праву принадлежало нам и чего они раньше и в глаза не видели. Свыше 80 тысяч банок консервированного мяса, тонны свиного жира, копченой колбасы, 500 мешков кофе, 20 тысяч литров коньяка и так далее. Не говоря об очень многом другом. Всего-то пару дней назад мы одним глазком заглянули в один такой склад. Так у нас слюнки потекли при виде всего, что там было. Какая досада!

Предстоит эвакуировать и Ивановку. Отступаем под интенсивным огнем противника. Командующий серьезно ранен. Пункт сбора из Ивановки перемещен в точку восточнее Голубой Криницы. Он располагается в Голубой Кринице у самой овцеводческой фермы. С сегодняшнего утра значительные силы красных атакуют его. Примерно в полдень над фермой пронеслись четыре их истребителя, но, судя по всему, на нас внимания не обратили. Десять минут спустя они вернулись. Не успели мы как следует спрятаться, как на нас обрушились бомбы. Но взрывов не последовало. Едва солдаты стали подниматься из грязи, чтобы обсудить низкое качество советских боеприпасов, как вокруг нас прогремело четыре взрыва. И тут до меня дошло: взрыватели замедленного действия.

Вокруг все в черном, зловонном дыму. «Газ горит!» – выкрикнул кто-то. Тут из облака дыма вынырнул низкорослый русский, водитель заправщика. Объятый пламенем, спотыкаясь, он сделал несколько шагов, потом свалился, и тут же обрушившаяся стена дома похоронила его под собой.

Обливаясь кровью, упал и Гейнц Штихель, Айхлер лежит рядом со своей машиной с разбитыми ногами. Из воронок от бомб поднимаются клубы желтого дыма. Там же лежат тела разорванных на куски Мюллера и Фрица Кнолля. Как жаль беднягу Фрица, хороший был парень! Нольте, наш начмед, сидит у разрушенной стены какой-то хатенки и смотрит куда-то вдаль, как будто впал в дрему, ни на что не обращая внимания. Видимо, вспомнил о своем чуть больше недели назад появившемся на свет малыше. По его мальчишескому лицу тоненькой струйкой стекает кровь, а на макушке я различаю белую массу – мозг! Непривычно низким голосом он произносит одно-единственное слово: «Жаль!»

Последние несколько дней мы оставались в Россоши, 18–20 километров за новой линией фронта. Противостояла врагу лишь одна, да и то сильно поредевшая рота (выбыло 50 процентов личного состава). За считанные дни вновь сформированная сильная дивизия была разгромлена, сотни пропали без вести. Сколько еще остается в живых за позициями противника?

24 декабря

Канун Рождества! Через снег и лед, через ветер и холод, через темноту наши мысли летят домой, к нашим родным – женам, детям, родителям, любимым. Сейчас там в это время зажигают праздничные свечи. Их мягкий свет падает на лица детей – Эрика! У моей любимой жены письмо в руке от меня, а мыслями она где-то далеко – за скованными льдом речками, заснеженными лесами, где тоскливо воют волки, за превращенными в груды битого кирпича городами, за жалкими деревенскими хатами. «Тихая ночь, святая ночь...»

Тихая? От гула и грохота фронта дребезжат оконные стекла.

Святая? Русские ниспослали гибель на малочисленный тыловой пункт сбора. Штыками винтовок они добились наших товарищей. «Мир на земле». Бог, тот, который на небесах, ответь: когда вновь наступит на земле мир?

Свечи на елке потушены, мы прочли в письмах слова любви, в нашей комнатенке тепло и в наших сердцах тоже. Я счастлив и спокоен. А что, для этого есть причины? Нас не атакует враг, мы получили много вкусных вещей, есть что поесть и выпить. Чуть-чуть вина и злобные призраки боев и стычек куда-то исчезают. Остается чувство благодарности судьбе за то, что ты еще живой. И мечты. Кто не мечтает оказаться сейчас в родной Германии в объятиях жены и детей?

Красный поток вроде бы замер, остановился перед дамбой из бравых немецких солдат, сумевших удержаться на позициях. На юге другая история: там враг пробился на юго-запад, овладел Миллеровом и теперь грозно стоит под Ростовом-на-Дону.

Несмотря на гордость нашими последними успехами, нас не может не беспокоить каша, которая заваривается на юге. Наш следующий вопрос: а где венгры и будут ли они удерживать позиции севернее от нас?

Дни в Россоши проходят беззаботно. Ежедневные авианалеты русских не омрачают настроения. Мы спокойно ждем Нового года с припасенной к этому случаю бутылочкой шампанского, забыв обо всех перипетиях и невзгодах года 1942-го. Что ждет нас в наступающем 1943 году? Мы крепко выдохлись на востоке и на западе, и сейчас одни только русские способны мобилизовать все имеющиеся у них резервы.

15 января 1943 г.

В это утро небо ясное. Температура – около минус 30 градусов. Туман белой пеленой покрыл болотистые берега Черной Калитвы. Наш товарищ Герберт вышел по нужде в 5 утра (у него нелады с мочевым пузырем) и хлопнул дверью. Вскоре он возвратился блее мела, крича: «Русские танки! Русские танки!» Сон как рукой сняло, и я тоже выскочил на улицу. Я ясно услышал лязг танков и тут же взрыв. Черт, они успели подобраться вплотную! Теперь танки показываются на другой стороне улицы, один за другим сминают сады и огороды. Потом вдруг замирают на месте, стреляют и ползут к центру города. 10, 15, 18, 20 тяжелых машин – стальные громадины Т-34 и КВ-1. Танки доезжают до моста. С них соскакивают пехотинцы и убегают. Танки же, развернувшись, возвращаются. Так и не заметив нас, они направляются к железнодорожной станции.

Иваны хотят отрезать наши войска. Самое время для нас очнуться.

У нас ни гранат, ни пушек. И в городе почти нет войск. Бросаем пожитки на тележки и медленно бредем к главной улице, держась поближе стен домов безопасности ради. Над городом повсюду черные клубы дыма. Пикирующие бомбардировщики бомбят русские танки и тем самым отвлекают от нас русских. Час спустя мы выходим из кольца окружения. Теперь горящая Россошь осталась позади. Последние из группы танков посылают несколько снарядов по нашей колонне. Бегом!

Каждому солдату Восточного фронта хорошо известна зимняя спешка в России: повсеместный хаос и ужас – брошенные танки, горящие грузовики вдоль дорог, постоянные бомбежки русской авиации, горящие колонны войскового подвоза, снег по пояс, обмороженные руки, ноги, лица. Самое пустяковое ранение превращается в проблему, ибо медицинской помощи нет в принципе. Никто тебе не поможет, каждый сам за себя. Слабый остается лежать помирать в придорожной канаве или замерзает в буран.

Десять, а может, двадцать перепуганных солдат гроздью повисли на грузовике и, когда машина перевернулась, погибли. Некоторые потеряли или забыли надеть в суматохе рукавицы и обморозили пальцы. Ослабевшие, они падают в обморок, и тут же их переезжают грузовики колонны. Они умоляют, бранятся, стонут, скулят и даже стреляют... Разве можно забыть подобные сцены?

Ужас все же не заставил себя ждать: венгры отступают на севере, точнее, их армия в панике бежит.

Николаевка! Ночью светло как днем из-за многочисленных пожаров. Бомбы падают постоянно. Грохот разрывов, рушащихся зданий, вспышки загоревшихся автозаправщиков и куда-то бегущие солдаты. Объятые паникой лошади галопом несутся по пылающим улицам, сшибая все и всех на своем пути.

Куда нам идти? Присоединиться к колонне беженцев, направляющихся в Валуйки? Или повернуть на Буденный^[50], который ближе к фронту. Использую всю остающуюся у меня силу убеждения, пытаюсь уговорить своих товарищей все же идти в сторону Буденного.

Русские танки прорываются везде. После Буденного я уже прекрасно ориентируюсь на местности, что немаловажно на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. На следующее утро получаю донесение: вблизи Валук русские танки атаковали и уничтожили всю колонну полностью. Боже, помоги нам!

Буденный оставлен! Валуйки отданы врагу! Отходим в Волоконовку. И Волоконовка тоже на грани потери после атаки русских танков! Бежишь или отступаешь, и больше ничего. Тут есть от чего впасть в отчаяние.

В Белгород мы добрались, едва держась на ногах от усталости. Если кто-то еще три месяца назад сказал бы мне, что я снова окажусь в Белгороде, я бы во всеуслышание объявил бы его сумасшедшим. Если бы кто-то сказал, что линия фронта вернется сюда, я бы ему все кости переломал.

Тем не менее все здесь выглядит так, как и год назад. Стало быть, все кровавые жертвы были напрасны?! Боже, дай нам силы выдержать это все и не утратить веру^[51].

КУРСК

Прибыли в Курск. Армейское командование приказало нам собрать всю остающуюся тяжелую артиллерию и отправить ее как можно скорее. Две роты придали остающимся войскам и солдат-отпускников, ожидавших поезда на железнодорожной станции. Воронеж сдан (25 января), Касторное пало (28 января), Щигры под угрозой. Поток красных лавиной катит на запад, сокрушая все на своем пути. Очень скоро будет занят Курск (8 февраля).

Случайно я повстречал старых товарищей, пробившихся к нашей позиции. На их бледных лицах застыли страх и отчаяние. Они рассказали нам об ужасе, который им довелось пережить. Хайнц Шеле из Латвии подошел и рассказал об атаке русских танков на санитарный поезд: партизаны взорвали железнодорожный мост у села Касторное. Два поезда, полные беспомощными ранеными солдатами, застряли на путях. В этот момент подошли русские танки и открыли огонь по вагонам. Они были для них легкой мишенью. Через полчаса на рельсах остались лишь дымящиеся каркасы. Последние крики и стоны давно затихли. Закончилась одна из тысяч катастроф этих дней.

Русские взяли Поныри, перекрыв важную железнодорожную линию на Орел, нам пришлось оставить Щигры. Теперь опасность нависла и над Курском. Верховное командование приказало оборонять город, но солдаты и унтер-офицеры понимали, что это бессмысленно, потому что уже слишком поздно. Моральный дух армий, дивизий и сотен тысяч солдат упал до самой низкой отметки. Это было следствием того, что пришлось вынести большинству солдат, сражавшихся на кровавом фронте на протяжении 41 дня и ночи без перерыва, в то время как их товарищи неплохо проводили время во Франции. Вытерпеть это можно лишь до известного предела. И да поможет нам Бог в случае непредвиденной чрезвычайной ситуации!

Мы чертовски устали, наш дух сломлен! Видит Бог, мы всем сердцем преданные солдаты на передовой! Мы верим нашим вождям и несем тяжелое бремя без жалоб и с открытой душой, но пусть по-солдатски ведут себя и избалованные солдаты на Западе. И не говорите мне об английском вторжении. Пусть «томми» приходят. Им ни за что не вернуться, если за них возьмемся мы, бойцы Восточного фронта.

Теперь враг у Курской дуги. Запасы со складов продовольствия, вооружения и запасных частей вывезены, и последний госпиталь эвакуирован. На дома днем и ночью дождем падают бомбы. Вокзал сожжен и разрушен до основания. Больше ни одного поезда под парами для многочисленных будущих счастливых отпускников.

Железнодорожный вокзал Курска – это известное место для сотен тысяч немецких солдат! Именно здесь началось блаженство моего неопишуемого четырехнедельного отпуска, именно здесь я сел на поезд с сердцем, бешено бьющимся от тоски по моему дому,

Германии! Теперь все здесь изрыто воронками от бомб, казармы, где нам выдавали паек, сожжены дотла, указатель с надписью «Поезда отпускников в Германию» разбит в щепки. Разве это не символ или не предупреждение выбросить из головы все слащавые мысли об отпуске, родине, жене и детях и открыть душу ужасной битве за само наше существование? В этой битве не будет ни победителей, ни побежденных, только выжившие и навеки изуродованные человеческие существа!

Положение серьезное. Я снова получаю приказ эвакуировать все оставшиеся секретные документы и бумаги. Оставшееся важное оборудование связи перевозят во втором грузовике. За ночь через Льгов приезжаем в Суджу.

7 февраля

На следующее утро мы продолжили марш в направлении города Сумы. Улицы повсюду завалены снегом и запружены отступающими венграми. Тянется бесконечный караван саней и танков. Что за жалкое сборище! Они ковыляют по снегу, апатичные и мрачные, ноги обмотаны в лохмотья, кулаки сжимают тяжелые палки, а у многих на плечах только чехлы от винтовок – сами винтовки они давным-давно бросили или продали. Да, да, они продали свои винтовки! Сани нагружены добычей или товаром, которым они торгуют. Они больше не солдаты, а сброд. И виноваты в своем падении только они сами.

К полудню до Сум остается всего 14 километров. Мы голодны и замерзли. Ледяной ветер пронизывает до костей. Еще 14 километров – и мы насладимся теплым пристанищем.

Справа от нас – селение Шевченково, впереди и слева – лес. Багрово-красное солнце садится за верхушки деревьев. Мирная картина, напоминающая нам о доме, хотя леса в наших местах редкость, но мы уже так успели к ним привыкнуть. Никто не может упрекнуть меня за то, что я тоскую по дому. Я дорожу своими прекрасными воспоминаниями.

Внезапно мы снова сталкиваемся с суровой реальностью, над нами раздается мощный одиночный взрыв. Постоянные вспышки света видны на опушке леса, а теперь и в деревьях, расположенных далеко впереди. Три пули попадают нам в ветровое стекло, несколько осколков шрапнели падают справа и слева. Немедленно выбраться из машины! Мы упираемся в последние автомобили венгров. Перед нами немецкая машина и грузовик. Повсюду в панике разбегаются венгры. Никто из них не стреляет – у них все равно нет оружия! Все, что мы слышим, – пронзительные крики, стоны, пение и чириканье пулеметного огня, глухое уханье минометов и вой противотанковых орудий.

Два наших грузовика застревают на заснеженной дороге. Сани венгров загораживают проезд. Мы укрощаем брошенных лошадей, сверхчеловеческими усилиями убираем сани с дороги. Теперь мы – единственная мишень для противника! Мы в ступоре. Нам надо запустить двигатели грузовиков! Запускаем. Первый грузовик поехал. Капот грузовика срывает пулеметной очередью. В руках моего товарища, Дойчле, надвое разлетается карабин. Но грузовик едет. Огонь разрывов сверкает на снегу прямо перед нами, 20-мм снаряды ложатся вдоль обочины дороги!

Чертовы ублюдки! Я стою на подножке моего грузовика и оглядываюсь. Черный дым клубами поднимается над капотом грузовика, горит бензин! Мы уже почти добрались, но это – конец! Второй грузовик тоже потерян, горящий «форд»^[52] перекрывает дорогу.

Теперь нам приходится бежать ради спасения жизни! Бежим по колено в снегу, со всех сторон нас обстреливают из винтовок. Совершенно обессиленные, к вечеру мы добираемся в Юнаковку. Невероятно: никто из нас шестерых не получил ни царапины. Господи, помоги нам в бедушем!

Село зачистили и сровняли с землей. В лесу следы примерно двухсот партизан или оставшихся красноармейцев. Выяснить это – не наше дело. Место атаки ужасно даже после того, как снег присыпал обезображенные трупы. Разбитые сани, грузовики, машины, мертвые лошади и около 80 убитых венгров лежат на земле. Немецкий автомобиль изрешечен пулями,

словно решето. Он припорошен пушистым снегом, словно жалеющим изуродованные тела наших товарищей. Неподдалеку посреди искореженного хаоса стоит немецкий грузовик, прокладывавший нам дорогу в снегу. Унтер-офицер и солдаты – мертвы, убиты шрапнелью! И тут я узнаю свой грузовик. Я очень рад. Беглый осмотр показывает, что грузовик был разграблен, но документы на месте. Часть ящиков открыты. Двигатель все еще в порядке, но кузов и крыша сильно повреждены.

Второй грузовик сгорел до самых колес, почерневшее железо в снегу – печальная картина. Но мы рады, что у нас еще есть второй грузовик с ценным грузом. Поздно вечером мы прибываем в Сумы и на время оказываемся в безопасности. Теперь угроза Сумам идет с юга. Далеко на западе противник прорвался и теперь находится рядом с Ромнами, что на полпути между Курском и Киевом.

В это холодное февральское утро воздух абсолютно спокоен. На безоблачном небе встало солнце. Его желто-красный шар резко выделяется на бледном сером небе. Над горизонтом – полосы зеленого цвета с оттенками розового. Ледяной воздух потрескивает. День и ночь играют в снежных ложинах, под солнечными лучами мерцающих синим, таинственным, как свет в пещере. Там, где солнце освещает снег, цвета переливаются в трупную бледность, слегка тронутую ярким, красноватым сполохом.

Не чуя усталых ног, мы месим снег, шесть саней тянут лохматые лошади. Первая запряжена в акью, сани-волокуши, мотающиеся в колее из стороны в сторону. Это безмолвная процессия, знак смерти. На акье лежит драгоценный груз, тело нашего командира, обер-лейтенанта Симона! Оно было с нами на протяжении 18 дней и ночей как символ нашего товарищества. Во время этого вражеские пули свистели над его телом, стремясь уничтожить и нас. Наконец мы прорвались сквозь кольцо красных, и с нами наш обер-лейтенант, и это хорошо!

Теперь мы не можем остановиться. Харьков оставлен под натиском противника. Большие склады и здания взорваны, прекрасные дома постройки царских времен сожжены.

Сталинград – Ростов-на-Дону – Харьков: огромный треугольник теперь в руках красных и потерян для нас. Мы отчаянно цепляемся за каждую деревню и город. Но противник слишком силен. После нескольких часов ожесточенных боев мы вынуждены отступить. Наши лица серы, в наших сердцах – горечь отчаяния. Вспотевшие, опаленные и измученные лошади больше не в силах тянуть даже пустые сани. Наша маленькая группа уменьшается, лишь половина ее еще способна сражаться. Многие раненые и обмороженные солдаты заряжают карабины и стреляют по врагу. Они пробираются сквозь снег, их лица искажены болью. В самый разгар метели некоторые отстают и отбиваются от группы поддержки. Отовсюду ползут танки красных. Их силуэты можно внезапно увидеть по обе стороны дороги. Наши «Штуки» Ю-87 всегда подспевают вовремя, чтобы выручить нас в этом бедламе. Мы продолжаем метаться по снегу. Все бесполезно! Мы настолько онемели от ледяного холода, что лишились даже воли к жизни. Кого волнуют осколки танковых снарядов и рикошетирующие пули вражеских винтовок? Мы устали, невероятно устали.

После относительно сносной погоды вчера и позавчера – температура колебалась от минус 15 до минус 29 градусов – погодные условия внезапно меняются. Свистящий пронизывающий ветер пронзает насквозь, поднимая широкие пласты сухого снега. Грязно-серое небо со словно приклеенным желтым, как лимон, солнцем бледнеет.

Мы встретили другие отступающие части, понесшие такие же, как и мы, потери, и теперь вместе, как значительная боевая сила, пробиваемся на запад. В течение дня мы, сменяя друг друга, сражаемся или спим в сугробах. Ночью пробираемся в обход занятых врагом деревень. Продовольствия и боеприпасов не хватает, но настроение бодрое, потому что со всех сторон продолжаем слышать о новых дивизиях, которые должны атаковать с юга.

Тонкий месяц повис в чернильно-черной ночи. С наступлением темноты мы отрываемся от противника. Сначала дорога завалена сугробами. Затем свист винтовочных пуль и громкие разрывы снарядов в снегу. Наступающие продираются через складки снежной пустыни.

Повсюду валяются тела, много убитых. И мы продолжаем идти в бесконечный и болезненный прорыв, несмотря на глубокий снег.

Теперь мы сидим в сыром подвале вокруг бочки из-под топлива, заменяющей печь, и наслаждаемся приятным теплом. Сегодня утром мы прорвали последний заслон красных. На наших шинелях еще не высохла темная кровь от мертвых лошадей, когда нам пришлось залечь вдоль шоссе, укрываясь за их еще теплыми трупами. Эти коренастые и мохнатые степные лошади спасли жизнь многим нашим товарищам.

Но давайте больше не будем об этом думать. На самом деле о прошлом нам даже не хочется вспоминать! Нам хочется просто сидеть молча и, поднося холодные как лед руки к огню, ощущать, как наши тела медленно, очень медленно согреваются. И когда мы смотрим друг на друга, мы пытаемся улыбнуться. Где зима? За дверью? Где ужас? Вероятно, мы преодолели последнее препятствие. На улицах все еще царит смерть. Тяжелая советская артиллерия обстреливает северную часть городка, где мы находимся. Но мы просто сидим вокруг горящего в железной бочке огня и пытаемся улыбаться. Теперь мы в полной безопасности и тоскуем по дому. Мы хотим присоединиться к нашему отважному и мужественному подразделению вермахта. Мы слышали, что они бились храбро.

Но сейчас у нас лишь один вопрос: как нам добраться до Орла? С вещмешками и парой пачек сигарет мы занимаем несколько вагонов-платформ, чтобы отправиться на север в этот прекрасный вечер. («Прекрасный» в этом контексте, разумеется, слово неподходящее, учитывая свирепствующую на железнодорожных путях ледяную метель.) Поездка превращается в бесконечное мытарство, и вновь проносится слух, что это последние недели на Востоке.

Шипящее проклятие «Scheisse» [дерьмо] – ругательство, равно употребляемое генералами и рядовыми, теперь в ходу и у гражданского населения России. Это грубое выражение симптоматично для всего состояния войны. Оно характеризует разочарование и ярость, отвращение и нетерпение. Но все смягчает толика юмора, даже если юмор этот достаточно черный. Однако главное – не отчаиваться, и если мы не едем, если машины вязнут в грязи или снегу, если обледенел пулемет и когда мы отступаем, когда мы не получаем писем с родины, мы употребляем лишь одно слово – «Scheisse».

Остановились ненадолго, на два часа. Здесь зона сбора остатков «славной» 8-й итальянской армии. Это не похоже на встречу старых друзей. Ходят слухи, что некоторым из этих парней на два года запретили отпуска домой, а несколько полков подвергли децимации. Не знаю, правда ли это, но, безусловно, должно послужить им уроком.

Теперь мы в Орле. Мы оставляли за своей спиной обширные кишачие партизанами леса и воздушные налеты. В тот же день мы воссоединились с нашими товарищами, расквартированными в Орле. Сейчас мы дома и готовы смело встретить новые опасности.

Это время, когда невидимая сила высасывает из окружающего пейзажа весь цвет и свет и погружает его в серую пелену, унылый зимний оттенок этой страны. Очень часто эта страна навеивает тоску, но никогда с такой силой, как в эти часы. Сейчас всего 5 вечера, но в нашей землянке уже темно. Сквозь узкую щель виднеется лишь бледно-серая дымка. Наша печурка раскалена, пламя потрескивает и стреляет языками. В эти серые часы мы можем наслаждаться теплом огня. В дневное время это невозможно, поскольку дым выдает нашу позицию врагу.

Невероятно, но, несмотря на близость фронта, мы все еще можем наслаждаться моментами покоя, мгновениями, когда можно помечтать и подумать. Над нашей печуркой поднимается облако не только тепла, но и наших невысказанных эмоций. Мы сидим и курим, нарушая молчание лишь короткими фразами.

Солнце садится, размывая контуры пейзажа, смягчая наши фронтовые тяготы.

И теперь пришло время поджаренного хлеба. Наша печь разогрелась до нужной температуры, и начинается милая сердцу солдата церемония. Мы нарезаем темный хлеб большими кусками и кладем на плиту в печь. Ломтики становятся коричневыми и хрустящими, а тесную землянку наполняет незабываемый хлебный аромат. Этот аромат

напоминает нам о давно ушедших днях, об уюте и радости мира. Поджарить хлеб можно по-разному, и это позволяет вам отличить характеры людей в землянке: человек жадный, человек легкий, человек беззаботный и человек апатичный. Опытный поджариватель хлеба терпелив, но может, стоя у печки, замечтаться и, пусть на короткое время, отвлечься от горькой реальности.

Наступила черная ночь. Раздаются первые выстрелы, в ледяной снежной метели воют снаряды. Мимолетные образы нашей родины мгновенно улечиваются, тонкий голубой дымок поджаренного хлеба испаряется, окопы вновь требуют всего внимания от каждого солдата. В земле воронки от снарядов, разрывов все больше и больше – тысячи, десятки тысяч – бесчисленные снаряды без перерыва. Отдельные взрывы больше неразличимы. Теперь это непрерывный гул разрывов и грохота, бесконечный адский гром.

Время не движется, каждая минута кажется часом.

Мы вползаем в землянки и заснеженные окопы. Вначале мы все еще разговорчивы, но потом делаемся все молчаливее и молчаливее. Мы надеемся, что разрывы прекратятся и противник начнет наступление. Но прямо сейчас нам надо выдержать этот бесконечный барабанный бой.

Пейзаж вокруг медленно меняет свой заснеженный облик. Осколки срывают камуфляж и стряхивают снег с ветвей. Воющий ветер вихрем несет снег во все стороны. Но грохот разрывов заглушает вой ветра. Взрывы взметаю землю и съедают снег, превращающийся в покрывающую землю зелено-черную массу. Крошечные кусочки горячих металлических осколков и зазубренные ломти размером с ладонь со свистом несутся в воздухе. Это продолжалось три дня и ночи, прерываясь только на короткие промежутки. Огонь прекращается лишь тогда, когда большевики атакуют. Но, поскольку мы каждый раз отражаем их, несмотря на их танки и численное превосходство, их ужасный артиллерийский огонь начинается снова и каждый раз обрушивается на наши позиции широкой полосой и несравненной интенсивностью. А потом снежная белизна медленно обращается в черноту.

Красные бросают людей и оружие в бой жестоко и безрассудно. Им удается прорвать наш фронт. Их потери столь же тяжелы, как и наши. Несколько наших товарищей спокойно лежат на дне траншеи, снежинки садятся на их застывшие лица.

Воскресенье. Жуткая тишина висит над пустынным пейзажем после ожесточенных боев последних трех дней. Голую зимнюю землю освещают факелы горящих большевистских танков. И вокруг много таких темных пятен, неподвижных и безмолвных.

Мы привыкаем к тому, что атаки наступающих повторяются многократно, даже после того, как мы отбиваем их более десятка раз. Мы привыкаем к массам вражеских войск землистого цвета, будто вырастающим из-под земли и надвигающимся, как каток. Так было вчера, сегодня и, конечно, будет завтра. Много раз за несколько часов мы между атаками задаем себе вопрос: а не мертвые ли вновь восстали?

Все мысли сосредотачиваются только на текущем моменте, когда на нас изо дня в день обрушивается артиллерийский огонь, непрерывные шквалы снарядов, мин, когда рвутся бомбы и скрежешут танки. Все наши действия и мысли сосредоточены на том, чтобы выжить. И мы научились ненавидеть. Мы видели, как наши дорогие нам, бесценные товарищи лежат на земле, изуродованные до неузнаваемости. Под конец жизни мы научились ненавидеть, что было нам вообще не свойственно, и еще ценить свое прошлое. Но еще не поздно.

Мы получаем письма. Они серьезнее, чем в прошлые недели. Это говорит нам о настроениях на родине и о тревоге за нас. Наши бои жестоки и беспощадны, как никогда раньше. Мы знаем, что на родине об этом знают. Сейчас это борьба за выживание, борьба за все.

Около двадцати белых лучей шарят по небу. Это ночь бомбардировщиков. Вчера русские самолеты разбрасывали пропагандистские листовки, они объявили о налетах и посоветовали гражданскому населению покинуть город. Ночью падают бомбы всех размеров. Бесчисленные фейерверки и магниевые кассетные бомбы, также известные как «рождественские елки», освещают ночное небо темно-красным сиянием, снаряды автоматических пушек летят, как падающие звезды, и желтые вспышки шрапнельных бомб – настоящий ведьмовской шабаш. Эта ночь наносит большие потери нашим людям и оружию. Из-за этих адских ночей наш рацион в течение следующих недель состоит только из маргарина и урезанных пайков.

Орловское направление Восточного фронта

На фронте стало тихо. Однажды рано утром нам приказывают сниматься с нашей нынешней позиции, чтобы поддержать наших товарищей. Мы в 6 километрах от линии фронта, почти в тылу. После десяти часов бодрящего сна, дважды прерванного бомбардировками иванов, мы в хорошем настроении и наслаждаемся завтраком. Все вокруг настолько тихо и спокойно, что мы очень удивлены, когда наша бабушка принимается укладывать жалкие пожитки, чтобы уходить в безопасное место. Она снимает со стены несколько фотографий, совершенно слепое зеркало и икону из угла. Я спрашиваю ее зачем, но она не решается ответить. Тем временем мои товарищи тоже собирают свои вещи. Опыт

предыдущих отступлений научил нас, что, когда гражданские начинают складывать пожитки, нам тоже пора готовиться.

В январе мы были в Буденном и Валуйках, в феврале в Волчанске и Белгороде. И всегда оно и то же – мы обустроиваемся в деревенских хатах или в каменных домах, где, по крайней мере, есть окна.

Местные жители встречают нас услужливо, ловя каждое желание, слетающее с наших губ. Мы ложимся, чтобы прийти в себя после нашей вынужденной бессонницы. Просыпаясь, зовем «матку», поскольку за ночь в нетопленной хате становится холодно и мы ужасно замерзаем. Но никого нет. Мы оглядываемся: вся семья исчезла.

Мы час ждем объяснения, час почти неестественной воскресной тишины. И внезапно вокруг нас снова огонь и взрывы. Нам уже знаком этот нудящий звук, прерываемый лишь краткими мгновениями тишины, а затем мощные артиллерийские залпы. Адский концерт начался на закате и длился практически без перерыва до полуночи. И затем, так же внезапно и неожиданно, он прекратился, как и начался. Затем мы услышали боевую тревогу. Советы ворвались в город, начались ночные уличные бои.

Гражданское население стало покидать Белгород еще за неделю до захвата города Советами. Но мы посмеивались над засадой красных, поскольку считали ее невозможной. Фронт был далеко, очень далеко. Пока однажды утром в нашей округе больше не осталось гражданских, а перед домами стояли русские танки.

Мы свой урок выучили. Теперь мы со смешанным чувством вспоминали торопливые сборы нашей бабушки. Нашего хорошего настроения как не бывало. Все гражданские в других квартирах тоже исчезли без следа.

Нам надо демонтировать наши телескопические приборы наблюдения, нам предстоит столкновение с кучей проблем! Этих парней мы знали достаточно давно. Обычно гражданские остаются в своих лачугах, как тараканы, они не бегут, когда им угрожают бомбы или снаряды. Но сейчас гражданские сбежали, ожидая, что красные будут штурмовать дом за домом. Система связи у них секретнее племенных барабанов в Африке.

Около 19.00 необычайно громкий гул и треск со стороны фронта. Чуть позже прибывает посыльный из нашего полка и предупреждает нас, что красные прорвали линию фронта и теперь в километре от деревни.

Бой за деревню продолжается два дня и две ночи. Нам приходится нелегко, но все же удается отбить наступление Советов. На третий день линия фронта восстановлена. И одновременно возвращаются мирные жители, дружелюбные и невинно улыбаясь, как дети, будто ничего и не произошло.

Выбитые пулями стекла заменили, побитые стены замазали, а поврежденные крыши починили. Бабушка, мать и дети трудятся от рассвета до заката. Вечером большая семья сидит вокруг печки или лежит на полу. На околице деревни находится наш склад боеприпасов. Хотя место не самое лучшее, но это не важно, поскольку иваны давно нас не тревожили, а склад очень хорошо замаскирован. Снег уже рыхлый, но ветер все еще ледяной. Ночью мы ложимся на наши соломенные тюфяки, усталые как черти. И снова, как в другие ночи, хотим, чтобы наши русские хозяева ушли, и мы смогли бы хорошенько выспаться на наших соломенных матрасах. Но никто не снимается с места. Мы пытаемся спрятать головы в подушки. Вечером наши хозяева остались в душных, но теплых хатах. Позже они перебрались с детьми в погреба. Когда мы их нашли, они улыбались, но с нами разговаривать не стали.

Наконец укладываемся и предупреждаем, что мы будем стрелять в любого, кто нарушит наш сон. Внезапно мы просыпаемся. Прямо на мне лежат куски оконной рамы, повсюду обломки и осколки стекла, а возле печи из глиняной стены торчит осколок размером с ладонь. Гул и треск со всех сторон. До двух часов ночи летят самолеты иванов. Я насчитал 53 разрыва бомб. Когда они улетают, треть деревни разрушена. Но, по крайней мере, им не удалось попасть в наш склад боеприпасов, в противном случае разнесло бы всю деревню.

Утром весь клан опять появляется и снова восстанавливает свои дома, насколько это возможно. Еще три ночи они продолжают спать в духоте, чтобы потом вновь исчезнуть в погребе. Между тем мы замечаем их действия. Мы собираем вещи и также находим укрытие в душных картофельных погребах.

Сегодня русские бомбардировщики возвращаются и уничтожают половину уцелевшей деревни. Остальное превращено в руины взрывом склада боеприпасов. Вновь русские гражданские оказались лучше информированы. У них есть своя подпольная связь с русским фронтом. Наша тайная военная полиция очень старалась раскрыть эту систему связи. Но бесполезно!

Я несколько часов стоял у дороги в сторону фронта в ожидании грузовиков, которые надо было направить на позиции. Идут вперед взводы, грохочет артиллерия, земля дрожит от разрывов. Сзади я вижу мерцающие огоньки сигарет. При каждом шаге моя саперная лопатка ударяется о противогаз. К фронту скачет верховой. Кто-то спрашивает, сколько сейчас времени: два часа ночи. В столовой поблизости заваривают свежий чай. Запах чая с ромом доносится через дорогу. Звон расставляемой посуды. Впереди нас грохот, небо освещает будто молнией – вспышки дульного пламени тяжелых артиллерийских орудий. Пулемет строчит мерно, как тикают часы. Наконец в три часа ночи подъезжают наши взводные грузовики, задержавшиеся из-за атаки иванов.

Выкурив на дорогу сигаретку, мы трогаемся в путь. Дорога становится все хуже и хуже, вся в выбоинах.

В деревне мы сталкиваемся с сильным пожаром. Взрыв рядом с нами на дороге. Машины мчатся назад. Из последней кто-то кричит: «Попадание в грузовик с боеприпасами!» На краю деревни яркое высокое пламя, освещающее траекторию снарядов вражеской артиллерии. Дело принимает серьезный оборот. Кто-то кричит: «Стой! Пожар разрастается! Ложись!» Земля вздрагивает от нескольких глухих взрывов. Мы вцепляемся в землю, как будто это может защитить. Свистят осколки, иногда издали доносятся глухие разрывы, выстрелы. Но нам надо ехать. К утру наш взвод должен быть на позиции.

Въезжаем на бревенчатую гать, худший участок дороги. По обе стороны бесчисленные воронки от бомб, и нас снова и снова бомбят, русские самолеты нас обстреливают.

Линия фронта немецких войск на Востоке, 10 мая 1943 г.

От деревни Башкатово осталось всего несколько тлеющих головешек, сломанная домашняя утварь да печные трубы, одиноко торчащие посреди разрушенных сгоревших изб, и отвратительный запах горячей плоти. Мы почти у цели. В 5.20 наш взвод находится на позиции, но двух хороших товарищей с нами нет.

Сезон грязи! Вслед за пронесшимися над полями и лесами снегами и ливнями ярко светит солнце. После трех солнечных дней начинает устанавливаться теплая погода. На четвертый день так тепло, что все вокруг обращается в грязь. В прошлые выходные талая вода, доходившая нам до колена, заполнила ручьи и сады. Весь окружающий пейзаж – гигантское озеро. Наши машины вязнут. Там, где мы раньше проезжали за час, теперь требуются три-четыре дня.

Нам везет, что вовремя прибыли наши сапоги, дающие нам хотя бы минимальную защиту от ледяной воды. Все готовятся жить как амфибии. Так же, как в прошлом году, раздали проверенные лекарства от распространенных болезней. Погода ужасная, кроме того, нас круглые сутки нещадно теснят русские.

В эти дни происходит нечто замечательное. Прибывает батальон новобранцев, свежие лица, новое обмундирование и амуниция. Их сапоги сияют, и их котелки и кружки никогда не видели русской печи, хотя на это мы обратили внимание намного позже. Замечательно то, что они шли колонной по три и пели! Мы выходим из покрытых толстым слоем грязи хат и землянок, бывших нашим пристанищем, не в силах постичь такое чудо. Мы стоим молча в своем заскорузлом от грязи камуфляже, с недоверием потираем заросшие щетиной лица. Они проходят вдоль ряда небольших холмиков с крестами на верхушке и, мне кажется, их голоса на мгновение срываются. Мы молча опускаем головы и глядим на свои мокрые, покрытые глиной сапоги. Кто-то отпускает шутку, жестокую в данных обстоятельствах шутку: «Скоро отпоют». Но никто не смеется, никто не соглашается с шутником. Все мы знаем, что эти молодые товарищи с родины пройдут последние два или три километра к позициям строем или цепью. Каждый будет держать винтовку в руках, чтобы та не билась о котелок. На мгновение они удивятся, услышав приказ вытащить все из карманов штанов и шинелей и переложить в нагрудные карманы. И они очень удивятся, когда они поймут смысл этого приказа. Так же было с нами, когда мы вошли в окопы. Ледяная вода залилась в сапоги, штаны прилипли к ногам. Но они выдержат, точно так же, как выдержали мы. Они будут наслаждаться благословением печки в землянке, ее тепло просушит штаны и носки. А когда их форма покроется хорошей глиняной коростой, никто больше не сможет нас отличить.

Они много думают о нас, а мы чувствуем к нашим молодым товарищам чуть ли не нежность. Мы завидуем их пению, пробуждающему в нас воспоминания о том, какими мы были прежде.

Эта зима сильно ожесточила нас. Она проморозила наши сердца, прогнала улыбки с наших губ и заставила позабыть наши песни. Колючий холод, воюющие метели, дни без еды и ночи без сна избородили глубокими морщинами наши изможденные лица.

Время от времени мы получаем эти не в меру умные письма из дома, с вопросами о нашем настроении на фронте. Мы качаем головой, не веря, как можно задавать такие дурацкие вопросы. Глупые штатские! Мы солдаты, сражающиеся на фронте!

Штормовой шквал собирается над степью на востоке, второй штормовой шквал со стороны Сибири. Под натиском этого шквала мы вынуждены пригнуться. Мы шаг за шагом отступали, зарываясь в землю, и так нам удастся удержать позиции. Не спрашивайте нас, как нам удалось выжить этой зимой. Дома никогда не просите нас рассказать об этом. Однажды стиснув зубы в эти долгие зимние месяцы, трудно потом раскрыть рот. Не спрашивайте нас о будущем. Мы молча стоим на этой земле и сражаемся – и продолжим сражаться. Нам никогда не захочется об этом думать, мы хотим все забыть. И сейчас наши товарищи проходят мимо нас с песней на устах. Мы думаем, что наши сердца закалены льдом и сталью. И теперь, когда мы снова чувствуем их биение, мы понимаем, насколько долгой была ожесточившая нас зима. Наши юные товарищи не должны переставать петь. Мы будем стоять бок о бок: мы, прошедшие чистилище долгой зимы, и наши товарищи с молодыми сердцами и наивной уверенностью.

За ночь свежий ветер развеял закрывавшие солнце тучи. За неделю вода и грязь, с которыми мы сражались в битву которым проиграли, исчезли. Но никто не был готов поверить в чудо наступления весны. Первые поднявшиеся над дорогами облака пыли

вызывали чувство недоверия. Возможно, природа просто хочет сыграть с нами злую шутку. Но мы счастливы, что весна прибыла таким приятным способом.

Теперь в нашем секторе тихо. Время от времени обстрелы вражеской артиллерии, немногочисленные налеты красной авиации. Наши землянки надежны и выдерживают бомбы. Они укреплены шпалами и рельсовыми плетями. Еще совсем недавно мы не могли себе даже представить подобного затишья на фронте, как и непривычно мягкой погоды. Но сейчас было похоже, что иван наконец успокоился. Время от времени мы даже можем расслабиться в течение одного или двух часов. Мы часто вспоминаем о трудных неделях «зимней битвы за Орел».

Главный удар битвы во второй половине февраля был нацелен восточнее Орла, потом, несколько дней спустя, начались беспрецедентно ожесточенные бои на юго-востоке от города. Противник сосредоточил мощные силы пехоты, танки и тяжелую артиллерию на обоих направлениях. Потому неудивительно, когда ледяным февральским утром начался артиллерийский гром.

То, что случилось на дотеле не знавшем поражений участке, было чистым адом. Даже закаленным бойцам в окопах никогда не приходилось сталкиваться со столь яростными атаками. Русские бросили в массированное наступление 120–200 тысяч солдат, 400 танков и 120–150 батарей, численность на Восточном фронте значительная. И почти невозможно поверить, что немецкие дивизии смогли выдержать натиск этого большого численного превосходства, и это притом, что враг полностью его осознавал. И последнее, но не менее важное: огромные потери в живой силе и технике в результате бесплодных попыток прорваться в том же секторе преподали большевикам урок того, что защитники удержат свои позиции, невзирая на значительно превосходящие силы противника. План большевиков взять Орел в клещи ударами с севера и юга побудил их развернуть эти гигантские ресурсы. С первых часов бойни мы поняли, что надо защитить выступающий вперед бастион – Орел. Мы также знали о том, что нас может ожидать та же участь, что и наших смелых товарищей в Сталинграде.

Помимо южно-северных клещей с ударами у Болхова и Поньрей, Советы наносили еще два удара западнее Жиздры в направлении на Брянск, а также на Льгов. Более того, леса от Карачева до Гомеля – огромная, 300-километровой ширины, полоса лесов, болот, в зимнее время почти непроходимая за пределами дорог, также была занята партизанами и частями советских регулярных парашютно-десантных войск. Любой подвоз продовольствия и боеприпасов разграблялся этими бандитами. Все, что мы могли сделать, – это стоять до конца. Выбирать нам не приходилось. Положение было предельно ясным. Нашим единственным шансом на выживание было защищаться. Это была жестокая битва людей, которым нечего терять. В тот момент именно это страшное осознание все предельно упростило. Многие солдаты шли в бой с улыбкой на бледном лице.

23 февраля

На немецкие позиции и укрепления обрушился шквал снарядов и огня тяжелой артиллерии. Бомбардировщики ряд за рядом сбрасывают бомбовую нагрузку на линии окопов, а бронированные штурмовики (Ил-2) на бреющем полете над полем боя расстреливают нас из пулеметов и пушек.

А затем накатывает первая волна большевистской пехоты и танков. Она и ужасающая, и уникальна. Но мы не будем об этом говорить. Мы обороняемся с мужеством, подпитываемым отчаянием, и владеем оружием, как умелые мастера.

Похоже, все бесполезно. Слишком жестокие и повторяющиеся атаки на наши позиции и все, что движется или торчит из ледяного зимнего пейзажа. Слишком злобные вездесущие штурмовики со своими грохочущими пушками и пулеметами, летающие группами над самой линией фронта, как громадные белые птицы смерти. Слишком много танков и слишком

много пехоты: семь пехотных дивизий и четыре танковые бригады только в первые дни наступления! Противнику удается прорваться, развернуть пехоту, а затем новые танковые бригады. В первые пять дней подбит 121 танк, а на следующий день развернуто 80 новых! Плохие погодные условия затрудняют полеты люфтваффе. Потери очень высоки. Каждый день приносит с собой новый кризис, который мы можем преодолеть лишь напряжением, превосходящим наши человеческие силы, и ценой собственной крови.

1–6 марта

В эти первые дни марта нас перебрасывают в южный сектор, где формируется новый координационный центр. Противник развернул четыре армии и командование ВВС в районе между Курском и Орлом. Снова и снова они пытаются прорваться сквозь бреши в обескровленной обороне нашего правого фланга и обойти наш южный фланг. Битва достигла апогея. С начала наступления в конце февраля противник потерял 35 тысяч военнослужащих, 280 уничтоженных танков и 140 сбитых самолетов.

Несмотря на такие огромные потери, боевой дух противника не сломлен. Его удар направлен на запад. Мы продолжаем отбивать его силы с юго-запада и с севера от Орла. Кроме того, противник наступает на наши фланги танковыми и моторизованными дивизиями. В то же время развертывают мощные силы на трех других позициях: к юго-востоку от Орла, а также севернее, из района Жиздры. Все атаки поддерживает огонь тяжелой артиллерии, не говоря уже о бесчисленных танках.

7 марта

Мы уничтожаем 77 из атаковавших 90 танков. Бои продолжаются с невероятным ожесточением и большими потерями с обеих сторон до 10 марта. Положение все еще балансирует на острие ножа. Наши боеприпасы и продовольствие исчерпаны – важнейшие линии снабжения под угрозой или атакованы большими силами противника. Мы приходим к горькому выводу, что это может быть разгромом. Еще два дня – и все будет кончено.

12 марта

Происходит чудо. Утром обычной массированной атаки нет. Вокруг по-прежнему летает много металла, но это просто мелочь по сравнению с предшествующими днями. И все же мы давно перестали верить в чудеса, и у нас есть подозрение, что за этим отсутствием мощных атак кроется какая-то дьявольская хитрость. В ожидании очередного нападения наши чувства обострены до предела. Но ни ночью, ни на следующий день ничего не происходит. Мы получаем известие о том, что наши войска перешли в контрнаступление под Харьковом, что, скорее всего, и есть тайная причина внезапного спада интенсивности боевых действий. В районе остается еще много вражеских соединений, столкнувшихся с новой обстановкой. Их оперативная задача находится под угрозой, и они опасаются наступать. Битва за Орел закончилась.

Ранняя весна с ярким солнцем следует за второй страшной восточной зимой. С благодарностью мы из наших затопленных талой водой окопов глядим на яркое голубое небо. Сияющее на нем солнце светит нам символом веры в нашу победу. Мы победим!

Весна пришла быстрее, чем мы ожидали. Последний снег стаял несколько недель назад. Из-за летней жары и засухи грязь, покрывающая все вокруг, исчезала за несколько дней. На фронте мы снова становимся хозяевами своей судьбы. По дорогам, взметая густые облака пыли, взвод за взводом катят танки, штурмовые орудия, гаубицы и длинноствольные пушки. Вновь похоже, что готовится серьезное наступление. Через несколько недель мы, как говорят,

двинемся вперед. Я не могу в это поверить. Думаю, вскоре мы уйдем на переформирование, а потом будем снова развернуты для сражений на фронте. Но проживем – увидим.

Первые товарищи уже ушли в отпуск, через пару недель наступит и моя очередь. И меня вновь одолевает жуткое чувство, что со мной может что-то случиться в шаге от воплощения тысячи моих счастливых снов. Постоянная зубная боль, головные боли или диарея – все вдруг приобретает огромное значение. Я лишь мучительно надеюсь, что не заболēju. Сейчас я чувствую себя плохо!

ВВС противника с недавних пор очень активны. День и ночь в небе летают десятки бомбардировщиков или истребителей. И это всегда безошибочный знак: когда кружат птицы смерти, либо мы, либо враг планирует крупные операции. Фронтовикам это напоминает кинотеатр. Но это кино не без опасностей.

6 мая

Сегодня день суматошный. На рассвете над нашими окопами пролетает эскадрилья советских бомбардировщиков. Внезапно они, резко развернувшись, ныряют вниз и на высокой скорости пикируют на наши позиции. Исходя из опыта, теперь они должны открыть свои бомбовые люки и сеять смерть. Но ничего подобного не происходит. Вместо этого мы слышим знакомое завывание наших истребителей. Мы прижимаемся к стенам окопов и наблюдаем, как в ясном утреннем небе они сражаются не на жизнь, а на смерть. Началось маневрирование на близкой дистанции, попытки уклонения и стрельба. Наши истребители пикируют на медлительные бомбардировщики, чьи стрелки пытаются их сбить. Строчат пулеметы, бортовые пушки плюются пламенем в небо. Наши истребители атакуют, а затем, ревя двигателями, круто взмывают вверх, чтобы оказаться над вражескими бомбардировщиками. В небе над нами советский бомбардировщик, свалившись на правое крыло, начинает падать, а затем в штопоре врезается в землю и в снопе пламени взрывается. В последующие три минуты та же участь постигает еще четыре советских бомбардировщика. В этот день в нашем секторе сбито 74 советских самолета.

Вчера прибыли первые «Тигры» и расположились в широкой полосе позади нашего сектора. Это нас успокаивает, поскольку с другой стороны красные тоже сосредотачивают свои танковые соединения. Передовая нашпигована зенитными орудиями всех калибров и размеров.

Мы полны спокойствия и уверенности, так как зима кончилась, а солнце всегда на нашей стороне.

Примечание издателя

На этом заканчивается третий, и последний, дневник Ганса. Всего пару недель спустя он уедет в отпуск и, возможно, именно поэтому избежит начавшейся 5 июля 1943 года кульминационной битвы за Курск. В ее ходе произошло крупнейшее в истории танковое сражение и участвовало до 2 миллионов человек. Советы наконец доказали, что способны выдержать подготовленное немецкое наступление. С этого момента стратегическая инициатива на Востоке принадлежала СССР, а немцы лишь старались оттянуть вторжение советских войск в Европу, одновременно пытаясь сдержать западных союзников, высадившихся на оккупированных Германией территориях с моря.

Третья тетрадь военного дневника Ганса Рота заканчивается в мае 1943 года, и хотя это достоверно неизвестно, однако, скорее всего, до самой гибели он работал над четвертой тетрадью, которая, вероятно, еще может обнаружиться.

Документы указывают лишь на то, что он прожил еще год. В официальном уведомлении Главного командования сухопутных войск (ОКХ), полученном его женой Розель, он пропал без вести 25 июня 1944 года.

В то время 299-я пехотная дивизия занимала позиции на фронте группы армий «Центр» юго-восточнее Витебска. За год до этого бои шли, прежде всего, в южном секторе советско-

германского фронта, и немцы ожидали возобновления советского наступления с этого направления. Однако, обретя благодаря грузовикам и другим западным поставкам превосходную мобильность, Советы скрытно переместили ось своего наступления в центр советско-германского фронта.

22 июня 1944 года, в третью годовщину немецкого нападения, Красная армия начала операцию «Багратион», внезапно обрушившееся на фронт противника грандиозное наступление. В немецких военных документах катастрофа именуется просто «Уничтожение группы армий «Центр». На центральном фронте из полумиллиона немцев, противостоявших двум с половиной миллионам наступавших советских войск, погибло 350 тысяч человек.

299-я пехотная дивизия находилась в числе немецких соединений, первыми попавших под сокрушительный удар, и была немедленно уничтожена. После всех чудесных спасений из смертельно опасных ситуаций войны Ганс Рот в конце концов, видимо, погиб. В официальном уведомлении ОКХ сказано, что 25 июня 1944 года Рот пропал без вести.

В полученном Розель официальном уведомлении вермахта сказано, что ее муж пропал без вести к юго-западу от Витебска 25 июня 1944 года. Письмо заканчивается пожеланиями здоровья и выражением надежды на его возможное возвращение домой, хотя любой прочитавший его дневники усомнится, что Ганс Рот мог попасть в плен.

В послевоенном уведомлении немецкого Красного Креста Розель сообщили, что у них нет дополнительной информации относительно ее мужа.

В еще одном полученном Розель официальном уведомлении, на этот раз от Федеративной Республики Германии, датированном октябрём 1950 года, подтверждается, что ее муж, Ганс Рот, пропал без вести на войне.

Благодарность

Пусть эти дневники побудят читателя задуматься о наследии, которое они могли бы оставить своим потомкам.

Мама... книга эта посвящена и тебе, потому что ты когда-нибудь прочтешь в ней слова отца, и пусть они наполнят сердце твое умиротворением и покоем. Для твоих детей Марка, Мэйсона и меня ты всегда была самой лучшей матерью. Мы любим тебя так, что этого не выразить словами.

Эвана и Мэтью Фуллертоны – пусть строки этой книги сблизят вас с вашим знаменитым дедушкой. Я так вас обоих люблю и так горжусь вами! Пронесите ваше громадное наследие и передайте эту книгу тем, кто сменит вас на этом свете. Тэйлор Александер, Джордан Александер и Уитни Александер – разве выразишь словами счастье от жизни вместе с вами? Пусть Бог и впредь будет благословлять вашу жизнь.

Фрэнк Александер, мой муж и мужчина моей мечты, ты окончательно пленил меня. Я люблю тебя! Я благодарна тебе за то, что ты собрал воедино фрагменты этого дневника.

Моя особая благодарность:

Джеффу Роджерсу за его пристальное внимание к материалам дневников и за предоставленные нам сведения, без которых этой книге не увидеть свет. Джефф, я так благодарна тебе за затраченное на изучение этих дневников время и энергию и за помощь нам в упорядочивании материалов книги.

Джэн и Ада Гёрике, спасибо вам за работу по переводу дневников с немецкого на английский.

Наша особая признательность Хакану Хенриксону и Джону Кэлвину (www.wwiphotoes-maps.com) за их помощь и экспертные оценки.

И еще наша благодарность друзьям из форумов Второй мировой войны (www.ww2f.com) – Карлу Эвансу, Эрику Брауну, Кристоферу Дженсену, Славе Гурджи и Дэвиду Митчеллу, которые поделились с нами знаниями о Второй мировой войне, что позволило нам разобраться в некоторых тонкостях понятий и значений и помогло вникнуть во времена и события, участником которых был наш дед.

Кристина Александер

Литература

Для прояснения контекста оригинальных дневников Ганса Рота редакторы опирались на множество опубликованных трудов. Среди них:

Carell Paul. Hitler Moves East, 1941–1943. Winnipeg, CA: J.J. Fedorowicz Publishing, 1991.

Einseidel Heinrich, Graf von. The Onslaught: The German Drive to Stalingrad. (Foreword by Max Hastings.) New York: W.W. Norton & Co., 1984.

Glantz David M. Kharkov 1942: Anatomy of a Military Disaster. Rockville Centre, New York: Sarpedon Publishers, 1998.

Guderian Heinz. Panzer Leader. New York: E.P. Dutton & Co., 1952.

Hoyt Edwin P. Hitler's War. New York: McGraw Hill, 1979.

Lemay Benoit. Erich von Manstein: Hitler's Master Strategist. Philadelphia: Casemate Publishers, 2010.

Manstein Erich von. Lost Victories. Novato, CA: Presidio Press, 1982.

Meyer Kurt. Grenadiers. Winnipeg, CA: J.J. Fedorowicz, 1994.

Mitcham Samuel W., Jr. The Men of Barbarossa: Commanders of the German Invasion of Russia, 1941. Philadelphia: Casemate Publishers, 2009.

Niebold Gerd. Battle for White Russia: The Destruction of Army Group Centre, June 1944. London: Brassey's, 1987.

Seaton Albert. The Battle for Moscow. New York: Sarpedon Publishers, 1993.

Warlimont Walter. Inside Hitler's Headquarters, 1939–45. Novato, CA: Presidio Press, 1990.

Zhukov Georgi K. Marshal Zhukov's Greatest Battles. (Ed. и with commentary by Harrison Salisbury.) New York: Harper & Row, 1969.

Сноски

1

«Тора! Тора! Тора!» (*англ.* Tora! Tora! Tora!) – художественный фильм совместного производства США и Японии, вышедший на экраны 23 сентября 1970 г. Известен как наиболее достоверное киноизображение атаки японского флота на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. (*Примеч. пер.*)

2

«Пушки острова Наварон» (*англ.* The Guns of Navarone) – военный кинофильм режиссера Джей Ли Томпсона, вышедший на экраны в 1961 г. Экранизация одноименного романа Алистера Маклина. (*Примеч. пер.*)

3

Командовал в июне 1941 г. группой войск армий резерва Ставки, а в июле – сентябре был главкомом войск Юго-Западного направления (Юго-Западный фронт М.П. Кирпоноса и Южный фронт И.В. Тюленева). (*Здесь и далее примеч. ред.*)

4

Галланд на Восточном фронте не воевал.

5

Немецкий 3-й моторизованный корпус захватил Ровно еще 28 июня. С 23 по 29 июня в районе Ровно, Луцк, Радехов, Дубно происходило встречное танковое сражение; у Ровно действовали 9-й и 19-й советские механизированные корпуса.

6

Советская армия времен войны намного меньше немецкой полевой (или танковой) армии немцев. В данном случае под Новоградом-Волинским наносила контрудар лишь часть 5-й армии генерала Потапова.

7

Контрудар 5-й советской армии генерала Потапова со стороны Коростенского укрепленного района в южном направлении во фланг 1-й танковой группе и 6-й полевой армии немцев вынудил их приостановить наступление на Киев.

8

Имеется в виду 6-ствольный Nebelwerfer 41 и его 320-мм зажигательные реактивные снаряды, снаряжаемые сырой нефтью (стрелял также 280-мм снарядами с 45 кг взрывчатки в каждом).

9

Первоначально эти чехословацкие орудия стреляли 135-кг снарядами на дистанцию до 130 км. После модернизации (увеличение начальной скорости с 800 до 840 м/с и удлинения ствола с 45,4 калибра до 54,6 калибра) дальность стрельбы увеличилась.

10

Элитные части из Москвы были заняты на московском направлении, где с 10 июля развернулось грандиозное Смоленское сражение.

11

Коростень немцы взяли уже к 14 июля.

12

Житомир был взят немцами еще 9 июля.

13

Главком юго-западного направления (Юго-Западный и Южный фронты) в июле – сентябре 1941 г. Но Юго-Западным фронтом непосредственно командовал генерал Кирпонос.

14

Советские бомбардировщики СБ, которые немцы еще во время гражданской войны в Испании почему-то прозвали «Мартин-бомбер».

15

В сентябре 1941 г. в состав 29-го армейского корпуса входили 299, 71, 75, 95-я пехотные дивизии и 99-я легкая дивизия.

16

Здесь речь идет не о городе Запорожье, а о каком-то населенном пункте в прежнем районе боев. Возможно, это Заборье западнее Боярки и Гатного.

17

Имеется в виду форт Дуомон под Верденом, за который в 1916 г. шли страшные бои.

18

Таунус – низкий горный хребет на юге Рейнских Сланцевых гор, между реками Майн и Лан на западе Германии, высотой до 880 м.

19

2-я танковая группа.

20

1-я танковая группа.

21

Танки Гудериана и Клейста замкнули кольцо окружения 15 сентября, встретившись у города Лохвица в 200 км восточнее Киева.

22

Повторимся, что маршал Буденный в июле – сентябре 1941 г. командовал юго-западным направлением (Юго-Западный и Южный фронты), а генерал Кирпонос, погибший 20 сентября в бою во время выхода из окружения, командовал Юго-Западным фронтом с самого начала войны. Буденный еще 11 сентября предложил отвести советские войска от Киева на восток на рубеж реки Псёл. Однако это оказалось невозможно сделать, поскольку войска были скованы боями, а 12 сентября Клейст от Кременчуга ударил в северном направлении. Ставка и лично Сталин делали все, что могли, – начали создавать у Псёла тыловой рубеж обороны, пытались имевшимися ограниченными силами парировать удары Гудериана и Клейста. Киев же планировалось эвакуировать «только после создания рубежа на р. Псёл», с целью выигрыша времени и сковывания противника. Эти планы – отражение Гудериана и организацию обороны на Псэле – разрушил стремительный прорыв Клейста от Кременчугского плацдарма в северном направлении. Советские войска Юго-Западного фронта, значительно уступавшие врагу в силах (в начале Киевской оборонительной операции в пехоте и артиллерии более чем в 2 раза, в самолетах в 1,5 раза), были разбиты и большей частью окружены.

23

2-я танковая группа (с 5 октября 1941 г. 2-я танковая армия) Гудериана начала наступление на Москву в рамках операции «Тайфун» 30 сентября, 2 октября перешли в наступление 3-я и 4-я танковые группы севернее.

24

Ныне район Киева в западной его части.

25

В Бабьем Яре немцы и их пособники в несколько заходов расстреляли около 100 тысяч человек. Половина из них евреи, остальные – советские военнопленные, местные жители русского и украинского происхождения, цыгане и караимы.

26

Здесь, видимо, орудия из остатков арсеналов Первой мировой войны и вооружение времен сотрудничества СССР с Германией после Первой мировой войны. Но основная часть вооружений была советского производства.

27

4 октября танки Гудериана продвинулись отсюда далеко на северо-восток, уже 3 октября захватив Орел в 200 км. Автор, видимо, видел тыловые и ремонтные подразделения.

28

Здесь, очевидно, штурмовики Ил-2, а американские бомбардировщики с мощным пушечным вооружением «Дуглас ДВ-7» (он же А-20 «Хэвок» и «Бостон») начали поступать по ленд-лизу позже.

29

Недригайлов западнее Ольшаны, а наступление шло в восточном направлении.

30

Сталин остался в Москве, но многие учреждения были эвакуированы в Куйбышев (ныне Самара) на Волге.

31

Перед войной (в 1940 г.) за 1 рейхсмарку давали 2 рубля 12 копеек.

32

В описываемый период численность действующей Красной армии не превышала численности противостоящих войск немцев и их союзников.

33

Это 47,5-тонные КВ-1. А 52-тонные КВ-2 (выпущено всего чуть более 200) были потеряны в самом начале войны, тогда же был прекращен выпуск КВ-2.

34

Из противотанкового ружья, способного поражать бронеобъекты с броней до 35 мм, поджечь танк KV-1, имевший броню 75 мм, было невозможно. Значит, здесь были и легкие танки.

35

На самом деле в верховьях реки Псёл, около 40 км юго-западнее Прохоровки.

36

Штатная численность немецкой пехотной роты – 201 человек.

37

Автор (неточно по времени) сообщает о Барвенковско-Лозавской наступательной операции Красной армии (18–31 января 1942 г.).

38

Гудериан еще в декабре 1941 г. был отправлен с поста командующего 2-й танковой армией в отставку и в резерв (до 1943 г.).

39

С января 1942 г. 6-й армией командовал Паулюс.

40

В Первую мировую было все вышеперечисленное плюс отравляющие газы. Но война не имела динамики Второй мировой и была больше окопной.

41

Автор путается – здесь занимала позиции 2-я полевая армия.

42

Крайняя восточная точка фронта в это время была южнее, у Таганрога.

43

Бои в Воронеже происходили с 6 июля 1942 г. до 25 января 1943 г., когда враг был выбит из города.

44

А также соединений из 4-й танковой армии, разгрому 3-й и 4-й румынских армий.

45

Ливны были освобождены Красной армией еще в декабре 1941 г. И снова захватить их немцам в июне – июле 1942 г. не удалось.

46

Имеются в виду гвардейские реактивные минометы «Катюша» разных модификаций.

47

Эти цифры, видимо, из сводок, доложенных в вышестоящие инстанции, сильно преувеличены.

48

Людвиг Ренн (1889–1979) – немецкий писатель, настоящее имя Арнольд Фит фон Гольсенау. Романы «Война» (1928) и «После войны» (1930) и др.

49

Эрих Мария Ремарк (1898–1970) – участник Первой мировой войны, автор известных романов «На Западном фронте без перемен», «Три товарища», «Триумфальная арка», «Черный обелиск», «Время жить и время умирать».

50

До 1919 г. – город Бирюч, в 1919–1958 гг. – Буденный, Буденное, в 1958–2007 гг. – Красногвардейское, с 2007 г. – снова Бирюч.

51

В ходе Острогожско-Россошанской операции 13–27 января 1943 г., свидетелем которой стал автор, советские войска разгромили более 15 вражеских дивизий, 6 дивизиям было нанесено тяжелое поражение. Только в плен было взято свыше 86 тысяч солдат и офицеров противника.

52

Имеется в виду советские 1,5-тонные ГАЗ-АА, созданные на основе американского «Форд-АА», выпускавшиеся на Горьковском автозаводе (и ГАЗ-ММ, модернизированный в 1938 г.).